

ЛАРИСА ПЕТРОВИЧЕВА

ЧЕРНИЧНАЯ ВЕДЬМА ИЛИ

ВСЕ О ДЕСЕРТАХ И ЛЮБВИ

Annotation

В нашем мире ведьмы — существа второго сорта, но мне удалось устроиться в жизни. Я создавала удивительные десерты... пока в городе не появился ссыльный инквизитор, и в рецепте моей жизни все перепуталось. Или исправилось? Осталось разобраться и не угодить ни в лапы тех, кто собрался убить нас обоих, ни влюбиться в того, кто обречен меня ненавидеть.

- [Петровичева Лариса](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Эпилог](#)
-

Петровичева Лариса
Черничная ведьма, или Все о десертах и любви

Глава 1

Я точно знаю: нет ничего вкуснее хорошего кекса. Небольшого, на три укуса, упругого, сочного. Разламываешь его ложечкой, отправляешь в рот, и голова начинает мягко кружиться от удовольствия. Сладкий, но не до приторности, сочный, но не сырой, с целыми ягодами черники — хороший кекс это истинное наслаждение.

Конечно, есть те, кому подавай пирожные с кремом в тридцать три этажа — и в «Черничной ведьме» такие тоже есть. В кафе госпожи Марлен вообще много выпечки и десертов. Эклеры, кексы, пирожные, авторские конфеты из белого шоколада с персиковой начинкой — но на первом месте, конечно, все, в чем есть черника. Госпожа Марлен ее просто обожает, ну а я — я работаю с тем, что мне заказывают.

Так что «Черничная» на вывеске, это Марлен, а ведьма — это я, Эрна Уиллоу. Провинциальный Ханибрук принял меня пять лет назад, с тех пор моя жизнь сделалась более-менее спокойной, и многие ведьмы королевства могут мне позавидовать. Я создаю сладости в ресторанчике госпожи Марлен, раз в год езжу в столицу округа отмечаться у тамошнего инквизитора, и в принципе у людей нет ко мне ни претензий, ни вопросов. Я не колдую, веду законопослушную жизнь, и посетители «Черничной ведьмы» только в шутку интересуются тем, использую ли я заклинания при готовке — уж очень вкусно получается!

Вкусно — это по моей части, и мои кексы и пирожные такие вкусные не потому, что я над ними колдую, а потому, что руки у меня растут, откуда надо, а госпожа Марлен не экономит на продуктах.

— Эрна!

Я прикрепила шоколадную эмблему заведения к боку большого дынного пирожного и понесла блюдо к витрине. Госпожа Марлен возвышалась над прилавком, словно сахарная гора. Каждый, кто входил в заведение, понимал: здесь кормят вкусно — на невкусном такого туловища не наешь.

— Эрна, ты слышала, к нам приезжает инквизитор!

Видимо, мне следовало выронить блюдо — но я этого не сделала. Аккуратно поставила его в витрину рядом со стаканчиками с

вишнево-шоколадным десертом, всеми силами удерживая волнение, и спросила:

— Чего это ему у нас понадобилось?

— Его сослали! — глаза госпожи Марлен расширились от испуганного восторга, словно она предвкушала визит такого гостя и представляла, что именно он закажет. Наверняка, мое сердце на шампуре, как и полагается инквизитору. — Сослали из самой столицы, представляешь? Мэри Смолл рассказала, что он был следователь по особым вопросам. И на задержании убил ведьму и ее дочь, а девочке было всего восемь, — госпожа Марлен процокала наманикюренными ногтями по стойке и продолжала: — Без обид, Эрна, но к вашему племени сама знаешь, какое отношение. Но девочка! В общем, ему настоятельно посоветовали уйти в отставку и уехать.

Я надеялась, что мне по-прежнему удастся удерживать волнение и не показывать Марлен, что меня знобит. Что ледяной водоворот, который сейчас закручивается у меня в животе, никак не отражается на лице. Я законопослушная ведьма, я не колдую и, в конце концов, не виновата, что родилась такой.

Есть обычные люди, есть инквизиторы, а есть ведьмы. И если с первыми и вторыми все в порядке, то ведьма может никому не причинять вреда — и все равно быть виноватой во всем. Просто потому что кого еще обвинить в чужих бедах, кроме ведьмы?

Мне пока еще везло. Ханибрук был тихим и спокойным, а мои пирожные и кексы — вкусными, и люди здесь не то что бы любили меня, просто относились без вражды. Живи и жить давай другим, говаривал бургомистр, и его мнение разделяли.

И теперь вот инквизитор из столицы, который наверняка затаил злобу на всех, кому не повезло родиться ведьмой. Судя по всему, Марлен прекрасно поняла мои чувства, потому что добавила:

— Ты не бойся. Весь город знает, что ты не колдуешь. Но на всякий случай постарайся не показываться ему на глаза. Мэри Смолл сказала, что он тут ненадолго. Решит какие-то имущественные вопросы и уедет. В общем, ты меня поняла.

— Поняла, госпожа Марлен, — кивнула я. Чего тут непонятного: сиди на кухне и не высовывайся в зал — только это мало чем поможет. Инквизитор всегда учует ведьму.

Я вышла из-за стойки и окинула взглядом витрину с кондитерскими изделиями. Наборы трюфельных конфет с темным шоколадом, фисташками и ванилью, шоколадно-мятный торт, уже разделенный на сектора, профитроли со сливочным кремом, тарталетки с лимонным и ягодным конфитюром — и, разумеется, черничные кексы. Уже через несколько часов от этого сладкого богатства не останется ни крошки: народ в Ханибруке любит десерты.

— А муссовый торт? — уточнила Марлен — она была до него большая охотница. Я кивнула.

— Готов. Уже несу.

Черничный муссовый торт был настоящим произведением искусства. Шоколадный брауни с хрустящим слоем утопал в нежнейшем сиреневом муссе, задекорированном глазурью. Стоил такой тортик пятнадцать крон — но он того стоил. И полторы кроны из этих пятнадцати были моими, а это значило, что к осени я все-таки смогу переехать в собственную квартиру и перестану снимать комнатуху по соседству с рестораном.

Когда я выносила торт из кухни, то над дверью звякнул колокольчик, и меня бросило в жар — такой, словно у меня под ногами развели костер. Руки задрожали, черничный торт на подносе качнулся в моих руках.

Оборачиваясь к двери, я уже знала, кого увижу.

На первый взгляд инквизитору было чуть за тридцать, но нитки седины в каштановых кудрях, которые не желали спокойно лежать в стильной стрижке, делали его старше. Я смотрела на него, не в силах сдержать дрожь. Узкое лицо с печатью усталого равнодушия, презрительно скривившийся тонкогубый рот, острый длинный нос, пересеченный едва заметным шрамом, темные глаза, которые смотрели так, словно пытались заглянуть под кожу — инквизитор выглядел джентльменом, который приехал сюда не пытаться и рвать на части, а отдыхать. Такие вот господа в светлых костюмах, пошитых по мерке, а не купленных в магазинах, наполняют Ханибрук каждое лето — у нас тут хороший климат и живописное озеро, туристы тут не переводятся...

Я поймала себя на том, что думаю о какой-то ерунде, стараясь выбросить из головы картинку, которая поднялась перед внутренним взглядом — столб, к которому меня привязали, большие вязанки

хвороста, разгорающийся костер. Никакого дыма, ведьме положено не задыхаться, а сгореть заживо — и столичный инквизитор не сводил с меня взгляда, и в его глазах поплыли огоньки, чтобы зажечь хворост под моими заледеневшими ступнями.

«Подчинись, — услышала я далекий голос, который наполнил голову шумом и звоном. Такой голос появлялся всегда, стоило мне встретиться с инквизитором — они не могут не подавлять. — Пади и подчинись».

Не знаю, каким святым господним чудом я умудрилась удержать поднос с тортом. Наверно, дело было в том, что моя казнь была еще под вопросом — а пятнадцать крон за размазанный по полу торт Марлен удержит из моего жалования, и это был неоспоримый факт. Инквизитор устало усмехнулся и процедил:

— Ведьма.

— Не просто зарегистрированная законопослушная ведьма, а наша лучшая повариха! — пропела госпожа Марлен, выплывая из-за стойки, подобно гигантскому кораблю. Взяв столичного гостя под руку, она повела его к лучшему столику у окна с видом на город, и мне стало легче дышать, когда мужчина перестал на меня смотреть. Я поставила торт в витрину и привалилась к стойке — ноги подкашивались, голова гудела. — Добро пожаловать в Ханибрук, господин...?

— Энцо Саброра, — представился инквизитор. Улыбка госпожи Марлен сделалась еще шире.

— Присаживайтесь, господин Саброра, присаживайтесь, у нас как раз все готово для второго завтрака. Как насчет брускетты с лососем? Или, может быть, карпаччо из телятины с помидорами, шампиньонами и сыром? Могу также посоветовать салат с пикантными овощами, перепелиными яйцами и острой заправкой — чистый восторг!

— Все, что угодно, кроме того, что готовила она, — ответил Саброра, кивнув в мою сторону, и к нему метнулся официант с книжкой меню и минеральной водой. Марлен снисходительно улыбнулась.

— Господин Саброра, не стоит отказывать себе в удовольствии! Видите вон тот диплом в рамке? Эрна получила его за свой шоколадный торт в прошлом году, ее оценили на столичном кулинарном конкурсе! Попробуйте черничные кексы, это настоящее счастье на языке. Если вам не понравится, то завтрак за мой счет!

Марлен знала, о чем говорила. Не родился еще тот человек, которому не пришлось бы по душе мои кексы. Даже господин Магуро, генеральный инквизитор округа, всегда улыбался от удовольствия, ставя подпись и печать в мою желтую книжку регистрации — потому что чувствовал дивный аромат из картонной коробки с кексами, которую я привозила ему в подарок.

Саброра едва заметно кивнул. Через несколько мгновений перед ним стояла брускетта с лососем и яйцо пашот на хрустящем зерновом тосте в компании с ломтиками бекона. Марлен вернулась к стойке, ободряюще дотронулась до моей руки. Я была ей благодарна за поддержку: хозяйка «Черничной ведьмы» придерживалась разумной философии о том, что своих надо защищать — а я была своей, потому что мои сладости приносили ей сорок крон каждый день. Инквизитор ел, орудуя ножом, словно хирург — нельзя было не представлять, как похожие ножи работают в пыточных, отделяя...

Нет. Не надо об этом думать. Я законопослушная ведьма и собираюсь оставаться такой. Ему просто не к чему будет придраться.

Марлен нырнула в витрину, выложила на блюде два кекса и протянула мне. Я с ужасом взглянула на нее — всех моих душевных сил сейчас хватило лишь на то, чтобы отрицательно мотнуть головой.

— Иди, — с нажимом прошептала Марлен. — Тебе незачем прятаться. Ты ни в чем не виновата. Так выпрями спину и подними голову!

Я выдохнула и взяла подносик с блюдцем. Марлен была права. Ведьма не может не трястись перед инквизитором, такова ее природа — но я в самом деле никому не сделала ничего плохого. Значит, выйду из-за стойки, улыбнусь и пройду к лучшему столику возле окна.

Инквизитор оторвался от брускетты, посмотрел на меня — даже без ненависти, с какой-то невероятной глухой усталостью. Я улыбнулась, поставила блюдо перед ним и сказала:

— Приятного аппетита, господин Саброра.

Он даже не взглянул в мою сторону и отпил воды из стакана. Я вернулась за стойку, положила поднос на место, а потом нырнула на кухню и подумала, что не выйду отсюда, пока Саброра не уедет из города. Это было невыносимо. Я чувствовала себя мокрой простыней, которую сильные руки прачки выкрутили досуха. Сквозь звон в ушах я слышала, как приходили новые гости, как официанты сновали по залу,

как Марлен ворковала, расписывая все достоинства карпаччо с телятиной — а потом вдруг дышать стало легче, и Марлен, заглянув на кухню, с нескрываемым удовольствием сообщила:

— Эрна, он ушел! А это тебе, чаевые за кексы.

В книжке для чеков, которую она мне протянула, красовалась сиреневая купюра в пять крон. Мой заработок за два дня.

Хотелось надеяться, что это не прикрытие для удара, который Саброра готовился нанести.

- Давайте смотреть правде в глаза. Ведьмы — такие же граждане Маранзона, как и не-ведьмы. Я понимаю, что раньше дела обстояли иначе, но теперь мы достигли такого уровня нашего развития, что государство защищает всех. И людей, и законопослушных ведьм.

Максим Вайн, бургомистр, сделал паузу и отпил лимонного коктейля со льдом. Погода выдалась жаркой и солнечной — в такие дни Марлен приказывает выставить столики на улице, под полосатым навесом. Вайн сейчас занимал как раз такой столик, Саброра составлял ему компанию. Я не подслушивала — у жены одного из наших официантов начались преждевременные роды, и Марлен попросила помочь. Теперь я снова среди столиков, принимала заказы и старалась не думать о том, что столичный инквизитор смотрит в мою сторону.

Я чувствовала его взгляд на своей спине, словно ожог.

— Согласитесь, я могу взять вот этот нож и кого-нибудь зарезать, — продолжал бургомистр. Я поставила перед ним большую тарелку со стейком средней прожарки в компании овощей, бесшумно собрала скомканные салфетки. — Не отменять же все ножи на свете и не тащить же людей в тюрьму просто за то, что они могут кого-то убить! Когда убьют — тогда ими и займутся по всей строгости закона.

Саброра усмехнулся. Узел его стильного изумрудного галстука с золотым шитьем был ослаблен, воротник идеально белой рубашки расстегнут, но инквизитор все равно казался застегнутым на все пуговицы, стянутым, окаменевшим. Такова их природа. Ведьма — это внутренняя свобода. Инквизитор — это цепи и оковы.

— И что вы предлагаете? — поинтересовался он. Я скользнула к соседнему столику: немолодой турист, который пришел в компании с юной леди с холодным взглядом и поджатыми губами, заказал ломтики свиной вырезки с грибами и картофелем, его спутница потребовала,

чтобы ей принесли стейк лосося в сливочном соусе и салат из морепродуктов.

— Да смотрите, чтобы не пригорело, как в прошлый раз! — распорядилась она. Я улыбнулась, кивнула и двинулась было в сторону дверей, как вдруг Саброра придержал меня за руку.

Прикосновение к запястью опалило, заставило качнуться не от боли — от ее предчувствия. Я была уверена — опущу глаза и увижу, как сквозь почерневшую кожу выглядывает кость. Бургомистр смотрел с искренним сочувствием.

— Принесите кофе, — сказал Саброра, посмотрел мне в лицо с прежней брезгливой усталостью. Господни чудеса продолжались — я выдержала его взгляд, кивнула и ответила:

— Да, конечно. Что-то еще?

— Там остался муссовый торт, или я опять опоздал? — спросил бургомистр.

— Остался, — ответила я. Саброра по-прежнему держал меня за руку — ему нравилось пугать, нравилось, что его прикосновение вгоняло несчастную, ни в чем не виноватую ведьму то в жар, то в холод. И ведь рукой не дернешь!

— Тогда несите все! — с улыбкой распорядился бургомистр, и инквизитор наконец-то соизволил выпустить мое запястье. Я влетела в ресторанчик, не чувствуя пола под ногами, отдала на кухню листок с заказом и, пройдя к витрине, прошипела:

— Дранный ты извращенец!

— Что такое, Эрна? — спросила Марлен, пересчитывая чеки. Касса перед ней красовалась раскрытой пастью, полной разноцветных купюр — день выдался удачный, гостей было много.

— Ему нравится меня пугать, — выдохнула я. От муссового торта осталось три куска и, переставляя блюда на поднос, я не сомневалась: бургомистр съест все, и у него не склеится. Марлен вздохнула.

— Терпи, милая, что еще я тебе могу сказать. Он уедет, и все снова будет хорошо.

Я с благодарностью посмотрела на хозяйку ресторанчика. У Марлен были свои недостатки, но в общем и целом работать с ней было здорово. Я отнесла торт бургомистру, поставила перед Сабророй крошечную чашку кофе, черного, как его душа, и на этот раз он обошелся без прикосновений.

Полчаса прошли в беготне между столиками. Компания студентов, которые приехали на озеро порыбачить, заказала порцию вареников с сыром и шпинатом и пятнадцать больших стаканов местного бодрящего коктейля на травах — все правильно, молодые крепкие парни, смуглые и улыбочивые, в белых рубашках с короткими рукавами и клетчатых штанах, никогда не превращали закуску в еду. Я принесла вырезку и лососиный стейк туристу и его спутнице, взяла опустевшие тарелки с соседнего столика и, заглянув в книжку с чеком, увидела купюры и монеты точно по счету — семья с двумя детьми ушла, не оставив чаевых — и вдруг услышала тоненький сиплый стон.

Я обернулась — капризная юная леди заваливалась на землю, царапая горло скрюченными пальцами и раскрывая и закрывая рот. Ее лицо налилось красным, глаза испуганно распахнулись, и вилка, на которую было насажено осьминожье щупальце, звякнула по столу. Кто-то из гостей испуганно вскрикнул, кто-то шарахнулся в сторону, требуя звать врача. Турист бросился к девушке, рухнул рядом с ней на колени и воскликнул:

— Китти! Я же говорил, что тебе их нельзя!

Китти могла лишь сипеть. По ее щекам побежали слезы — видимо, морепродукты вызвали аллергию и невозможность дышать. Мне сделалось страшно — так страшно, как никогда прежде.

Я понимала, что сейчас сделаю — и что мне потом за это будет.

И не могла не сделать — потому что знала, чем это может кончиться.

Заклинание называлось «Разрушитель оков» — я бросила его в сторону задыхающейся Китти и сдавленно зашипела, тряся рукой: много лет не колдовала, отдача прошла от плеча до пальцев, заставив руку налиться мелкой противной дрожью. Хрип Китти сделался тоньше и вдруг оборвался — девушка смогла дышать.

На ресторанчик обрушилась тишина, густая и непроницаемая.

А потом ее разрушили радостные возгласы и аплодисменты.

- Нет-нет, не ругайте ее, господин инквизитор! Пожалуйста!

Китти усадили в кресло, принесли воды — девушка сделала несколько глотков и окончательно пришла в себя. Я стояла рядом, глядя на носки своих белых туфель на плоской подошве, и представляла, что будет дальше.

Колдовство в присутствии инквизитора. За такое во все времена полагался костер — но, бросая в Китти Разрушителя оков, я не думала о костре. Я вообще ни о чем не думала, просто сделала то, что должна была. Сейчас Китти смотрела на меня с благодарностью, а на Энцо Саброру с искренней мольбой. Он поднялся из-за стола, неторопливый и грозный, словно идущий шторм, и я с каким-то внутренним нервным смехом подумала, что мое дело скверно.

— Если бы не она, я бы уже умерла! — продолжала Китти, и ее густо накрашенные ресницы захлопали так, что смогли бы растопить даже каменное мужское сердце. Спутник Китти посмотрел на нее с укоризной, и она торопливо добавила: — Да, я знаю, я сама виновата, что решила это съесть, но в прошлый раз у меня не было аллергии на морепродукты, и я решила, что она кончилась! Прошу вас, господин инквизитор, не будьте к ней суровы!

«Будет, — подумала я. — Мой арест — это его возможность вернуться героем на прежнюю работу. Восстановиться там, откуда его выкинули. Он не упустит такого случая».

— Не будет, не будет! — бургомистр приобнял Саброру за плечи, и это выглядело, как в стихах у классика: мужик и ахнуть не успел, как на него медведь насел. Максим Вайн славился и ростом, и весом, и шириной плеч. — Я ручаюсь за госпожу Уиллоу, она законопослушная ведьма, и сейчас ей двигало лишь желание спасти человека!

«Да хоть ты обручайся тут, — устало подумала я. — Он будет делать свою работу».

Правый край рта инквизитора дрогнул в улыбке. Кажется, его забавляла вся эта суета вокруг ведьмы, которой пришла в голову блажь спасти человека. Обычно-то ведьмы занимаются совсем другими вещами. Они ткут приворотные нити, намертво пришивая одну душу к другой, поднимают покойников из свежих могил и отправляют их пить кровь живых, чтобы получить вечную молодость, посылают порчу на жертву с другого конца света, поднимают ураганы и приказывают засухам уничтожать посевы и ввергать в голод целые страны.

А тут вдруг надо же — ведьма кого-то спасла.

Я представила, как господин Магуро будет сокрушенно качать головой, ликвидируя мою желтую книжку. Ну надо же, ведьма спокойно жила в Ханибруке под его неусыпным контролем, все было хорошо, но вот ведь, не сидится людям спокойно на одном месте...

Саброра смотрел мне в лицо — не выдержав, я взглянула ему в глаза и увидела булыжники мостовой, заляпанные кровью, колесо автомобиля и два человеческих тела, скорченные, обуглившиеся. Большое тело обнимало маленькое, закрывая собой. Я даже заклинание узнала, Гексенхаммер, «Молот ведьм», только он мог сработать вот так, испепелив. Потом картинка сместилась — я увидела сверкающую витрину магазина и Саброру в отражении: в нем угасала ненависть, не оставляя ничего, кроме чувства выполненного долга.

Он сделал то, что должен был. Девочка была ведьмой — и даже хуже, чем просто ведьмой. Даже сейчас, в воспоминании, от нее веяло таким смертным ужасом, словно на месте ее тела распахнулись ворота в ад. Но она была восьмилетним ребенком, и теперь в сторону Саброры медленно шли люди, и было ясно — все понимают, что инквизитор делал свою работу, но не всегда ее следовало делать вот так.

Потом его били, и били страшно. Он сейчас держится так скованно, потому что часть ребер до сих пор не зажила. И врач велел ходить с тростью, но он ходит без нее, потому что упрям и не хочет показывать свою слабость. А если запустить руку в его волосы — вон там, справа — то можно будет нащупать шрам.

Меня качнуло. Все заняло не больше пары секунд — когда наши взгляды поплыли каждый в свою сторону, я едва не завалилась на один из столиков. Кто-то из студенческой компании рыбаков поддержал меня, не давая упасть; Саброра едва заметно усмехнулся, и я почувствовала вкус крови, наполнявшей рот. Не своей крови — его. Он разбросал нападавших заклинанием, но кто-то сзади сумел бросить камень, и...

«Не надо так внимательно смотреть. Можно увидеть то, что вам не понравится», — посоветовал призрачный голос Саброры. Мысленный разговор — о да, это они умеют.

«Я и не смотрю», — бессильно откликнулась я. Мне показалось, что Саброра рассмеялся, устало и грустно, и ощущение чужого присутствия в моей голове растаяло. Окончательно опомнившись, я поняла, что уже не стою, а сижу, и кто-то из студентов подсовывает мне стакан водки — отличное средство, чтобы опомниться.

Я обернулась. Саброра неторопливо шел по улице в компании бургомистра, который похлопывал его по плечу, довольно рокоча: «Вот

и правильно, вот это по-нашему, а у меня дома мясная нарезочка собственного приготовления есть — просто восторг!» Марлен проплыла среди столиков и, склонившись, заглянула мне в лицо.

— Эрна, ты как? Жива?

— Жива, — выдохнула я. Перед глазами все еще стояла незнакомая улица, два сгоревших тела и люди, которые добивали скорчившегося человека. Марлен сочувствующе погладила меня по плечу.

— Иди домой, отдохни. Слышишь, Эрна? Давай, до завтра.

Я заглянула в раздевалку — сменила белую рубашку и широкие штаны, в которых работала, на темно-синее платье. Взяла сумку. Мелькнула мысль зайти в банк и положить чаевые Саброры на счет, но я решила, что с этим еще успеется.

Домой, домой. Мне надо было окончательно прийти в себя.

Мне надо было привыкнуть к мысли о том, что инквизитор позволил мне уйти.

На следующий день все уже не казалось таким страшным. Когда-то учительница в моей сельской школе говорила, что человек ко всему привыкает — вот, кажется, и я привыкла к тому, что в мире могут быть чудеса. Инквизитор, который не потащил ведьму в пыточную за колдовство, как раз и был таким чудом.

Да, формально я не сделала ничего плохого. Если перефразировать бургомистра, то я была хирургом с ножом, а не разбойником. Но для инквизиции важен сам факт колдовства — и не имеет значения, чему оно служило. И дьявол будет цитировать Святое писание, если ему выгодно, и ведьма способна делать добро, но лишь ей ведомо, к чему это добро способно привести. Так что отведем-ка ее на костер. Просто так, на всякий случай.

В ресторан я пришла к шести утра, как обычно. Сегодня был день десертов в стаканчиках — Марлен меняла меню, чтобы гости не скучали, и, переодевшись, я взялась за готовку.

Работа всегда помогала мне избавиться от дурных мыслей. Вот, например, черничный тирамису — готовишь его и думаешь только о нем. Нежный, летний, воздушный, так и тающий во рту: попробуешь — ум отъешь! Стаканчики с черничным тирамису разлетались в один миг, и я всегда радовалась, глядя, с каким довольным видом люди их

опустошают. Приготовление десертов было моим искусством — и я радовалась, что оно до сих пор мне доступно.

Вторым десертом были пузатые стаканчики с муссом, и я готова была ручаться: это идеальная сладость. Взбитые сливки с легчайшей ромовой ноткой, сочная черешня без косточки, шоколадный мусс и всего полчаса на то, чтобы все приготовить. Девичьи компании сметали мусс сразу же, как только я выставляла стаканчики в витрину — Марлен подсчитывала прибыль и обещала мне премию в конце месяца.

Потом подошла очередь бананового десерта под облаком взбитых сливок на песочной основе, затем я взялась за творожный пудинг с клубникой — уже, конечно, не в стаканчике — и закончила все очередной россыпью черничных кексов.

— Ты знаешь, у него был такой вид, — сказала Марлен, описывая, как Саброра ел мои кексы, — такой юношески-мечтательный! Словно это не кекс, а грудь любимой девушки!

Говоря, она опустила ладонь на собственную грудь — такую, что на ней можно было бы пронести два ведра воды, не расплескав ни капли. Я понимающе кивнула: да, в изготовлении черничных кексов я мастерица. Марлен улыбнулась и добавила:

— Так что готовь побольше! Сама видишь: гостям нравится.

Я отправила кексы в духовку и понесла уже готовые десерты в витрину. Ресторанчик уже открывался для ранних завтраков — шелестели жалюзи, в воздухе плыли кофейные нотки, и первые гости уже занимали места за столиками. Я с облегчением увидела, что Саброра не пришел: то ли он знал, что тот, кто рано встает, всех достает, и не хотел отсвечивать лишний раз, то ли наливочка бургомистра оказалась крепче, чем он рассчитывал. Марлен, которая поприветствовала и рассадила гостей, обернулась в мою сторону, довольно кивнула, оценив количество десертов и спросила:

— А шоколадные шарики с начинкой будут?

— Обязательно, — кивнула я. — Уже сделала заготовки.

Марлен довольно улыбнулась и, зайдя за стойку, доверительно сообщила:

— На завтрак он не придет. Мэри Смолл сказала, что он с утра в упаве. У него тут, оказывается, наследственная квартирка в Печном переулке, он ее продает городу.

Ну конечно, тут не обошлось без Мэри Смолл! Она работала секретаршей у бургомистра, щелкала печатной машинкой на весь Ханибрук, жевала клубничную жвачку даже во сне и была в курсе всех городских сплетен. Я понимающе кивнула.

— Прекрасно. Пусть продает поскорее, мне дышится легче, когда его нет рядом.

— Дышится... — задумчиво повторила Марлен и несколько раз втянула носом воздух. — А чем это воняет?

Я тоже принялась: в воздухе плыла очень тонкая, но отчетливая нотка — рыбная, сырая. И это была очень плохая рыба. Хищная, поднывавшая с самого дна озера — там она проводила дни и ночи, а потом всплывала на поверхность, чтобы схватить рыбака или зазевавшегося купальщика и уволочь на дно.

— Холодильник, что ли, потек? — испуганно предположила Марлен и, заглянув на кухню, негромко рыкнула так, чтобы не услышали гости, а сотрудники стали двигаться быстрее: — Джейк, проверь холодильник! Мне кажется, семга подгуляла!

Нет, это была не семга. Это тьма поднялась со дна озера — моя ведьминская суть дрожала, просыпаясь и идя к ней навстречу. Голова поплыла, нос наполнился уже не гниением, а тонкими запахами болотных ягод, русалочьей икры, ледяных ключей. В ушах зазвенел смех, и я увидела полную луну над озером, черные очертания деревьев и девушек, которые протягивали к ней длинные пряди водорослей, весело покачиваясь на ветвях.

В этом запахе была смерть — и соблазн, которому никто не смог бы противостоять. Запах звал, и все во мне откликалось на этот зов — бежать под луну, которая встала вместо утреннего солнца, рвать чужую беззащитную плоть, петь на том языке, который царил в мире еще до появления людей.

Очнуться. Стряхнуть с себя оковы. Стать собой.

— Воняет, госпожа Марлен, — согласился Джейк, и я увидела, как одна из девушек скривилась и принялась к своему кофе и круассану с сыром. — Но это не холодильник, он вон, целехонек! Это откуда-то с улицы смердит!

Словно в подтверждение его слов где-то захлопали двери, и истошный голос, который от ужаса сделался не мужским и не женским, заорал:

— Водяной черт! Водяной черт вышел! Бегите!

Сама не знаю, почему я, выбежав из ресторанчика, рванула не вверх по улице, к спасительному собору, на котором уже начал гудеть колокол, созывая людей в святые стены, а к озеру — туда, откуда с неторопливой величавостью катилось что-то прозрачное, поднявшееся до небес.

Это был, конечно, не водяной черт — водяные черти ростом не больше кошки, и в наших краях их сроду не водилось. Это было то, что затмило собой любую водяную нечисть. Сейчас, когда я со всех ног неслась к прозрачной стене, было ясно: она перекатится через Ханибрук, не оставив в живых ни людей, ни животных.

Я не знала, что это. В книгах, которые когда-то мне дала мать, были описания нечистой силы, но я не встречала упоминания того, что было похоже на парус и плыло, распространяя запах гнилого болота. Оно хотело жрать, оно проголодалось и поднялось из озера, а в Ханибруке было довольно мяса, чтобы утолить этот голод.

Устоит ли церковь? Ой, вряд ли!

Кто-то толкнул меня, сбил с ног — краем глаза я увидела мужчину в исподнем, который волок за собой женщину, прижимая к груди ревущего захлеб ребенка. Женщина споткнулась, едва не упала, но удержалась на ногах, и мужчина потащил ее дальше. Пробежала вчерашняя компания студентов — кто-то из парней хотел было помочь мне подняться, но потом решил не тратить время на ведьму и лишь прибавил шага. С визгами и воплями мчались сотрудники управы — Мэри Смолл неслась впереди, и на этот раз у нее во рту не было жвачки. Отчаянно сигналив, по улице ехал автомобиль бургомистра с распахнутыми дверями, и я увидела, как Вайн выбросил руку из салона и, схватив бегущего пацаненка, втянул в машину.

— Потеснись! — пророкотал бургомистр, и аптекарша, которая бежала вместе с молодой женщиной, втокнула ее в авто.

— Эрна, беги! — крикнул кто-то — я обернулась и увидела дородную даму дальше по улице — она отчаянно махала мне рукой. Ах, да, это же Марлен. Хозяйка ресторанчика. Я работаю в ресторанчике. Пеку десерты.

В голове сделалось шумно и горячо. Мысли путались, вдруг став коротенькими и вялыми. Прозрачная смерть с озера накатывала на меня, и я отчетливо видела нижний край ее покрывала — розово-

черный, таким, каким он поднимется от земли до неба, когда насытится и перевалит через опустошенный Ханибрук.

Не уйти. Не спрятаться. Прозрачная тьма настигнет и в подвале, и на чердаке.

Солнце качнулось и померкло. По хрустальному своду неба пробежала трещина.

— Эрна!

Я встала на ноги — уши наполняло русалочье пение, и пели они лишь о смерти и туманах над болотами. Прозрачная завеса перекатилась через Фруктовую улицу, и человеческие крики в той стороне оборвались, словно обрезанные ножницами. Нижний край завесы побагровел — и я увидела, что она сбавляет ход. Насыщается и катит уже не так быстро.

Возможно, церковь сможет спасти тех, кто в ней спрятался. Святые стены разрушают любое колдовство.

Руки налились тяжестью, словно я несколько дней подряд простояла у печи. Шум в голове рос, глаза заволакивало слезами.

«Эрна, отойди, прошу, — голос Саброры уверенно наполнил уши. — Опустите руки. Ты уже достаточно сделала, не добивай этот город».

Я обернулась. Улица за моей спиной была пуста — Саброра стоял выше, там, где она забиралась на холм. Ветер поднимался, шел из-за его спины, закручивая пыльные смерчки, гоня по мостовой какие-то бумажки. Мусор, которым стала моя жизнь.

«Это не я, — отозвалась я, понимая, что Саброра не поверит ни одному моему слову. Вчера я колдовала при нем — возможно, как раз для того, чтобы спасенная жизнь помогла бы чудовищу подняться со дна озера. — Я ничего не делала».

«Эрна, — Саброра говорил медленно, словно я была диким животным, которое требовалось приручить. — Пожалуйста. Опустите руки и сделайте шаг назад».

Только теперь я поняла, что стою, воздев руки к небу, и вокруг моих пальцев закручиваются золотые смерчи, готовясь сорваться с них и лететь. Я не знала такого заклинания, да знать и не требовалось. В минуту смертельной опасности ведьма способна была обратиться к родовой памяти всех ведьм, от истоков времен, и выдернуть из нее то, что помогло бы спастись.

«Эрна!»

Саброра шевельнул правой рукой, и я увидела — тонкая серебряная рукоять и тяжелый молот, окутанный сверкающей паутиной. Гексенхаммер, то, что оставит от меня груды горелого мяса. Пелена от земли до неба застыла, словно ползущей нечисти хотелось увидеть, чем все закончится — но Саброра видел, что ведьма испугалась, и монстр, которого она направляла, замер.

Что еще он может подумать?

«Это не я, — отчаянно подумала я, понимая, что Саброра сейчас не верит ни единому моему слову. — Я его не вызывала. Поверь, прошу!»

Гексенхаммер дрогнул в руке инквизитора — Саброре было больно, инквизитор еще не восстановился до конца, но он поднимал молот, чтобы размазать по мостовой еще одну ведьму. И все, что я могла сделать, чтобы спастись — это убить чудовище.

— Мамочка, — прошептала я, отворачиваясь от инквизитора. Ветер ударил мне в лицо, хлестнул по глазам пыльной плетью. — Мамочка, милая, помоги...

Мать не могла мне помочь. Ее убили, когда мне было шесть — в нашем поселке случилась засуха, а кто еще мог ее наслать, кроме ведьмы? Но сейчас я вдруг почувствовала ту силу, которую мне всегда давало ласковое прикосновение материнских ладоней и ее любовь — и эта сила оторвала меня от земли и швырнула в сторону монстра.

Я рухнула в сырую тьму и на мгновение задохнулась — такой густой и страшной была вонь. От моих пальцев потек огонь — он ввинчивался в прозрачную плоть, и она растворялась от его жадного прикосновения. Чудовище плавилось и текло — меня бросало то вверх, то в сторону, то почти вбивало в землю, и огонь, который струился от моих рук, жрал и никак не мог насытиться.

«Ну что вы скажете? — почти без сил подумала я, раскидывая руки в стороны и расплавляя лунную ночь, болота и голоса русалок. — Что я сама его вызвала и сама уничтожила? Что я...»

Повеяло свежим ветром. Послышались далекие голоса — обычные, человеческие.

Меня бросило на мостовую и поволокло куда-то прочь по камням.

И все померкло.

— Не спать!

Бургомистров телохранитель, по совместительству мой страж, тот еще громила, легонько толкнул меня по затылку кончиками пальцев. Вроде бы не больно, но когда уже третьи сутки не дают спать и, стоит закемарить, как ударяют вот так, то голова превращается в бомбу, начиненную болью.

— Не спать!

Я заскулила. Это были пока даже не пытки — так, разминка. Считалось, что лишение сна не даст ведьме колдовать, да я и так не смогла бы этого сделать в тюрьме: здесь каждый камень, каждая дощечка были исчерчены иероглифами старинных заклинаний, которые были похожи на кирпичи на моей спине, что пригибали к земле и не позволяли выпрямиться.

После того, как прозрачная простыня от земли до неба сгорела, выяснилось, что погибло пятнадцать человек. Жители Ханибрука осаждали городскую тюрьму, требуя отдать меня им в руки и обойтись без суда и следствия, но наше королевство, мать его так, было все-таки правовым государством — и меня не могли убить, не обставив мою смерть достаточными церемониями.

На допросах я пыталась оправдаться. Приехал Магуро, хмурый и раздосадованный — было ясно, что вся эта история выйдет ему боком. Я говорила о том, что не имею ни малейшего отношения к монстру, что бежала к нему для того, чтобы попытаться остановить — он не верил.

— Какие у меня причины так поступать? — не выдержала я. — Какие мотивы? Я жила тихо и мирно, я никогда не попадала ни в какие неприятности! Зачем?

— Затем, что волк не может не резать овец, такова его природа, — со вздохом ответил Магуро и, закрыв папку с моим делом, поднялся из-за стола. — Эта тварь дело рук ведьмы. А других ведьм, кроме тебя, здесь нет. Значит, кто во всем виноват? Кто погубил пятнадцать горожан?

Когда он так сказал, то в моей душе что-то разорвалось. Пустота, которая на меня нахлынула, была густой и непроницаемой. Не оправдаться. Никому ничего не доказать. И добрые горожане, которые так нахваливали мои черничные кексы, придут, чтобы подложить хворост к моему костру.

Оставалось только заплакать. Но я не стала — то же самое упрямство, которое не позволяло Саброре ходить с тростью, окутало и меня.

Незачем радовать палачей видом моих слез.

— Не спать! — еще один удар по моей голове, и дверь в допросную открылась. Я бы удивилась, да сил не было — вошел Саброра, все в том же светлом костюме, но теперь с тростью. В свободной руке он держал тонкую бумажную папку и, опустившись за стол следователя, без приветствий произнес:

— Я проанализировал останки существа. Да, оно полно магии, но это не ваша магия. Да, его создала ведьма, но это не вы. Вы не имеете отношения к тому, что случилось, Эрна.

Я не сразу поняла, о чем он говорит. Зато охранник понял: опустил занесенную руку и сделал шаг назад. Я поерзала на табурете — тело сделалось чужим и непослушным, глиняной куклой, которая готова была рассыпаться на кусочки — и спросила:

— Это значит, что я свободна? Если я не виновата, то могу идти?

Мне бы чувствовать радость и прыгать до потолка — но я понимала, что не смогу удержаться на ногах. За три дня в допросной во мне высохли и выветрились все чувства, я стала пустой оболочкой, бумажным фонариком... А может, Саброра просто шутит? Что, если ему хочется полюбоваться на счастье проклятой ведьмы для того, чтобы потом вывести ее прямо к костру и упиться ее новыми страданиями, не пропустив ни капли?

— Да, вы свободны, — кивнул Саброра. Я вспомнила его голос в своей голове: тогда он говорил так, словно не хотел меня убивать. Словно хотел сохранить мою жизнь, несмотря на Гексенхаммер, зажатый в руке, и это было самым странным. Это никак не вязалось с обликом безжалостного убийцы, который испепелил ведьму и ее дочь.

— Сегодня с утра в городе хоронили погибших, — продолжал инквизитор. — Сами понимаете, как себя сейчас чувствуют жители Ханибрука и что хотят с вами сделать. Советую прямо отсюда отправляться на вокзал и уезжать как можно дальше, — он вынул из моей папки свою желтую книжку и добавил: — Да, вы не виноваты в том, что случилось. Но вы ведьма, и для них этого достаточно. Им нужно выплеснуть боль и гнев — и прямо на вашу голову.

Я поднялась, проковыляла к столу и взяла книжку. Нет, я так далеко не уйду — ноги подкашиваются, а от бессонницы и какого-то спрессованного страха кажется, что по телу ползают гусеницы.

— Полагаю, меня уже ждут у выхода, — проговорила я. — Странно, конечно, ведьме просить инквизитора о помощи, но вы не могли бы проводить меня через черный ход?

Саброра кивнул. Встал из-за стола, опираясь на свою трость, и я подумала, что ему по-прежнему больно. Когда я поняла, что жалею инквизитора, то мне сделалось еще страннее.

Инквизитор не стал меня убивать. А я его жалела. Чудеса да и только.

Покинув допросную, мы оказались в коридоре — мне всегда казалось, что коридор, по которому ведьму поведут на казнь, должен выглядеть, как в страшной сказке: осклизлый кирпич, сырой потолок, грязь под ногами. Но здесь были обычные серые стены, словно в самой заурядной конторе, и я поковыляла в сторону лестницы. Ничего, это все ничего. Пусть больно, пусть тяжело, но я свободна. Я выйду отсюда и уеду. Мне не в первый раз начинать новую жизнь, я справлюсь, и...

— Где та ведьма, которая наслала монстра? — спросила я. Слабость от иероглифов и усталости становилась все сильнее, и я с трудом подавила желание опереться на руку Саброры. Вот бы он удивился, если бы ведьма к нему прикоснулась...

— Не знаю, — ответил он. — Она была здесь, но теперь я ее не чувствую. Она отсюда очень далеко, на другом конце планеты, возможно.

Саброра замолчал, словно решил, что сказал достаточно. На лестнице уже не было иероглифов, и дышать стало легче. Откуда-то доносился шум голосов — ровный, тяжелый, словно за стенами городской тюрьмы разлилось невидимое море. Мы вышли к двери, Саброра толкнул ее, и яркий свет летнего солнца хлестнул по глазам, словно плетка.

— Вот она! — услышала я знакомый голос. Марлен.

- Держите! — заверещала какая-то женщина, и меня с силой ударили по лицу.

— А вы лучше не лезьте, господин инквизитор. Это наше дело, мы сами справимся, да вы, к тому же, и в отставке.

Меня выволокли на центральную площадь и бросили возле памятника святому Габриэлю. Какое-то время я плавала в тумане полуобморока и видела только камни и ноги. Вот знакомые ботинки — Энцо Саброра развернулся и неторопливо двинулся прочь, словно не хотел принимать участия в расправе.

Он сделал все, чтобы меня спасти — но решил не класть голову на плаху ради того, чтобы ведьма смогла уцелеть.

— Я не виновата, — выдохнула я. Голос сделался сиплым и слабым, но его слышали. В голову мне прилетел гнилой помидор, обдавший меня кислой вонью, и кто-то из женщин закричал:

— Да конечно, не виновата!

— Все всё видели! Ты к нему бежала и направляла!

— Спросите Саброру, — сказала я уже громче. — Эту дрянь создала другая ведьма!

Можно подумать, тут кто-то собирался меня слушать! Еще один гнилой помидор ударил меня в плечо, растекся по грязному тряпью, которое когда-то было моей поварской формой. Я выпрямилась — незачем стоять на коленях перед теми, кто собрался меня убить — и обвела взглядом площадь. Все выглядело так, словно меня привели в загон для скотины: вот легкая деревянная оградка, вот ворота, к которым уже подвозят здоровенную клетку... что они придумали?

Кажется, меня решили казнить с выдумкой. Не просто сжечь, а сделать так, чтобы я помучилась.

Я посмотрела по сторонам, пытаюсь найти хоть кого-нибудь, кто смотрел бы на меня без ненависти, с сочувствием. Вот Марлен — весь ее вид говорил о том, как она сожалеет о том, что когда-то взяла на работу ведьму. Кажется, ей придется переименовать ресторанчик. Вот Китти, которую я спасла от удушья — на ее красивом личике теперь плясали презрение и гнев. Вот студенты, которые приехали рыбачить, а попали на казнь ведьмы — моя смерть станет для них развлечением, о котором они будут рассказывать родным и друзьям. Вот бургомистр — бледный, угрюмый, словно постоянно задающий себе вопрос: как же так, ну как же так?

— Я не виновата, — прошептала я, глядя ему в лицо. — Я этого не делала.

Бургомистр не отвел взгляда — и ничего не ответил.

Энцо Саброра стоял на балкончике на втором этаже — вся его фигура выражала собой ленивое желание того, чтобы все это поскорее закончилось, и он смог бы снова заняться своими делами. Я знала этот дом: на первом этаже там был центр детского досуга — сюда приводили городскую малышню, если родители были заняты. Люди толпились возле оградки, и краснолицый здоровяк, который по воскресеньям выпивал в «Черничной ведьме» три пинты пива, открыл дверь клетки и стукнул широкой ладонью по прутьям. В клетке зашевелилось что-то лохматое, огромное, и я услышала свирепое хрюканье.

Ноги подкосились, и я упала на мостовую, сбив колени. Из клетки с величавой, поистине королевской неспешностью вышли две свиньи — не те обычные хрюшки, которых осенью забивают на сало, а шерстистые горбатые бестии с изогнутыми клыками, и над столпившимися горожанами, которые желали увидеть мою смерть, сгустилась тишина. Полицейские вскинули ружья, готовясь стрелять, если свиньи кинутся не на ведьму, а на кого-то из горожан.

Вот, значит, как. С выдумкой. Я читала о том, что когда-то ведьм отдавали на съедение особой породе свиней, но и подумать не могла, что однажды это случится со мной. Казалось, от копыт летят искры; от свиней пахло так, что невольно начинало тошнить.

Мне не было страшно. Совсем. Чувство, которое дымилось у меня в душе, не имело никакого отношения к страху — это была какая-то липкая тоска, которая помрачала рассудок. Хотелось сесть, закрыть ладонями голову, и будь, что будет. Свиньи разорвут меня на клочки, ну и пусть.

Свинья, которая стояла справа и была покрупнее, издала хриплое хрюканье. Казалось, я вижу каждую шерстинку на ее горбу, каждую трещинку на клыках.

Я собиралась жить долго и счастливо — и сейчас умру.

Попробовать колдовать? Не получится. Я слишком долго была без сна, слишком долго на меня давили иероглифы. Сейчас я была пустым сосудом — ни крошки магии, ни капельки.

Свинья ударила копытом по камням мостовой и бросилась ко мне. Им хотелось охотиться и пожирать добычу — я чувствовала эту голодную алчность.

Рванула в сторону — вернее, мне так показалось, что рванула, на самом-то деле я заковыляла к памятнику. Попробовать забраться к ногам святого Габриэля, когда-то я неплохо лазала. Деревья, конечно, не гладкий черный мрамор, но можно же попро...

Удар в правый бок вышиб из меня дух — отшвырнул в сторону, прокатил по мостовой. Не знаю, откуда я взяла силы, чтобы поковылять прочь на четвереньках, захлебываясь слезами и задыхаясь от ужаса.

Нет. Нет, пожалуйста, Господи, нет.

Горожане разразились криками восторга. Ведьма должна получить свое, ведьма должна сдохнуть за то, что отняла пятнадцать жизней — а то, что она ни в чем не виновата, не имеет никакого значения. Ведьма должна...

Я задохнулась от взрыва боли в бедре. Свинья, которая забежала слева, ударила меня — влежку, шутя. Они и правда шутили, забавляясь с добычей, которой некуда было от них убежать.

На мгновение перед глазами мелькнула тьма — и сквозь облако этой тьмы, я увидела, как Саброра слетает с балкона: легко, небрежно, словно танцор или кленовое семечко, подхваченное ветром и плывущее на лентах воздуха. Он опустился передо мной, закрывая меня от свиней, и кто-то из зевак возмущенно закричал, приказывая не портить потеху. Ружья полицейских шевельнулись — они готовы были стрелять.

— Энцо! — ожил бургомистр. Кажется, он понял: казнь ведьмы это дело местное, а вот за смерть столичного инквизитора, пусть и в отставке, ему придется отвечать. — Энцо, дружище, уйди оттуда! Что тебе эта рвань ведьмачая?

— Уйди, столичный! — прорычал кто-то из горожан, кажется, Большой Кроул, который владел яблоневыми садами за Ханибруком. — Она свое заслужила!

В ту же минуту свиньи побежали вперед, решив больше не тратить времени на игры. Я до сих пор не понимаю, как у Саброры это получилось: он словно потек к свиньям, медленно-медленно, одновременно отклоняясь назад под немислимым углом и раскидывая руки. Сверкнули кинжалы: острые, грубые — первая свинья захлебнулась визгом и стала заваливаться на мостовую, теряя петли

кишок из распоротого живота. Вонь поднялась до неба; вторая свинья пробежала еще немного и распласталась на мостовой.

Снова сделалось тихо. Саброра растекся по камням, полежал несколько мгновений и поднялся. Обернулся в мою сторону — задыхаясь от страха и боли, еще не веря, что все, кажется, кончилось, и я осталась жива, я подумала:

«Почему ты меня спас?»

«Потому что никогда не убиваю невиновных, — с ироничной усмешкой ответил Саброра. — А ты невиновна, Эрна. И мы это докажем».

Глава 2

В поезд нас буквально внесли на руках. В каком-то смысле это было хорошо. Идти я не могла — при каждом движении все тело наливалось пульсирующей болью, и начинало казаться, что я и в самом деле горю.

— Свинок-то? Свинок-то за что порешил? — сокрушался Большой Кроул. — Они ж еще сала не нагуляли...

— Ты вот что, — говорил бургомистр, держа чековую книжку на весу и торопливо чиркая по ней карандашом. — Ты квартиру продавать хотел? За пять тысяч крон? Вот я тебе пятнадцать даю, только больше тут не появляйся, и дрянь эту с собой заberi, раз уж она тебе так прикипела. Все, с богом, валите отсюда оба!

Потом сделалось темно. Я очнулась от того, что кто-то очень осторожно исследовал мой бок, то плавно скользя пальцами по коже, то нажимая так, что перед глазами рассыпались искры. Открыв глаза, я увидела, что лежу на нижней полке в купе. Поезд уже ехал своей дорогой, я понятия не имела, куда направляюсь, и что будет дальше — но это было знакомое чувство. Мне уже приходилось вот так убегать, оставляя позади всю свою прошлую жизнь.

Правда, этого еще не приходилось делать в компании инквизитора — а именно Саброра сейчас задрал мою рубашку и водил ладонями по боку. Заливаясь краской стыда, я хотела было отпрянуть, но не смогла, сил не было.

Тогда я заплакала. На это сил хватило. Что еще мне оставалось, кроме слез?

— Незачем, — с привычной уже усталостью бросил инквизитор. — Ты жива. Ребра я тебе подлатаю.

— Куда мы едем? — спросила я. Перед глазами вновь всплыла яркая картинка: Саброра слетает с балкона и скользит по мостовой между бегущих ко мне свиней. Это было танцем и битвой, это было изящно и смертоносно. Он ведь ненавидит ведьм просто потому, что они живут на свете — как и полагается инквизитору, без своей ненависти они просто не могут жить. Я повидала достаточно инквизиторов, чтобы сделать выводы. Но Саброра меня пожалел. И

сейчас лечил мои ребра, хотя мог бы просто свалить меня на пол, словно тюк тряпья.

От его прикосновений все во мне замирало и начинало звенеть, словно каждое движение его пальцев погружало внутренности в ледяную воду.

— Не дергайся, пожалуйста, ты меня сбиваешь. В Марнахен.

Марнахен, повторила я. Курортный городочек возле моря — пальмы, сосновые заповедники, песчаный белый берег, прекрасный климат. Пальцы с силой ввинтились в мое ребро, и боль вновь окатила меня от головы до пяток. Я заскулила, рванулась в сторону, пытаюсь спастись — руки Саброры буквально вмяли меня в полку, и инквизитор недовольно произнес:

— Хочешь сдохнуть от разрыва печени?

— Нет... — прошептала я, обливаясь слезами. Вот, значит, чем закончилось мое короткое общение со свиньями — сломанными ребрами и разрывом печени. Любая другая ведьма на моем месте хотела бы отомстить — но я хотела лишь убраться подальше.

— Я так и подумал, — лицо Саброры проплыло где-то высоко-высоко, и вдруг дышать стало легче. Намного легче. Боль отступала — мне слышалось ее недовольное ворчание, но она уходила. — Потерпи еще немного.

— Я не насылала тот парус, — выдохнула я. Саброра кивнул, и в его взгляде мне увиделось... понимание? Сочувствие?

Поверить невозможно. Он меня жалел.

— Я знаю, — кивнул он. — И я рассказал обо всем бургомистру и полиции. Но сама видишь, людям надо было выплеснуть свою боль и гнев. Ведьма для этого идеально подходит.

Прикосновение его ладоней, скользивших по моему телу, сделалось мягким, едва уловимым, почти любовным. Что-то окаменело в душе, заставило живот напрячься и затвердеть: я вспомнила, что мужчина не прикасался ко мне уже много лет. Вдобавок, этим мужчиной был инквизитор, безжалостный убийца — и он вдруг отступил от своей ненависти и спас меня. И лечил сейчас, и верил в то, что я не виновата.

— Пока все, — Саброра провел ладонью по лицу и почти рухнул на соседнюю полку — протянув руку к столику, он взял стакан, в

котором по запаху угадывался крепкий кофе, и предложил: — Попробуй повернуться.

Какое там повернуться, я дышала-то через раз! Но все-таки я сделала, как было велено, и с удивлением обнаружила, что тело слушается. Да, было неловко и больно. Да, я сама себе казалась тряпичной куклой, которую набили заново. Но я смогла повернуться на полке — потом опустила ноги и умудрилась сесть.

Жива. Жива.

— Спасибо, — с искренним теплом сказала я. Саброра усмехнулся и отвернулся к окну — там бежали поля да перелески, чудесные пасторальные пейзажи. Ханибрук был далеко. Горожанам хватит сплетен и разговоров, но мы о них не узнаем, вот и слава Богу.

— Пожалуйста. Это лучше, чем ничего, но в Марнахене сходи к врачу. Я тебя наскоро подлатал, пусть посмотрит профессионал.

— Спасибо, — кивнула я. — Схожу, но...

Только сейчас я поняла, что прямо с площади нас поволокли на вокзал. Домой я не заглядывала — а значит, и документы, и деньги, и вещи так и остались там, в моей съемной квартирке. Саброра словно прочел мои мысли, потому что кивнул куда-то в угол купе. Я вздохнула с облегчением, увидев свою сумку — она была набита так туго, что едва не треснула.

— У тебя был обыск по протоколу, — сухо сообщил Саброра, и я подумала, что мое соседство доставляет ему серьезный дискомфорт. — Когда я понял, что ты невиновна, и тебе надо быстро уезжать, то кое-что собрал.

Сжав зубы, я поднялась с полки, проковыляла по купе и потянула сумку за ремень. Откинула клапан — вот и мои документы, вот и банковские книжки, и свинья-копилка, которая стояла на прикроватном столике... Наверно, я никогда не смогу спокойно смотреть на свиней. Саброра усмехнулся, и в его пальцах я увидела свою желтую книжку регистрации.

— Теперь по ряду причин у тебя новый куратор, — произнес он, протягивая мне книжку. Я взяла ее, но раскрывать не стала — просто бросила в сумку. Мелькнуло кружево моего белья, и по позвоночнику словно холодным пальцем провели: инквизитор рылся в моих вещах. Выбирал, что нужно взять.

Я не знала, что об этом думать.

- Вы мне помогаете, — сказала я, не зная, как правильнее обращаться к инквизитору, на «ты» или на «вы». — Почему? Я ведь ведьма.

Саброра усмехнулся, внезапно сделавшись немолодым и усталым.

— Потому что ты невиновна. А я никогда не убивал невинных.

— Даже ту дочку ведьмы? — сама не знаю, как этот вопрос сорвался у меня с языка. Мне сразу же захотелось зажать рот ладонями, чтобы не сболтнуть очередную глупость. Саброра отвернулся к окну и добавил:

— А еще у тебя все-таки вкусные кексы. Мне хотелось их попробовать еще раз.

До самого вечера мы ехали молча.

Я думала, что засну сразу же, как только голова коснется подушки, но в теле поселилась какая-то странная зудящая бодрость, которая вымела прочь даже мысли о сне. Поезд остановился на какой-то крошечной станции; Саброра вышел и вернулся через четверть часа, внося с собой запах хорошего табака и газеты. Потом заглядывал проводник, принес еще чаю, предложил ужин — когда принесли тарелки, мы все-таки заговорили: я отметила, что рыба пересушена.

— В твоём заведении готовили лучше? — скептически уточнил Саброра.

— Намного. Все всегда было свежее, только что из озера.

Он задумчиво ковырнул вилкой телупию и произнес:

— Мне все больше кажется, что то удушье у девушки было не из-за салата.

Я неопределенно пожала плечами.

— Думаете, это сделала ведьма, которая подняла парус?

Саброра кивнул.

— Наверняка. Хотела проверить тебя в деле, понять, насколько ты сильна. И отомстить мне, возможно, использовав тебя, — он умолк, но продолжать не требовалось. Я и так поняла, что инквизитору могли мстить за смерть той ведьмы и ее ребенка. Какая-нибудь близкая подруга или родственница.

В определенном смысле ему не повезло. Свои его выкинули в отставку решительным пинком. Ведьмы ненавидели и боялись. Люди испытывали боязливое уважение, на всякий случай предпочитая

держаться подальше. Инквизиция это такая организация, чьего пристального внимания вы всячески будете избегать.

Наверняка Саброра одинок. Ни друзей, ни семьи. И жены или любовницы тоже нет. Будь иначе, он не ехал бы сейчас в компании с израненной ведьмой.

— И что мы теперь будем делать? — спросила я и уточнила: — Когда приедем в Марнахен?

— Я там жил в юности, у меня есть дом, — ответил инквизитор, и я хмуро подумала: вот, ему есть, где устроиться, а что делать тем, у кого нет никакого дома? Курортный город, там цены на недвижимость заоблачные. Я вряд ли смогу снять что-то без крыс и тараканов по соседству, не говоря уж о том, чтобы купить.

— Какое-то время поживешь со мной, — продолжал Саброра. Это было сказано таким тоном, что я невольно приоткрыла рот от удивления, но не стала высказываться по поводу жизни с инквизитором под одной крышей. Однако Саброра все-таки снизошел до объяснения: — Тебя нельзя оставлять без присмотра. Я уверен: та ведьма оценила тебя и может как-то использовать.

— То есть, я буду жить под вашим наблюдением? — уточнила я. Лицо Саброры дрогнуло в презрительной гримасе, и я подумала, что именно так инквизитор и смотрит на ведьму: как на грязь под ногами, которую он вынужден терпеть.

— Разумеется. Предупреждая твой следующий вопрос: тебе не придется расплачиваться за мою доброту.

От его тона все во мне закипело. Да как он может вообще так говорить, я порядочная женщина, и...

«Ты ведьма, — напомнил внутренний голос. — Будь благодарна и признательна за то, что все еще жива. Саброра может это исправить очень быстро».

— Спасибо, — с холодным достоинством кивнула я. — Я сразу поняла, что вы порядочный человек и не будете требовать от женщины в беде, чтобы она вам отдавалась в благодарность.

Саброра посмотрел на меня так, что мне сразу же захотелось стать кем-то вроде мышки, чтобы скрыться в ближайшей щели. Гнев, брезгливость, практически отвращение — он даже взял салфетку и демонстративно вытер руки. Но и я поняла, что сказала лишнее, и миролюбиво добавила:

— Простите, если что-то не так. У меня после всего голова идет кругом, я не до конца понимаю, что делать и что говорить.

Инквизитор усмехнулся.

— Ваш бургомистр верно говорил, у нас правовое государство. Знаешь, какой девиз у инквизиции?

— Служить и защищать, — ответила я. Саброра кивнул.

— Верно. Я давал присягу защищать от зла тех, кто нуждается в защите. Сейчас так получилось, что это ведьма. Ее обвинили в том, чего она не совершала, и едва не предали народной казни. Что мне следует делать?

Я пожалала плечами. Поезд летел среди полей, сгущались сумерки, и нам предстояло провести эту ночь в одном купе. Вряд ли Саброра выйдет в коридор и до рассвета будет курить в окошко. Мне вдруг сделалось холодно, и из-за холода проступил жар, прилил к щекам.

— Отойти. Дать им сделать то, что они решили. Потому что я ведьма, — ответила я, понимая, что сейчас разревусь. В самую страшную минуту моей жизни появился человек, который за меня заступился — и это был инквизитор.

— Ответ неверный, — произнес Саброра и едва заметно улыбнулся. Я вспомнила то, что мне открылось, когда я смотрела в его глаза. Совсем недавно он был на моем месте, его била толпа, превращая кости в крошево, стремясь вколотить в мостовую того, кто убил дочку ведьмы. — Тебя надо было защитить — потому что ты нуждалась в помощи. Потому что ты ни в чем не виновата, просто тебя использовали. И теперь я буду искать ту, которая все это затеяла.

— А я буду для вас кем-то вроде наживки? — уточнила я. Саброра утвердительно качнул головой.

— В определенном смысле, — он протянул руку к десерту — булочкам с сахаром, повертел одну в пальцах и с недовольным видом положил на место. Я понимающе кивнула и поинтересовалась:

— Как думаете, там для меня найдется работа? В Марнахене нужны кулинары?

— Не сомневаюсь, — сказал Саброра. — На соседней улице с моим домом было кафе, попытаешь счастья там.

На том и порешили.

Проводник забрал посуду, а за окном тем временем окончательно стемнело. Поезд мягко летел во мраке, и я невольно задумалась: кто,

интересно, смотрит из тьмы в наши озаренные светом окна? Может, та самая ведьма, которая затаила зло на Саброру и теперь летит за нами, строя новые планы? Саброра вышел из купе — я воспользовалась этим, чтобы сунуться в свою сумку и переодеться в чистое.

Инквизитор вернулся — на этот раз табаком не пахло. Закрыв дверь, он повернул защелку, приглушил свет ламп и принялся расстегивать рубашку. Я с ногами забралась на свою полку и судорожно стала вспоминать, каким заклинанием можно будет отбиваться, если он все-таки решит, что ведьма сможет расплатиться за его доброту лишь одним способом. Нет, заклинание тут не поможет, как и мои крики. Я уже успела убедиться, что ведьмам никто не придет на помощь.

Хотелось спросить: «А что это вы делаете?» — но я понимала, что буду выглядеть полной дурой.

Саброра снял рубашку, и я не сдержала удивленного возгласа: его тело было заключено в то, что я назвала бы корсетом — конечно, если бывают корсеты из тонких металлических полос, которые погружались прямо в плоть. Смотреть было жутко, но в то же время я испытывала какое-то болезненное любопытство и не могла отвести взгляда. У него было сильное тело — не грубая гора мышц, но в каждой черточке чувствовалась скрытая мощь, которая способна смять, раздавить, присвоить. У него было тело, на которое хотелось смотреть — и то, как металл его уродовал, заставляло меня замирать от странного и томительного чувства. Скривившись от боли, Саброра опустил на свою полку и попросил:

— Можешь ослабить зажим? Я тогда смогу лечь.

Я поднялась, приблизилась к нему — получается, вот с этим он прыгнул с балкона, чтобы меня спасти? Нет слов, просто нет слов. Как ему, наверно, было больно... Я заглянула туда, куда указал инквизитор: под правой лопаткой было нечто, похожее на крошечный кран.

— Вот это? — я оторопело дотронулась до него.

— Да. Поверни, я скажу, когда хватит.

По шее и лопатке Саброры пролегли старые шрамы, словно кто-то когда-то рвал его когтями. Аккуратно, стараясь ничего не испортить и не сломать, я повернула кран, послышался мелодичный звон, и инквизитор вздохнул с заметным облегчением. По металлическим полосам пробежали дорожки иероглифов и погасли.

— Что это? — спросила я.

— Система восстановления, — снизошел до ответа Саброра. — Спасибо.

Я пересела к себе — Саброра вытянулся на своей полке, и какое-то время мы ехали молча. Под мягкий перестук я успокоилась и стала погружаться в сон, когда Саброра негромко произнес:

— Это была не девочка. Это был фамильяр. Оживленная кукла, набитая ногтями и волосами, бинтами с покойников и могильной землей.

— Ох ты... — выдохнула я, не зная, что сказать. В груди сделалось горячо и больно.

— Вот так, — сказал Саброра и, приподнявшись на локте, я увидела, что он заснул.

Дорога заняла два дня, которые я проспала. Саброра выходил на станциях, покупал газеты, курил — когда он возвращался, мы обменивались какими-то незначительными репликами, и я засыпала снова. Ах, да — утром я закручивала его систему восстановления, а по вечерам ослабляла.

— Это еще долго носить? — спросила я.

— Еще неделю, — ответил Саброра. Я хотела было спросить, больно ли ему было, когда он прыгал с балкона, чтобы зарезать свиней, но потом решила не задавать лишних вопросов.

Меньше знаешь, крепче спишь. Когда мне стали сниться кексы, то я поняла, что тоже иду на поправку.

Марнахен мне понравился. Он лежал у подножия горы, которая напоминала многопалую лапу, что вцепилась в побережье — по склонам тянулась кудрявая зелень лесов, воздух пах соленым морским ветром и теплым сосновым ароматом и, стоя на вокзале рядом с инквизитором, я вдруг подумала, что не все так плохо.

Жизнь просто не может быть плохой, когда у тебя есть солнце и море.

Саброра жил на одной из главных улиц — когда черный жук такси вез нас по дороге, я так и чувствовала аромат роскоши, который сочился из-за витых оград домов, витрин дорогих магазинов и экзотических парков. Он был тяжелым и властным, приминающим к земле, и я с тоской поняла, что никогда не стану здесь не то что своей — меня и в служанки не возьмут.

Кому тут нужны мои кексы, десерты и муссовые торты? Здесь люди спят на венецийском шелке и едят с золота и серебра.

Дом Саброры — угрюмый, темный, старинный — стоял среди пышного апельсинового сада и, выйдя из такси, я раскрыла рот. Я никогда не видела, чтобы апельсины, такие огромные, такие рыжие, росли бы вот так, запросто: почему-то это зрелище удивило и потрясло меня, как ребенка. Надеюсь, что я не выгляжу полной уж дурой, я потянулась за инквизитором: двери из красного дерева уже были распахнуты, и мимо нас промчался паренек в белом костюме слуги — вещи из багажника такси сами не выпрыгнут.

— Господин Энцо! Ну наконец-то, дождались! — из дома, опираясь на трость, вышел сгорбленный старик — я даже не поняла, сколько ему лет. Он казался древним, сотканным из пергамента и песка: наверняка видел Войну трех королей в начале прошлого века. Саброра обнял его с исключительной осторожностью и нежностью, старик всхлипнул, и по его смуглой щеке, иссеченной морщинами, пробежала слеза.

— Уж не чаял, не чаял снова вас увидеть, — проскрипел он. — А тут надо же, такие новости! — старик отстранился и посмотрел на Саброру с той невыразимой любовью, с которой деда смотрят на внуков, так, как мой дед смотрел на меня когда-то. Придерживая его под руку, Саброра обернулся ко мне и произнес:

— Познакомься, Гвидо, это Эдна Уиллоу, моя невеста. Эдна, это Гвидо, дворецкий семьи Саброра уже сто семьдесят пять лет.

Я стояла, приоткрыв рот и не зная, чему больше удивляться: тому, что Гвидо видел не только Войну трех королей, но и Тридцатилетнюю, которая была намного раньше и опустошила почти весь континент — или тому, что инквизитор отрекомендовал ведьму своей будущей женой. Гвидо всплеснул руками, с проворством, неожиданным для его возраста, приблизился ко мне и поклонился. Я решила, что на поклон надо ответить таким же поклоном, и старик заулыбался. Зубы у него, кстати, были не стариковские: белые, крепкие.

— Надо же, надо же, какое счастье! — проговорил он. — Наш Энцо женится, вы слышали? И на такой чудесной, воспитанной девушке, такое счастье в наш дом!

Слуги, которые выглядывали из-за дверей белой стайкой, захлопали в ладоши — было видно, что мое внезапное появление в

компании их хозяина всем пришлось по душе. Саброра цепко взял меня под локоть и повел в дом. Мы миновали гостиную, обставленную в старинном духе — антикварная мебель из темного дерева явно была ровесницей Гвидо и создавалась в те времена, когда все делали солидно, надежно и в то же время изящно. На стенах красовались такие же старинные картины в тяжелых золотых рамах — одно из полотен было отвернуто к стене и, идя вместе с инквизитором к лестнице на второй этаж, я хотела было спросить о ней, но вовремя подумала, что молчание — это высшая добродетель.

Саброра привел меня в комнату, которая, по всей видимости, служила гостевой. Когда за нами закрылась дверь, то я обернулась и поинтересовалась:

— И как прикажете вас понимать?

Саброра посмотрел на меня с уже привычной усталой снисходительностью.

— Прикажу вести себя мило и не делать глупостей, — ответил он. — В качестве кого ты собиралась тут жить? Инквизитор, который поселил ведьму под своей крышей, вызовет лишние вопросы, а они нам не нужны. Для всех ты моя невеста, которую я привез из столицы, вот и все. Свадьбы не будет, можешь не переживать.

Я понимала, что он прав, и обижаться тут не на что — и все равно мне на какое-то мгновение сделалось обидно. Впрочем, я тотчас же отогнала в сторону все глупые мысли. Энцо Саброра спас меня от мучительной смерти, привез в чудесный город и дал крышу над головой — вот о чем сейчас нужно думать.

— Я вам признательна, — миролюбиво сказала я, понимая, что незачем идти на конфликт с тем, кто ведет себя как друг. — Просто все это очень неожиданно. Я не думала, что вы меня представите как свою невесту, вот и все.

Взгляд Саброры смягчился. Ему было неприятно находиться так близко с ведьмой, но даже в отставке он продолжал делать свою работу — защищал меня и искал ту, которая заварила такую крутую кашу.

— Твоя книжка регистрации будет у меня, — произнес он. — Официально тут все чисто и честно. Если тебе хочется и дальше печь свои кексы, то можешь искать работу — и я так же официально разрешаю тебе никому не сообщать о том, что ты ведьма. А пока давай отдохнем с дороги, я устал.

Я понимающе кивнула.

— Ослабить зажим?

Саброра усмехнулся.

— Не беспокойся. Тут найдется, кому это сделать.

Я прекрасно знала, что все это время он просто терпел меня рядом с собой. Терпел мои прикосновения утром и вечером, потому что больше никто не мог ему помочь — но все в нем восставало и протестовало, когда я была рядом. Вся его суть бунтовала против меня, разум держал ее в железных объятиях, не позволяя сказать мне ни единого дурного слова, но душа — душа хотела рвать, как и полагается инквизитору, когда он видит ведьму.

- Хорошо, — кивнула я, стараясь выглядеть милой и максимально спокойной и незаметной. — Тогда до вечера?

Саброра что-то хмыкнул и вышел без лишних слов.

Что касается работы, то она нашлась в тот же день.

Приняв ванну и ощутив себя свежей, обновленной и бодрой, я переделалась в свое темно-синее платье, которое Саброра счел нужным положить в сумку, и отправилась на прогулку, надеясь, что выгляжу достаточно прилично для этого места. Царила послеобеденная жара — тяжелая, давящая, вынуждающая все живое прятаться в тени. Горожане и туристы разошлись по домам и гостиничным номерам на несколько часов сиесты, почти на всех магазинах красовались таблички «Закрыто», и я чувствовала себя полной дурой. Кто еще, кроме дуры, потащится гулять, когда, кажется, даже камни мостовой плавятся от зноя? Особенно в таком платье, которое готово превратиться в футляр, промокший от пота.

На мое счастье, один из магазинов с одеждой продолжал работать — я потратила четыре кроны на модный сарафан и сандалии. Сарафан из тончайшего хлопка был невесомым — светлая ткань, украшенная россыпью вышитых полевых цветов, струилась по телу, и мне было легко даже в жару. Когда продавщица протянула мне бумажный пакет, в который упаковали мои старые вещи, то я поинтересовалась:

— А здесь где-нибудь есть кондитерская?

— Да, госпожа, вниз по улице и направо, — ответила продавщица. — Но они, кажется, закрываются: там повариха сбежала с капитаном.

Так-так. Кажется, это был мой шанс, и я не собиралась его упускать.

Кондитерская под названием «Белая цапля» действительно переживала не лучшие времена: это было понятно по большой витрине, которая не была заставлена сладостями даже на треть. Я вошла, приблизилась к стойке, и из кухни сразу же вышел молодой мужчина в свободной сиреневой рубашке и широких оранжевых штанах. Смуглолицый и кудрявый, он был похож на молодого пирата, который день и ночь грабит купеческие корабли.

— Добрый день! — улыбнулся он, и было ясно: я клиент, которого он не отпустит. — Чем могу вас угостить?

— Черничными кексами, — ответила я. — Муссовым десертом с ромом, шоколадом и черешней. Вафлями с клубничным сиропом. Трюфельными конфетами с фисташками и ванилью. Еще можно профитроли со сливочным кремом и тарталетки с лимонным и ягодным конфитюром. И обязательно торты!

Скуластое лицо хозяина заведения печально вытянулось, в серых глазах захрустели льдинки тоски. Он усмехнулся и ответил:

— Кажется, вы надо мной смеетесь.

Я покосилась на витрину: там и близко не было того, о чем я говорила. Пирожные «картошка», больше похожие на то, о чем не упоминают за столом, яблочный пирог, на который никто не посмотрел за три дня и сахарные крендельки — вот и все угощение.

— Не смеюсь, — сказала я. — Говорят, вам нужен мастер десертов, так вот, я уже здесь. Могу приготовить все, что сейчас назвала. А еще карамельные яблоки, домашнее мороженое и запеченные груши с шоколадом.

Молодой пират вздохнул. Закрыв глаза, оперся на стойку. Открыл глаза, словно боялся, что я мираж, готовый раствориться в любую минуту.

— Сто семьдесят крон плюс чаевые, если приступите завтра, — произнес он, и я приложила значительные усилия, чтобы не броситься в пляс.

— Могу приступить прямо сегодня, если у вас есть нужные продукты.

Продуктов предсказуемо не оказалось — зато был кофе. Пирата звали Лука Фальконе: он сварил кофе с солью, и мы устроились за

столиком в зале, чтобы все обсудить. Лука предложил «картошку», но я отказалась — наверняка она была вкусной, но слишком уж выразительно выглядела.

— Мария и так-то работала спустя рукава, но это еще можно было вытерпеть, — рассказывал он. — А потом просто взяла и не вышла на работу. Я сперва думал, что она заболела, но потом зашел в Подхвостье, и ее приятельницы сказали, что «Летучая рыбка» отбыла на Андаверский архипелаг, и Мария была на палубе.

— Подхвостье это что? — уточнила я.

— Окраина города, там живут бедняки. А скоро и я туда отправлюсь, если дело не пойдет, — со вздохом признался Лука. Было в нем что-то странное, то, чего я никак не могла понять. Вроде бы обычный парень — высокий, худощавый, сильный, ничего особенного. И в то же время я не могла отвести от него взгляд.

— Здесь есть типография? — поинтересовалась я. Лука кивнул. — Тогда сейчас допьем кофе, и отправляйтесь туда. Закажите листовки с объявлением о том, что теперь в «Белой цапле» будут подавать элитные десерты. Не какую-то там картошку... — я едва было не добавила «похожую на говешку», и Лука вспыхнул:

— Ну уж простите, барышня, я не кондитер. По моей части рыба и мясо!

— Не сомневаюсь, что они хороши, — улыбнулась я. — Так вот, теперь в «Белой цапле» настоящие столичные сладости на любой вкус и кошелек без потери качества. Добавьте пару крон на срочность печати, а потом разбросайте листовки по всему городу. Уверена, завтра тут будет не протолкнуться!

Лука согласно улыбнулся: мой план явно пришелся ему по душе.

— Раньше «Цапля» знала и другие времена, — произнес он. — Хочется надеяться, что они вернуться с вашими черничными кексами.

В его глазах поплыли мягкие огоньки, и я почувствовала что-то похожее на прикосновение невидимых пальцев к лицу. Так вот оно что, вот в чем загадка! Он ведьмак. Молодой обаятельный ведьмак, редкость волшебного мира.

— Никогда не встречала ведьмаков, — дружески призналась я. Лука прищурился, и невидимые пальцы скользнули по моим волосам и растаяли.

— А я никогда не видел ведьму, от которой так разит инквизитором, — сказал он и добавил, перейдя на «ты»: — Энцо Саброра страшный человек, ты знаешь?

— Знаю. Был случай убедиться.

— Я зарегистрирован, — Лука дотронулся до кармана штанов, словно хотел показать мне такую же желтую книжку, какая была у меня. — Живу тихо и спокойно, законов не нарушаю.

— Я тоже, но это мне не помогло.

Лука печально усмехнулся и, закатав рукав своей рубахи, продемонстрировал мне старый ожог, который покрывал всю его правую руку. Старый обычай — проверка ведьмака огнем, если рядом нет инквизитора, который проведет дознание. Если выдержит и не закричит — значит, невиновен. Лука не закричал — будь иначе, мы бы с ним сейчас не разговаривали.

Меня не испытывали огнем. Иногда я думала, что мне очень повезло, когда я начала жить в Ханибруке — там не случилось ничего такого, в чем можно было бы обвинить ведьму. Около года ко мне относились подозрительно, а потом привыкли.

До поры, до времени, как выяснилось.

— Ничего, — сказала я, — это все ничего. Будем жить дальше и давать жить другим. И пойдем на закупку продуктов, завтра я начну работать по полной.

Лука улыбнулся, и его глаза повеселели.

— Ведьмачье заведение, надо же, — произнес он. — И под патронажем инквизиции. Да, пожалуй, мы хорошо заживем, всем на зависть!

Пока мы беседовали, жара немного ослабила хватку, а с моря повеяло легким ветерком. Я осмотрела кухню — да, здесь можно было работать и зарабатывать, на кухне было все для того, чтобы создавать прекрасные десерты. Лука тем временем заглянул в сейф, вынул тощую стопку купюр и со вздохом отделил мне большую часть.

— На закупки. Надеюсь, мы в итоге не пойдем по миру.

— Ни в коем случае, — пообещала я. — Где здесь обычно закупаются повара?

— На Хольском рынке, — сказал Лука. — Пошли, покажу. Здесь недалеко.

Он запер заведение, и мы неспешно побрели по улочке, которая уходила к морю. За лохматыми шевелюрами пальм была видна густая синева — глядя на нее, я могла лишь удивляться причудам судьбы. Неделю назад я и подумать не могла, что окажусь в приморском городке, а вот теперь надо же, иду по дороге, вымощенной грубым серым камнем, слушаю крики чаек, и моя жизнь изменилась так, что все это достойно романа.

Хольский рынок распахнул перед нами ворота и смял, ослепил, оглушил бурей ярких красок, веселых голосов, запахов. Чего тут только не было! Опомнившись от этого пестрого и звучного изобилия, я неторопливо пошла по рядам.

Вот ароматные груды фруктов — золотые, розовые и сиреневые яблоки, тяжелые пули синих слив, мясистые груши, истекающие сладким соком, румяные персики, гроздья фиолетового винограда, едва не роняющего ягоды на прилавок, лимоны, от одного взгляда на которые сводит скулы, какие-то лохматые фрукты, названия которых я не знала — и над ними с деловитым жужжанием кружат осы, и продавец, черный, похожий на деревянную фигурку языческого божка, отгоняет их веером из оранжевых перьев.

Вот пирамидки приправ и пряностей — одуряющий запах на несколько мгновений отшибает обоняние, чтобы потом каждая нотка раскрылась богато и широко. Гвоздика, палочки корицы, универсальной пряности для десертов, мускатный орех с его пикантной нежностью, кардамон, свежий и сладкий аромат для выпечки, звездочки бадьяна — можно украсить блюдо, а можно смолоть, чтобы он открыл всю свою суть в печи, и обязательно розмарин с его душистым хвойным ароматом — и все это высочайшего качества за какие-то смешные деньги.

Я и сама не заметила, как накупила столько всего, что пришлось бросить мелкую монетку носильщику, чтобы он все доставил в «Белую цаплю». Когда я расплачивалась за муку и сахар, то продавец, чернокожий южанин в пестром халате до пят, невольно поинтересовался, зачем это мне столько продуктов.

— Теперь я готовлю элитные столичные десерты в «Белой цапле», — со сдержанным достоинством сообщила я. Продавец даже присвистнул и крикнул куда-то в соседний ряд, где продавали бананы, кокосы и шипастые снаряды дуриана:

— Марун! Марун, иди уже сюда!

Вскоре прикатился Марун — такой же черный, в таком же пестром халате. Я никогда не видела, чтобы человек, похожий на шар, двигался настолько плавно и быстро. Продавец муки и сахара кивнул в мою сторону и сообщил:

— Вот, госпожа приехала из столицы, будет делать десерты в «Цапле».

Марун закивал, одарил меня, кажется, самой белозубой из своих улыбок и произнес:

— Госпожа, я вижу, покупает и фрукты? Интересует экзотика? Питахайя, золотые ананасы, страстогаодник, парнская дыня? Съедобные цветы для десертов?

Я задумалась над тем, как именно питахайю можно использовать в десертах, но так ничего и не придумала. Я и слова-то такого не знала.

— Никогда не пробовала такого, — призналась я. — В моих краях готовят из других фруктов.

Марун переглянулся со своим приятелем и приложил руку к груди с таким видом, словно искренне сожалел о моих упущенных возможностях.

— Так надо попробовать! — воскликнул он и, подхватив меня под руку, мягко повлек к своему прилавку мимо мешков с черным и зеленым чаем. — Если хотите привлечь гостей, то нужна не только столичная классика, но и что-то оригинальное, необычное! Тем более, сюда идет жара, и надо что-то легкое, свежее!

Он выхватил из корзины нечто, похожее одновременно на цветок и розовый шар, полоснул по нему ножом, и я увидела молочно-белую мякоть, испещренную черными зернышками. Марун проворно покромсал содержимое шара на кусочки, молниеносным движением располосовал желтый плод манго и протянул мне, добавив:

— Попробуйте! В моих краях это заливают йогуртом и медом или добавляют мороженое.

Я попробовала. Рот наполнила свежая волнующая сладость, голова мягко закружилась от восторга. Можно действительно подавать с мороженым прямо в половинках фрукта. Или...

— Пирожное суфле с манго и питахайей, украшенное шоколадной стружкой и вон теми цветами, — я указала на бумажные пакетики с изображением мелких роз. — И манговый чизкейк без выпечки. Будет

свежо, необычно и интересно. Только один вопрос, почему вы все это решили мне предложить?

Улыбка Маруна сделалась очень спокойной и мудрой.

— Чтобы вы покупали все это только у меня. Вам будет первая поставка прямо с корабля. Полтора дня от плантаций до стола, вдобавок со скидкой, которая порадует нас обоих, а уж остальным тогда достанется, что останется. А вы за мою доброту разместите вот такие наклейки у вас на витрине и в меню.

Он нырнул под прилавок и извлек коробку, полную наклеек — выглядели они, надо сказать, вполне мило. Ананас и изящная буква М, такие же, как на вывеске над прилавком. Что ж, реклама всегда пригодится, а мне пригодится хороший поставщик.

— Договорились, — согласилась я, и Марун вытащил корзину и принялся загружать в нее фрукты. — А чернику вы, случайно, не возите?

Марун подбросил на ладони звездчатый желтый плод и ответил:

— Зачем черника, если есть небесная карамбола? Черника скучная ягода, на что она вам?

— Это, скажем так, моя счастливая ягода, — ответила я, вынимая деньги. — Сколько с меня?

— Нисколько, первая партия в подарок, — обрадовал меня Марун. — Если уж вам так нужна черника, то я буду возить и чернику, — он показал, соединив указательный и большой пальцы, какого размера она будет, и я вопросительно подняла левую бровь: здесь черника выростала до размеров перепелиного яйца. А какой она, наверно, была сладкой на южном солнце!

- Договорились! — улыбнулась я. — Буду тогда угощать вас своими десертами.

Марун рассмеялся и, с трудом оторвав корзину от пола, протянул ее носильщику.

— Вот это мне нравится, — рассмеялся он. — Вот это по-нашему. Бокор и бокерина всегда смогут договориться.

— Бокерина? — удивленно уточнила я. Марун кивнул и продемонстрировал мне свое запястье, унизанное разноцветными веревочными браслетами с бесчисленным количеством узлов и узелков. От браслетов повеяло чем-то тяжелым и властным, и я вдруг

увидела охру, зелень и золото саванны и услышала, как где-то далеко затрубили слоны.

— В наших краях бокорами и бокеринами называют ведьмаков и ведьм, — объяснил Марун. — Я сразу понял, кто вы.

Глава 3

В дом Саброры я вернулась уже вечером, после того, как все приготовила в «Белой цапле» для начала завтрашнего рабочего дня. Лука предложил открыть заведение в одиннадцать — значит, мне предстояло приступить к работе в шесть, чтобы все успеть. Когда я вышла из заведения, то по городу уже бегали мальчишки, раздавая яркие листовки с рекламой столичных десертов в «Белой цапле». Горожане относились к ним весьма скептически, но я знала: это до первой порции дынного мороженого.

Саброра сидел в саду — на его коленях лежала газета, но он не читал: задумчиво чистил сорванный с ветки апельсин и, глядя, как изогнутая рыбка ножа порхает в его пальцах, я невольно представила, как он работал в допросной с такими, как я. Саброра отнесся ко мне с неожиданной добротой, но расслабляться не стоило.

Он был хищником, пусть и в отставке. А я была для него наживкой на крючке, который он забросил, чтобы поймать ведьму, создавшую парус. Такая поимка вполне способна вернуть его обратно в столицу — значит, не надо думать, что он добрее, чем кажется.

— Добрый вечер! — сказала я, стараясь выглядеть спокойной и милой. Саброра удостоил меня тяжелого взгляда, кивнул. Я подумала, что стою перед ним, как провинившаяся ученица перед директором школы — и еще эта картонная коробка, которую не знаешь, куда деть.

— А я нашла работу, — сообщила я, надеясь, что не выгляжу болтливой и назойливой. Бегло посмотрела по сторонам: никого из слуг не было видно, вот и хорошо. — В «Белой цапле», это кафе вниз по улице.

Ноздри Саброры едва заметно дрогнули.

— Я буду очень признателен, — проговорил он нарочито вежливо и холодно, — если ты будешь предупреждать меня о том, куда уходишь и когда вернешься.

Я запоздало подумала, что мне и правда следовало сказать о том, что я отправляюсь на прогулку. Дело не в контроле и не поводке, на который инквизитор хотел меня посадить — хотя он хотел, такова его

природа. Дело в ведьме, которая создала парус и может нанести удар в любую минуту.

Возможно, он думал, что я стану спорить. Например, скажу, что я не его вещь, и он не смеет мной командовать, несмотря на то, что спас от народной расправы. Именно так поступали девушки в романах, которые обожала Марлен — но я решила, что это глупо.

Сейчас было не то время, чтобы показывать свою независимость. Которой у меня, к тому же, и не было.

— Да, хорошо, — кивнула я. — Конечно.

Саброра хмуро отделил дольку апельсина и принялся старательно очищать ее от волокон. Я смотрела, как движутся его пальцы, и вдруг подумала: неужели он волновался?

Нет. Быть такого не может. Инквизитор не станет переживать о ведьме.

Но... но в его взгляде была тревога. Он прятал ее глубоко-глубоко — но она все-таки была.

— Я принесла вам кое-что, Энцо, — сказала я и протянула ему свою коробку. — Вот. Это называется «Сладкий бриз», и, в общем, вы первый, кто его попробует. У меня еще не было случая поблагодарить вас за то, что вы для меня сделали, так что... вот.

Я вдруг почувствовала себя неумехой и размазней. Саброра вопросительно посмотрел на меня, небрежно бросил недоеденный апельсин в траву и принял коробку так, словно там была бомба. Но никакой бомбы — просто суфле из манго и питахайи на нежнейшей бисквитной основе, покрытое манговым желе и украшенное кусочком киви, шариком питахайи и кокосовой стружкой. От съедобных цветов я пока решила отказаться. Саброра открыл коробку, заглянул в нее, а потом вновь взглянул на меня и на какое-то мгновение сделался не ледяной статуей, не монстром, которому пришла в голову блажь меня спасти, а настоящим, живым человеком. Он, конечно, сразу загнал эту растерянную радость назад, под корку привычного стылого спокойствия, но я не сомневалась, что видела ее.

— Спасибо, — коротко ответил он. — Лучше нам пойти в столовую, раз уж тут такой пир на весь мир.

Слуги быстро сервировали кофе и разложили мое суфле на тарелки из тончайшего фарфора. Саброра запустил ложечку в упругую плоть пирожного, и я ощутила прилив необычного волнения. Казалось

бы, что тут переживать? Я готовила хорошо и знала, что десерт получился изысканным и нежным. Но сейчас...

Саброра прикрыл глаза. Улыбнулся.

— Да, ты и правда кулинарный талант, — сдержанно похвалил он. За приоткрытыми дверями столовой шевельнулась чья-то тень, и я почувствовала запах пустыни и горячего песка.

— Гвидо, хотите пирожное? — предложила я. Создавая на кухне «Белой цапли» то, что изобрела моя фантазия, я приготовила намного больше, чем собиралась — то ли от волнения, то ли от страха. Дворецкий заглянул в столовую, и Саброра указал ему на свободное место — тот присел за стол и, когда слуга принес ему чашку кофе и блюдце для пирожного, негромко сообщил:

— Возможно, это столичные манеры, госпожа Эрна, но у нас не принято сажать прислугу за один стол с господами.

— Ты давно не прислуга, Гвидо, — усмехнулся Саброра. От пирожного на его тарелке уже ничего не осталось, и он с видимым удовольствием взял добавку. — Ты друг семьи.

Я готова была поклясться: он был рад, что я это поняла и пригласила старика разделить с нами десерт. Гвидо с удовольствием съел свое пирожное и с легким поклоном произнес:

— Благодарю, госпожа Эрна, за такое изысканное угощение. Буду счастлив, если когда-то смогу вас порадовать чем-нибудь.

Я улыбнулась — старик поклонился снова и, выйдя из-за стола, скрылся за дверями. Саброра посмотрел на меня так, словно загадал мне загадку некоторое время назад и теперь хотел увидеть, додумалась ли я до ответа.

— Что-то не так? — спросила я. Саброра откинулся на спинку стула и рассмеялся, словно я теперь не раздражала его, а забавляла.

— Ты действительно не видишь, кто он?

Я нахмурилась. Пожала плечами.

— Не вижу, хотя и задаюсь вопросом, как он смог прожить столько лет.

Саброра посмотрел на тарелку, в которой красовались еще три пирожных, словно оценивал, сможет ли съесть еще одно, и на его лице мелькнуло то выражение, которое упоминала Марлен — мечтательно-юношеское.

Про прикосновение к груди любимой девушки я предпочитала не думать.

— Он голем, — объяснил Саброра. — Голем, изготовленный две сотни лет назад. А то, что ты ведьма, которая с трудом различает себе подобных, это уже интересно.

Расправившись с пирожными, мы перешли в гостиную — вернее, это Саброра отправился туда с еще одной чашкой кофе и опустился в кресло, а я потянулась за ним и, устроившись в уголке дивана, обитого тканью цвета темной охры с золотыми вышитыми цветами, поинтересовалась:

— А почему этот портрет повернут к стене?

Саброра посмотрел на меня так, что сразу стало ясно: это большой кусок не моего дела, и я не должна туда лезть. Однако он все-таки снизошел до ответа:

— Это мой отец. Проклял меня, когда во мне проявились способности инквизитора.

Повезло ему — он хотя бы знал своего отца. Мой бросил мою мать еще до того, как я появилась на свет. Когда-то я хотела отыскать его — не для того, чтобы просить или требовать, а просто посмотреть в глаза — но потом решила, что это лишнее. Тогда мне было семнадцать, и вместо поисков отца я уехала в Ханибрук.

— Может быть, просто снять портрет? — спросила я. Взгляд Саброры сделался еще тяжелее, и я примирительным жестом выставила ладони вперед.

— Извините. Я сую свой нос не в свое дело. Но раз уж мы делаем вид, что я ваша невеста...

Саброра нервно дернул кистью правой руки, и в воздухе засветились очертания Гексенхаммера. Он не собирался меня ударить — просто показывал, что может это сделать, и я вновь почувствовала себя маленькой и жалкой. Соринкой на скатерти, которую не стряхнули только по недосмотру.

Я его раздражала. Я была ведьмой, и все в Саброре сейчас поднималось для того, чтобы смять меня в лепешку. Он не был в этом виноват — его так учили. Видишь ведьму — бей. Даже если вы с ней поселились под одной крышей, и она готовит лучшее в этой части королевства суфле.

Да, лучшее. Я знала цену своим десертам.

— Что я могу сделать? — миролюбиво спросила я. — Мне не хочется вас так бесить, Энцо, но... что бы я ни делала, все не так.

Он понимающе кивнул.

— Ты не можешь отказаться от своей природы. Как и я от своей. Так что давай просто потерпим друг друга, пока все это не закончится, — Саброра усмехнулся и добавил: — Я постараюсь больше тебя не пугать. А ты не задавай лишних вопросов.

— А какие вопросы лишние? — не удержалась я. Почему-то мне вдруг стало бесконечно жаль его. Саброру вел долг — он приказал ему спасти меня, привезти в этот город, поселить в своем доме, но он не мог отменить ту идущую из самой глубины ненависть, которая составляет саму суть инквизитора.

Ведьма может раскручивать и закручивать железки, которые восстанавливают его после ран, может быть улыбчивой и милой, может угощать свежайшими десертами — но она все равно останется ведьмой. В этом и беда.

— Например, о моей семье. О личном.

— Хорошо, — кивнула я. — Понятно. А почему я с трудом понимаю, где мне подобные?

Этот вопрос так и крутился на языке, и его нельзя было назвать личным. Я с трудом узнала ведьмака в Луке и даже не заподозрила, что с Маруном что-то не так.

— Даже не знаю, — ответил Саброра, и в его голосе мелькнули заинтересованные нотки. — Ты что-нибудь чувствуешь сейчас?

Я прислушалась к себе и уловила едва заметное дуновение — по волосам, заплетенным в косу, скользнул ветерок. Легкий, словно кто-то вздохнул рядом. Саброра вопросительно смотрел на меня, в ожидании ответа.

— Что-то подуло, — сказала я, чувствуя себя полной дурой — уже не в первый, кстати, раз. Саброра усмехнулся.

— А теперь?

Было тихо. Тихо и очень спокойно, вот и все.

— Ничего не чувствую. Простите.

Саброра поднялся, протянул ко мне руку — я послушно потянулась к нему. Когда он прикоснулся к моим пальцам, то я ощутила легкий укол электричества и внезапную покорную слабость.

Хотелось просто стоять вот так, в тихих сумерках, чтобы меня держали за руку — с силой и властью, но без боли.

Мне сделалось спокойно. Наконец-то спокойно. Пусть Энцо Саброра был инквизитором, а я ведьмой — мы оба были людьми, и это самое главное.

— Ну надо же, — усмехнулся Саброра где-то над моей головой, и от этой усмешки по коже пробежали мурашки. Мне захотелось... не знаю, чего. Чего-то очень важного, чему я не могла дать названия. — Тебя запечатали. Кажется, как раз тогда, когда ты рвала на части тот парус.

Он мягко развернул меня в сторону своего кресла и предложил:

— Разбей чашку. Просто направленное заклинание. Я хочу посмотреть, что ты сейчас можешь.

Я оторопело посмотрела на него. Колдовать в присутствии инквизитора, пусть и отставного, пусть и по его просьбе — нет, это было самоубийство.

— Не буду, — решительно ответила я. — Нет, и не просите. Я законопослушная ведьма.

Саброра плавно опустил руки мне на плечи — прикосновение вышло почти невесомым, но было ясно: он свернет мне голову, если я продолжу сопротивляться и спорить.

— Разбей чашку, — с легким нажимом повторил он, и я попросила:

— Дайте слово, что мне за это ничего не будет.

Инквизитор усмехнулся. Да, я точно забавляла его.

— Обещаю. Разбей чашку.

Это было просто — швырнуть в сторону чашки маленький огненный шар и любоваться осколками и разлитой кофейной гущей. Это было просто — но я не смогла этого сделать. Просто не смогла. Подняла руку, назвала заклинание, но ничего не случилось. Чашка красовалась на прежнем месте, словно дразнила меня.

Теперь я чувствовала себя не дурой, а барашком возле новых ворот. Не могла колдовать — но как? Как это вообще возможно?

Меня бросило в пот, окатило холодом и швырнуло в жар. Руки мелко затряслись. Я не могла колдовать. Хотела — и не могла.

— Ну вот, так я и думал, — произнес Саброра. — Тебя запечатали. Тыловишь чужую магию, пусть и с трудом, но сама

колдовать не в силах. Остался только один вопрос: зачем это сделано?

Меня знобило. Я обернулась к Саброре, вцепилась в его руки — гостиная плыла перед глазами, все кружилось и никак не могло найти опору. Я не могла колдовать — но была ли теперь ведьмой? Или сейчас, лишенная своих возможностей, я стала такой же, как все, и меня не за что было ненавидеть?

- Вы сможете снять это? — спросила я. Саброра перехватил меня, поддержал под локти почти любовным жестом. Он не отстранялся, сейчас ему не было настолько тяжело находиться со мной рядом: с его точки зрения я стала нормальной. Человеком, а не грязью, которую ему следовало вымести любой ценой. — Вы сможете?

Одно дело самой отказываться от колдовства, и совсем другое — быть его лишенной. Я стала калеккой. Изувеченной. Обрубком прошлой себя.

Это было больно. Невыносимо. И еще больнее было то, что я не почувствовала перемен. Я не поняла, что со мной произошло.

— Думаю, что смогу, — ответил Саброра. — Но сначала мы пойдем, как она это сделала. И зачем.

Я так и не смогла заснуть.

До рассвета я ворочалась на кровати в гостевой спальне, которую Саброра отвел под мою комнату. Казалось бы, мне следовало радоваться. Я не могла колдовать, значит, неизвестная ведьма оказала мне услугу. Эрна Уиллоу считалась монстром просто потому, что родилась ведьмой — и вот теперь все исправлено, и гости будут заходить в «Белую цаплю» и не кривиться из-за той, которая готовит там десерты. Саброра тоже не будет чувствовать неудобств — теперь я обычная девушка, и ему незачем испытывать ненависть и вражду.

Со всех сторон выходила выгода.

Но мне хотелось грызть подушку и орать во всю глотку.

Я никогда не говорила «Я ведьма и этим горжусь», как делали многие другие колдуньи. Гордиться надо было делами, а не тем, что никак от тебя не зависело. Но мое ведьмовство было частью меня, и я не могла воспринимать свою потерю, как, например, ампутацию большой конечности.

Надо мной надругались — вот как я это воспринимала. Пусть это надругательство принесло мне только профит — оно все равно было насилием.

На рассвете Саброра сдавленно застонал за стеной — наверно, неудачно шевельнулся, и эти железные полосы причинили ему боль. Я решила, что приготовлю ему сорбет с карамболой. Легкий, свежий, экзотический — идеальный десерт в такую жару, если Марун и дальше будет поставлять такую же ароматную карамболу. Или не сорбет, а пирог с карамболой, тростниковым сахаром и ромом?

Вчера Саброра вроде бы понял меня. Он знал, что такое увечья и утрата — и я удивилась, но он не стал меня убеждать в том, что лишение волшебства это счастье, и я должна прыгать до потолка от восторга. Просто сдержанно посоветовал мне не волноваться и пообещал, что мы обязательно узнаем, зачем все это было сделано.

— Чтобы отомстить вам? — предположила я. — Возможно, это кто-то из друзей и родственников той ведьмы?

После того, как Саброра сказал, что убил не ребенка, а фамильяра ведьмы — помощника, созданного темной магией — мне стало намного легче находиться с ним рядом. Теперь он был человеком, а не монстром: пусть не слишком-то неприятным, пусть достаточно тяжелым, но все-таки человеком. И я не сомневалась, что и ему после этого признания стало легче.

— Зачем тогда запечатывать тебя? — ответил он вопросом на вопрос. Я только плечами пожала. За окнами сгустилась тьма, слуги зажгли лампы, и мне наконец-то сделалось по-настоящему спокойно после всех приключений минувших дней.

— Почему вы никому не сказали, что это был фамильяр? — спросила я. Саброра лишь усмехнулся.

— Я говорил. Но меня не стали слушать.

Я решила не уточнять. Наверняка смерть ведьмы использовали просто как повод избавиться от Саброры — мало ли, какие там были отношения с коллегами и начальством...

Одним словом, я начала свой первый рабочий день в том состоянии, которое в любовных романах называют растрепанными чувствами. Лука, который, кажется, не уходил домой, выглянул из-за стойки, оценил мой вид и предложил:

— Чашка кофе с сахаром и сиропом. И будешь, как новенькая.

Я согласилась и пошла переодеваться. Потом мы отправились на кухню и, когда Лука взялся за турку, то я спросила:

— Послушай, ты что-нибудь замечаешь во мне? Что-то подозрительное?

Марун не обманул: черника, которую доставили ночью, и в самом деле была размером с перепелиное яйцо. Я оценила объемы и решила первым делом взяться за манговый чизкейк без выпечки. Потом — многослойный черничный десерт с ромом и шоколадом, который как раз и украшу съедобными цветами, синими и розовыми. Заказать бы еще печатку с белым перышком для шоколада — будет стильно и красиво. Потом — черничные кексы, которые подаются с густым фруктовым коктейлем. Потом — собрать те десерты в стаканчиках, которые так обожали в Ханибруке. Потом...

— Ну да, ты немного странная, — сообщил Лука, протягивая мне чашечку с кофе. Крепкий аромат омыл ноздри, и я ощутила, как в душе поднимается волна бодрости. — От тебя несет Сабророй так, что у меня обоняние отбивает. Как это вы с ним умудрились сойтись?

Сделав плоток кофе, я принялась измельчать шоколадное печенье для основы чизкейка. У Луки было несколько замечательных разъемных форм; после того, как я смешала крошку с растопленным сливочным маслом, заполнила формы и утрамбовала основу, пришло время взяться за пюре из манго. Протирая через сито ароматную желтую мякоть, я рассказывала Луке о том, что со мной случилось в Ханибруке, как парус, поднявшийся от земли до неба, забрал жизни пятнадцати горожан, и как Саброра спрыгнул с балкончика, чтобы убить свиней. Когда речь зашла о сломанных ребрах и поврежденной печени, Лука сокрушенно покачал головой и сказал:

— К нам сегодня зайдет доктор Станунци, он тот еще лакомка. Договорись с ним, чтобы он тебя осмотрел.

— Как ты думаешь, зачем ей вообще понадобилось запечатывать мою магию? — поинтересовалась я. Лука, который в это время мариновал стейки из свинины в ароматной смеси базилика, тимьяна и розмарина с оливковым маслом, посмотрел на меня так, словно я не понимала своего счастья.

— Как зачем? Это же новая жизнь для всех нас. Неважно, что ты родился ведьмой или ведьмаком — ты сможешь жить обычной жизнью. Без охоты, без того, что ты всегда во всем виноват, даже если ничего не делаешь. Просто жить! — он переложил стейки в большую

стеклянную емкость, убрал в холодильник и добавил: — Тебе очень повезло, Эрна. Словами не передать, как тебе повезло.

Я ничего не ответила — старательно взбивала сливочно-сырную смесь с манговым пюре и думала о том, что Лука прав. Осталось примириться с его правотой.

— Людей надо судить по делам, — хмуро сказала я. Так, теперь манговое конфи. Манговое пюре, желатин, вода, лимонный сок и сахар. — Я хочу быть собой, а не обрубок себя. И хочу, чтобы люди смотрели на мои дела, а не на то, кто я.

Лука усмехнулся. Кажется, и его я тоже забавляла.

— Сегодня и посмотрят, и попробуют, — ответил он. — Будем надеяться, что магия десертов им понравится.

Когда в девять вечера я вышла из «Белой цапли», сделав нужные заготовки на завтра, то от усталости у меня подкашивались ноги, а в голове звенело. Жители Марнахена расхватили все, что я приготовила. Конечно, с самого утра гостей не было. К полудню Лука успел отчаяться — а в четверть первого вошла барышня в модном платье и с пестрым журналом под мышкой и, увидев витрину, замерла от удивленного восторга. — Давайте-ка я принесу вам трюфельные конфеты! — предложила я. — Самое модное столичное лакомство, все девушки его покупают. Я понятия не имела, что именно едят в столице, но быка надо было брать за рога. В итоге барышня с журналом съела добрую дюжину трюфельных конфет и стаканчик черничного десерта, запила все это фруктовыми коктейлями и, взяв с собой пакетик с кексами, быстрым шагом отправилась рассказывать подругам о том, что в «Белой цапле» наконец-то подают стоящие вещи. В час у нас уже была небольшая очередь из девушек и дам, которые со знанием дела рассуждали о том, как сильно эти десерты повредят фигуре — но рассуждения не мешали им делать заказы. В два часа очередь выползла из дверей на улицу, несмотря на жару, и я, оценив остатки, бросилась печь пирог с карамболой и оформлять новые стаканчики с десертами. В пять часов стало ясно: я спасла «Белую цаплю» от закрытия, а Луку от разорения. Десерты сметали, стоило их выставить в витрину. Я носилась от кухни к стойке — покупательницы щебетали, делали новые заказы и соглашались ждать столько, сколько потребуется. Касса почти лопалась от купюр. Лука был счастлив — сейчас, когда в «Белой цапле» было настоящее нашествие гостей, он

выглядел так, словно готов был пуститься в пляс. Под вечер Марун принес несколько коробок с фруктами и, глядя на колючие золотые шары ананасов, я решила, что завтра будет творожный десерт. Белые брусочки, украшенные мятой и киви, нежно-сладкие и освежающие — я назову их «Летнее облако». А в стаканчиках будет такой же творожно-сметанный десерт, но уже с манго — вот в коробке золотые плоды, от которых веет сладким ветром, летом, южным солнцем. И обязательно торт! Ананас и горький шоколад — это волшебное сочетание, но когда ананас запечен в пряном ванильно-ромовом сиропе, то это уже не просто волшебство, это настоящее чудо. А еще — коктейль с манго и мороженым, золотая страница лета. А еще — мандариновая панакота с россыпью ягод над оранжевой гладью желе. А еще... Я устала так, словно провела день не на кухне, а на пашне — и я была счастлива, как никогда прежде. Я была на своем месте: могла творить, фантазировать, готовить самые лучшие десерты. Это было вдохновением — и у меня было место, где я могла бы реализовать самые оригинальные рецепты. У меня снова были надежды и мечты. У меня снова было... Саброра неторопливо шел в сторону «Белой цапли», и я вдруг вспомнила все, что отстранила от себя в этот день. С головой уйдя в работу, я забыла о том, что была ведьмой, которую лишили волшебства, и что все это было частью чьего-то плана. Что ж, нельзя вечно жить в башне из вдохновения и фантазий — приходится и возвращаться на землю. Саброра сейчас ничем не напоминал инквизитора: просто хорошо одетый мужчина, который держится несколько скованно во время прогулки. Переложив коробку с черничными кексами из одной руки в другую, я вдруг подумала, что весь день сегодня всматривалась в гостей — не то что бы я ждала инквизитора, с какого перепуга мне вообще его ждать, но все равно почему-то думала, что он зайдет. — Добрый вечер! — с улыбкой сказала я и протянула ему коробку. Лука, который опускал жалюзи на окнах, одарил инквизитора весьма выразительным взглядом. Саброра открыл крышку, оценил количество кексов и кивнул: — Спасибо. Как первый рабочий день? Мне показалось, что он хочет быть дружелюбным и сердечным, хотя это ему, в общем-то, несвойственно. Моя улыбка стала еще шире. — Устала, как не знаю, кто. Гости было очень много. — Да, о твоих десертах говорит весь Марнахен, — кивнул Саброра, и мы побрели по улице. Город укутывался в розово-

лавандовые сумерки, словно в легкую шаль. Впереди спокойно шумело море — я не видела его, но слышала негромкий голос воды и запах водорослей и тайны. От ветра, который мягко прикоснулся к лицу и волосам, пахло сосной и цветами. Никогда бы не подумала, что буду гулять по приморскому городу в компании инквизитора — и мы, кажется, уже относимся друг к другу иначе, чем неделю назад в Ханибруке. — Как вы думаете, та ведьма уже знает о том, где мы? — спросила я. В душе поднималось странное волнение, и мне очень хотелось задавить его. — Знает, что мы приехали сюда, что я работаю? — Да наверняка, — усмехнулся Саброра, и я подумала, что он просто делает то, чего от него ждут. Он назвал меня своей невестой, а с невестой надо гулять, показывать, что это обычные отношения, а не ловушка, в которой я наживка. — Посмотри-ка на меня. Я послушно заглянула ему в лицо — привычно усталое, осунувшееся, бледное. Взгляд инквизитора был темен, словно скрывал какую-то тайну. Каштановые завитки волос по-прежнему не желали лежать ровно в прическе, и мне вдруг показалось, что Саброра теперь смотрит на меня иначе. Это, конечно, было только видением в сумерках. Издалека доносилась музыка и голоса гуляющих, где-то с ворчанием проехал автомобиль. Летний город отдыхал у моря, а море не видело различий между ведьмами, инквизиторами и людьми. Море уравнивало всех. — Ни следа магии, — сказал Саброра, и в его голосе прозвучало с трудом скрываемое удовольствие. — Если бы я не знал, кто ты, то даже не заподозрил бы ведьму. — Отличная маскировка, — откликнулась я. — И она тоже может ею воспользоваться. Пробраться куда-нибудь так, чтобы твои коллеги ни о чем не догадались, и поднять еще один такой парус. Саброра согласно кивнул. Мы продолжили прогулку, хотя больше всего мне сейчас хотелось не гулять, а свернуться под одеялом и заснуть. Но теперь, когда мы заговорили о ведьме, в спокойной умиротворяющей мелодии вечера появились тревожные нотки. — Да, я уже думал об этом, — признался Саброра. — Отправил сегодня письмо моему бывшему руководству, рассказал обо всем... и знаешь, что мне ответили? — Предложили отдыхать в отставке, — ответила я. Что еще тут могли сказать? Саброру выкинули с работы и не собирались брать на нее снова, и никто не нуждался в его информации и мыслях. Если он упомянул о ведьме, чье волшебство запечатано, то его бывшие начальники могли решить, что он попросту врет. Будь

иначе, его бы послушали раньше, когда он говорил, что убил не девочку, а фамильяра. Но его, как и меня, не хотели слушать. — Совершенно верно, — кивнул Саброра и предложил: — Давай спустимся к морю?

Море лежало в сиреновом покрывале сумерек и негромко шептало свою вечную песню. Сбросив туфли, я прошла к самому краю пляжа, к воде, которая лизнула мне ноги и отступила — и пришла снова. Море говорило со мной о том, что у меня начинается новая жизнь, что она обязательно будет хорошей, что та ненависть, с которой каждая ведьма знакома с детства, больше не имеет ко мне никакого отношения. Не знаю, сколько я так простояла, глядя на море. Далеко-далеко оно сливалось с небом, и там по самой грани горизонта плыл парусник. В небе проступали первые звезды, откуда-то справа доносилась та мягкая романтическая музыка, под которую положено целоваться влюбленным. Наверняка там было что-то вроде танцплощадки, на которой сейчас кружились парочки. Пробежала компания молодых людей, которые перебрасывались мячом, прошли девушки, заливаясь кокетливым смехом. Саброра стоял чуть позади; когда я опомнилась и обернулась, то он показал мне мои туфли, которые держал в руке, и я невольно рассмеялась. — Честно говоря, ни разу не видел ведьму, которая бы смеялась в моем обществе, — признался Саброра, когда мы неторопливо побрели по песку в сторону небольшого ресторанчика. Судя по запаху, там готовили морепродукты, которые выловили где-нибудь неподалеку. Устрицы открывали раковины, демонстрируя нежное смуглое содержимое, мидии чернели неприступными рыцарями в черных доспехах... — А я никогда не видела моря, — ответила я. — Но всегда хотела посмотреть. — Ты училась где-нибудь? — спросил Саброра. — Да. В кулинарном колледже, трехмесячные курсы. Для ведьмы это лучше некуда. Я вспомнила эти три месяца — осторожное презрение однокурсников, их отстраненность, брезгливое внимание преподавателей и мое упрямое стремление стать лучшей. Да, я ведьма. И да, несмотря на это, я буду готовить лучше всех вас — не потому, что колдую, а потому, что не даю покоя рукам, которые растут из правильного места. На выпускном экзамене мой яблочный десерт был самым лучшим — но, конечно, диплом с отличием получила обычная девушка. Я давно не вспоминала об этом — а теперь вдруг вспомнила. — А я окончил Королевский

государственный университет, — сказал Саброра. — Мне предлагали преподавательское место, но я не захотел. Практика всегда интересовала меня больше теории. Прошла парочка — немолодой мужчина, похожий на побитого жизнью бульдога, и юная свеженькая барышня: скорее, супруги, чем отец и дочь. Увидев Саброру, они улынулись, поприветствовали нас, и я подумала, что об инквизиторе здесь сплетничают. Неудивительно: безжалостный убийца, которого выперли в отставку, а он ходит с таким видом, словно ничего не произошло, еще и невесту с собой привез. — На нас таращатся, — сказала я, когда парочка прошла. Саброра усмехнулся. — Ничего удивительного. Про ваши сладости говорит весь город. Про меня тоже. — Почему вы не хотите рассказать о том, что это был фамильяр? — я никогда не имела дела с фамильярами, но в общих чертах знала, как их создают. Если кому-нибудь рассказать обо всех этапах, то вряд ли он сможет спать по ночам. — А зачем? — Ну как зачем? — удивилась я. — А ваше честное имя? Только сейчас я поняла, насколько мило и непринужденно мы выглядим. Прелестная парочка: инквизитор идет по пляжу с ведьмой и несет ее туфли. Мне сделалось не по себе — и я тотчас же обнаружила, что это чувство не приносит мне неудобств. Да, несет. Он мой жених, в конце концов, пусть и выдуманных. — У инквизитора нет честного имени, — с некоторой печалью признался Саброра. — Нас уважают, потому что мы уничтожаем ведьм. Нас ценят — мы ведь истребляем зло. Нам жмут руки и сажают за лучшие столы, но при этом что? — Боятся, — едва слышно сказала я. Саброра кивнул. — Верно. Боятся. Потому что мы убийцы. Не знаем ни пощады, ни жалости. Я испуганно подумала, что сейчас он снова упомянет ту историю с ведьмой и фамильяром, но Саброра промолчал. Впереди были скамеечки, на которых расположились немногочисленные гуляющие: видя, что мы приближаемся, барышни принялись перешептываться, бросая в сторону инквизитора весьма красноречивые взгляды. — Пусть убийцы. Пусть беспощадные, — усмехнулась я. — Зато вы, инквизиторы, страшные богачи, и любая барышня не просто пойдет за вами, а побежит. На вас смотрят с интересом, Энцо. Саброра рассмеялся, словно я сказала что-то невероятно потешное. Мы сели на скамеечку, я забрала у него свои туфли и, застегнув правую, спросила: — А тут что-то будет? Такое ощущение, что все чего-то ждут. — Танец

рыбок, — ответил Саброра. — Прелестное зрелище, вам понравится. Постепенно сделалось совсем темно. Из ресторанчика, который лежал в десятке шагов от скамеек, подбегали официанты с холодным шампанским, и мне стало казаться, будто мы пришли в театр. Фонарей не зажигали, и я удивленно поинтересовалась: — А как же мы тогда увидим рыбок? — Смотри, — ответил Саброра и кивнул в сторону моря. Я изумленно ахнула. В воде разливалось спокойное золотое свечение, словно там, в глубине, загорелся огонь. «Начинается, начинается!» — восторженно заговорили зрительницы, и из моря вдруг вырвалась золотая комета, поднялась над водой, расплескивая искры, и, перевернувшись, вновь ушла в воду. Я увидела круглые монетки чешуи, изящный хвост, черный глаз — рыба казалась не живым существом, а ювелирным изделием. А потом их вылетело сразу шесть. Рыбы вырывались из воды, крутились в воздухе так, словно хотели укунить себя за хвосты, рассыпая во все стороны сверкающие брызги, и это было настолько яркое, чудесное зрелище, что я почувствовала себя ребенком, которого родители привели в цирк — и он замер от восторга, забыв, как дышать. Рыбки плясали над морем, и я подумала: надо загадать желание. Это ведь не просто так, это настоящее волшебство, чистое и хорошее. А потом вода налилась тьмой, налетевший ветер отогнал последние искры, и, когда Саброра оттолкнул меня в сторону, а люди завизжали, я смогла лишь растерянно подумать: не успела. Ничего я не успела.

Тьма выбиралась из воды — бесформенная и густая, наполненная запахом водорослей и гнилых ракушек, она поднялась до самого неба и проглотила россыпи созвездий. Вместе со всеми я побежала было с пляжа, но затормозила и обернулась: Саброра шел к самой кромке моря с таким небрежным, почти светским видом, словно перед ним был не сгусток мрака, а официант, который пришел принять заказ. Он собирался сражаться. Он шел, чтобы сделать то, чему посвятил жизнь — и я не могла оставить его одного. Просто не могла, вот и все. Девушки визжали, захлебываясь своим ужасом. Вот одна из них споткнулась, упала, и по ней едва не пробежали товарки. Кто-то из мужчин помог ей подняться, поволок с собой, а я бросилась обратно, прорываясь сквозь ревуших от ужаса людей, и закричала: — Энцо! Саброра даже не обернулся. Дернул головой, словно расслышал мой голос в общей суматохе, и остался недоволен. Тьма клубилась,

наваливалась на берег, сминая все на своем пути. Полетели в стороны скамейки, рассыпаясь обломками и щепой, вскипели волны, расшвыривая вываренных золотых рыбок — в их мутных глазах плескалась смерть. От нее веяло таким безысходным ужасом, что хотелось сесть, закрыть голову руками и заскулить. То, что вышло к нам, было не просто гибелью со дна моря — оно стирало жизнь, как ластик стирает неверный набросок. Это был даже не страх — я смотрела на тот бесконечный ужас, за которым открывается смерть. И она потопчется на берегу, а потом двинется дальше, в город. Я представила изуродованные улицы — дома с выбитыми стеклами и сорванными ставнями, сломанные деревья, вырванную дверь «Белой цапли» и изувеченных мертвецов повсюду, и поняла, что не уйду. Ведьма, которая подняла парус в Ханибруке сейчас бы пела и плясала — но я была не из таких ведьм. — Энцо... — уже не крикнула, а выдохнула я. Саброра плавно провел рукой в воздухе, оживляя знакомый Гексенхаммер, и я испуганно подумала: маловато будет. Ой, маловато. У ведьм, которые попадали в засады с большим количеством инквизиторов, было особое заклинание, оно называлось Освободителем и могло разметать по клочку всех, кто отважился бы встать на пути. Однажды, еще в детстве, я его испробовала: тогда наш деревенский сарай разобрало по бревнышку, а разбежавшиеся куры потеряли все перья. Ох, и досталось же мне тогда... Гексенхаммер в руке Саброры наливался огнем, и в его свете я наконец-то во всей красе увидела то, что вышло из моря. Тьма свивалась в десятки щупалец и перепончатые крылья, тьма дымилась, и из нее проступали сотни распахнутых мертвых глаз, тьма простирала руки к берегу, не зная ни пощады, ни жалости. Кто-то заскулил от ужаса — и я вдруг поняла, что это я сама скулю. Вспомнился тот огонь, который когда-то в детстве наполнял мои руки. Вспомнилось, как он тек, наполняя собой каждый сосуд и согревая, но не обжигая, и как потом вырвался. Это было освобождение от всех страхов и исцеление души. Это была подлинная свобода человека, который делает то, что должен. Мы ударили одновременно. Гексенхаммер взмыл в небо и обрушился на шишковатую голову, которая проступила из ночи — и Освободитель сорвался с кончиков моих пальцев и с тонким свистом врезался туда, где соединялись и нервно подрагивали щупальца. Тьма взревела. Теперь она была похожа на грозное облако, в котором сверкают алые

молнии. Прорехи, которые оставил Гексенхаммер, наливались зловещим рыжим заревом, и я испуганно подумала, что сейчас из тьмы вырвется огонь и поднимется до небес. Там, куда ударил Освободитель, красовалась багровая дыра с обгорелыми краями. Только увидев ее, я вспомнила, что ведьма, поднявшая парус, запечатала мои силы. Да и в пекло ее, эту тварь! Я встряхнула правой рукой — после удара она онемела и сделалась будто бы чужой, но я знала, что сейчас это пройдет. Где-то в стороне испуганно заскулил кто-то из зевак, и с нервным внутренним смешком я представила, как завтра весь Марнахен будет рассказывать о том, как Энцо Саброра и его невеста размазали чудовище, которое выбралось на пляж. Конечно, теперь мы не скроем, что я ведьма, но... Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления. Раненый сгусток тьмы качнулся и вдруг вскинулся над пляжем. Повяло гнилью и кровью: на мгновение тьма сделалась прозрачной, и я увидела останки бесчисленных кораблей, поросших водорослями и илом. Мертвецы, объединенные рыбами, колыхались в смрадных волнах, среди их ребер блестело золото. Вот, значит, откуда поднялась эта мразь, с самого дна моря — ее соткали из жертв кораблекрушений и бросили на живых. Гексенхаммер вновь взлетел, целясь в голову — туда, где взморгнули и открылись сверкающие россыпи глаз. Вонь сделалась невыносимой. Отправляя Освободителя следом, я поняла, что еще немного, и меня вырвет. Нет-нет, держаться. Держаться. Наши заклинания ударили одновременно. Над пляжем раскатился грохот — такой, что я не удержалась на ногах и рухнула на потемневший песок. За грохотом пришел вой умирающего животного, и, падая в серые сумерки обморока, я подумала, что Саброра не справился бы без меня. Это был первый случай в его практике, когда ведьма встала с ним плечом к плечу. А потом обморок окончательно сгустился надо мной, и стало совсем темно.

- Дыши. Дыши, говорю. Я послушно сделала вдох, и легкие обожгло такой вонью, что на глазах выступили слезы. По щекам несколько раз ударили, потом вонь сменилась запахом нюхательной соли, и я окончательно пришла в себя. — Вот, умница. Хорошо. Почему ты решила мне помочь? Я увидела, что сижу на изрытом песке. Кругом была обычная южная ночь возле моря. Такой ночью хорошо гулять в приятной компании, целоваться... В стороне кто-то

всхлипывал и невнятно бормотал: ну как же так, все же было, как всегда... — Так почему? Я увидела Саброру: он сидел рядом со мной, держа в руке нюхательную соль. Над его запястьем порхали искры — значит, приводил меня в сознание не только с помощью лекарств, но и магией. Я огляделась: ни следа живой тьмы. Официанты из ресторанчика, засучив рукава, поправляли покосившуюся вывеску, рядом с разбросанными скамейками топтались полицейские с самым озадаченным видом. Тихое место. Тихий городок, в котором никогда ничего не происходит. — Ну а что я должна была делать? — ответила я вопросом на вопрос. — Смотреть, как оно вас раскидает по капельке? Саброра усмехнулся, и мне вдруг показалось, что ему понравилось то, что я вмешалась. Ему было хорошо, от того, что он понимал: перед чудовищем он стоял не один. Пусть его спину прикрывала ведьма — но ведь прикрывала. Это ведь очень важно — знать, что ты поднимаешься перед злом не в одиночку. — Он бы не раскидал, — небрежно ответил Саброра. — Как самочувствие? Я прислушалась к себе. Вроде бы все было нормально, но почему-то я готова была поклясться: если сейчас я решу колдовать, то у меня ничего не получится. — Все в порядке, — ответила я, и Саброра устало принялся навинчивать крышечку на пузырек с нюхательной солью. — Что это было? Послание от нашей знакомой? — Несомненно, — Саброра помог мне подняться. — Она ведьма, которая использует в магии силу воды. Я поймал небольшие личные оттиски ее волшебства в той твари, которая шла из моря. Мы медленно двинулись по изрытому песку к дорожке, которая вливалась в мостовую и убегала вверх по улице. Город не спал. Во всех домах горел свет, из окон высовывались зеваки, стояли, переговариваясь, возле домов. Я знала, что в утренних газетах напишут что-то вроде «Столичный инквизитор в отставке спасает Марнахен при помощи ведьмы!» Все теперь будут знать, что я ведьма. И в «Белую цаплю» будут заглядывать еще и любопытные — те, кому страшно интересно узнать, как это я захомутала такого, как Саброра, при всей его ненависти ко мне подобным. И эти любопытные обязательно станут перешептываться о том, что наверняка я захомутала Саброру через какие-то свои выдающиеся постельные умения, не иначе. Мне сделалось противно. Мы прошли мимо закрытой «Белой цапли», и я подумала: Лука же здесь живет, ведет свое дело, и никто ему в нос не тычет его ведьмовством. Может, и со

мной обойдется. Ну не могла же я оставить его там одного! Это было бы неправильно. Совсем неправильно. — Так все же почему? — полюбопытствовал Саброра, когда мы свернули на ту улицу, которая вела к его дому. Отсюда было видно, что в особняке горят все окна: взволнованные слуги ждали господина. Гвидо наверно не спал. Големам почти не нужен сон — я читала, что им достаточно прикорнуть на четверть часа, чтобы снова чувствовать себя сильными и бодрыми. А вот с глиной, из которой они состоят, все намного интереснее. Для неизбежного ремонта ее должны были привозить только из тех мест, в которых был создан голем... — Лучше скажите, как я смогла это сделать, — ответила я. — Моя магия была запечатана. Она и сейчас запечатана. Саброра пожал плечами. — Скорее всего, это был сильный эмоциональный порыв, — он усмехнулся и признался: — Честно говоря, для меня это неожиданно. Я понимающе кивнула. Что тут еще можно ожидать? Энцо Саброра посвятил жизнь уничтожению таких, как я — и ведьмы искренне отвечали ему взаимностью. — Вы ведь тоже меня спасли, когда убили тех свиней, — ответила я. — Так что можно сказать, я отдаю долги. Потому что... — я понимала, что буду говорить очень глупые с точки зрения Саброры вещи, но не могла не сказать. — Потому что не все ведьмы такие, как наша новая знакомая и та, которую вы убили с фамильяром за компанию. Мы можем быть и другими. Я ожидала, что Саброра станет спорить и приводить примеры разной степени кровавости и злобы — но он наверно слишком устал для спора. Мы вошли в ворота его особняка, миновали темный спящий сад, полный свежих запахов цветов, и поднялись по ступеням. Двери распахнулись, и я услышала голос Гвидо: — Господин Энцо! Слава Богу, вы живы! Я уж не знал, что и думать! Саброра вошел в дом, с неподдельной любовью обнял старого голема за плечи и умиротворяюще произнес: — Все со мной в порядке, тебе не стоит переживать. Ты знаешь, я смогу с этим справиться, — Гвидо укоризненно покачал головой, и Саброра добавил, еще больше став похожим на подростка, который оправдывается перед родителем: — Видел бы ты, какие чудеса героизма проявила Эрна! Гвидо бросил выразительный взгляд в мою сторону и ответил: — После аннексии Карнавалдо я думал, что видел все. Но и подумать не мог, что ведьма встанет рядом с инквизитором и будет защищать людей от чудовища. Я улыбнулась, понимая, что сейчас об этом говорит весь город — и

разговоров этих хватит не на день и не на неделю. — Я законопослушная ведьма, если вы об этом, — сказала я, и Гвидо выразительно поднял глаза к потолку. — Вы ведь не его невеста, я правильно понимаю? Коллега? Саброра развернул старика за плечи и мягко повлек в сторону лестницы. — Гвидо, это очень долгая история, и не для нынешней ночи. Тебе надо отдохнуть. — Не буду спорить, милорд, — вздохнул голем и добавил совсем негромко, так, что я едва расслышала: — Но вы бы все же подумали бы получше о том, кого привечаете в своем доме. Когда он ушел, то Саброра обернулся в мою сторону — только теперь я обнаружила, что стою в центре гостиной, словно забытая вещь, и не знаю, что делать, и куда себя деть. — Спасибо, Эрна, — сказал он. — Я тебе в самом деле признателен. — Надо же! — рассмеялась я. — Не думала, что вы сможете когда-нибудь поблагодарить ведьму. В усталом взгляде Саброры сверкнули энергичные огоньки. — Иди уже спать, невыносимая девчонка, — усмехнулся он. — Пока я не пожалел о своей благодарности.

Глава 4

Утром я пришла в «Белую цаплю», чувствуя себя так, словно по мне проехал автомобиль, а потом его подвиг повторил экипаж. Правая рука казалась чужой — кто-то пришил ее к моему телу небрежными стежками и решил, что и так сойдет. Несмотря на раннее утро, возле заведения уже были зеваки всех полов и возрастов. Один из них, немолодой джентльмен в белом костюме и такой же белой шляпе, осведомился: — Барышня, что же получается... вы ведьма? Я не могла вспомнить его среди тех, кто вчера наблюдал за представлением золотых рыбок, но это не значило, что он не мог наблюдать за сражением, допустим, из ресторана, спрятавшись за стойкой. — Я Эрна Уиллоу, законопослушная ведьма, — скучным тоном ответила я. — Мою регистрационную книжку вы в любой момент можете увидеть у курирующего инквизитора по запросу полиции. Вот именно, по запросу. Я не обязана показывать свои документы, кому ни попадя, просто потому, что людям приспичило сгореть от любопытства. Да, ведьмы по мнению добропорядочных обывателей это сор под ногами, но бургомистр Ханибрука был прав: у нас правовое государство. Это дает мне возможность хотя бы упоминать законы перед тем, как меня бросят свиньям или кому похуже. — Вы поймите правильно, — дама весьма впечатляющих размеров, которая держала под руку заинтригованного мной господина в белом, подхватила нить беседы, и я почувствовала внутренний холод. Когда со мной говорили вот так, то следующим номером программы было предложение собирать манатки и утрепывать без оглядки. А то ишь, чего удумала, ведьмища! Жить с порядочными людьми. Не жирно ли будет? — Вы поймите правильно, — продолжала дама. — Ваш род, как бы это сказать, гнуснопрославлен. А тут ведьма спасала людей от чудовища! Немыслимо! — Невероятно! — поддержали ее остальные зеваки. — Мы удивлены! Ведьма-спасительница! — Что удивительного, — хмуро буркнула я. — Говорю же, я зарегистрированная законопослушная ведьма. — Это было потрясающе! — дама прижала руку к пухлой груди, выражая степень своего впечатления. — Как вы бросали заклинания в ту тварь! Эрвин, я говорила тебе, что ехать надо сюда, а

не в Уистоншир! Где бы мы еще такое повидали? — Это вам, барышня, — сквозь зевак протолкался неприметный человечек с таким блеклым лицом, что казалось, будто это ожила серая ночная бабочка. Он протянул мне бумажный сверток, на котором красовался герб, лев с иголкой в лапе, и объяснил: — Там фартучек, полотенце и прихватки. Я Томас Сандерсон, здешний портной. Ежели потребуется — заходите, там визитка и адрес. Да, похоже, я сумела поразить здешних обитателей не только своими десертами. И кажется, тут у меня нет врагов. Я улыбнулась, поблагодарила портного и сказала: — Сегодня будут десерты из ананасов. Надеюсь, они впечатлят вас не меньше. На том обмен любезностями и завершился. Я вошла в «Цаплю», Лука, который мариновал на кухне очередные стейки, помахал мне и, когда я переделалась и встала к своему столу, спросил: — Что это за дрянь-то была? — Понятия не имею, — призналась я. — И мне, честно говоря, страшновато. Первым делом я взялась за торт с ананасом и горьким шоколадом. Когда я училась кулинарии, то лишь по рассказам знала, каковы ананасы на вкус, и считала, что в них кислоты всегда больше, чем сладости. Но в тех плодах, которые вчера привез Марун, не было ни следа кислинки — они окутывали рот такой сладкой свежестью, что хотелось петь и танцевать. Значит, торт. Потом творожное бланманже с манго и на скорую руку кокосовые шарики с ананасом и воздушным сыром. Но сначала, конечно, торт с его тропической свежестью, нежнейшим бисквитом и сливочным кремом. Сначала я взялась за шоколадный бисквит и, взбивая масло с сахаром до пышной массы и добавляя яйца по одному, внезапно поняла, что моя рука уже совсем не болит. — А тебе местные говорили, что наш род гнуснопрославлен? — поинтересовалась я, смешивая муку, какао и соль в отдельной миске. Половина мучной массы пошла в яично-масляную смесь, и я принялась все взбивать, чтобы потом добавить сметану. — Говорили, конечно, — рассмеялся Лука. Мясо отправилось мариноваться и, вымыв руки, он взялся за рыбу. — Но знаешь, брань на ворота не виснет. Обычно говорили так: вы, ведьмачье поганое, те еще мрази, но какой стейк, какой стейк! Ум отъешь! Шоколадный бисквит отправился в духовку, и я взялась за такой же, но белый. Взбить яйца с сахаром, просеять муку с крахмалом, аккуратно перемешать с растопленным маслом и снова отправить выпекаться. Быстро, просто, но я точно знала: сегодня эти торты будут раскуплены, едва я вынесу

их в зал. Пока выпекались коржи, я приготовила крем и принялась разрезать ананасы на кусочки. Запах был таким, что я едва не замурлыкала. Наверно, на запах и пришел тот человек, который заколотил в запертые двери «Цапли» — Лука вышел из кухни и вскоре вернулся в компании Саброра. Тот был похож на ищейку, которую спустили с поводка: его сосредоточенное лицо было хмурым, черты заострились, и я сразу же почувствовала себя виноватой, хотя никому ничего плохого и не делала. — Что случилось? — спросила я. Саброра прикрыл глаза, втянул носом воздух и ответил: — Нет, сюда она не проходила, это точно... Я уловил след нашей ведьмы. Сегодня она была возле «Цапли».

Мы с Лукой переглянулись, и он развел руками.

— Я пришел в половине шестого. Никого тут еще не было. Дворник улицу мел, вот все, кого я видел.

Саброра усмехнулся. Присел на край табурета с самым небрежным видом.

— Неудивительно, — ответил он. — Если она смогла запечатать силы Эрны, то и свои тоже. Замаскировалась, но тонкие следы все же можно различить.

— Тут были зеваки, — сказала я. — Всем было страсть как интересно взглянуть на ведьму, которая спасла людей вместо того, чтобы уничтожить.

Должно быть, мне следовало прыгнуть на спину Саброре и вгрызться в его горло.

— Я должен вас изучить. Вас обоих, — произнес инквизитор и как-то так повел плечом, что стало ясно: те железные полосы все еще в его теле, и они причиняют боль. Во взгляде Луки был вызов.

— Вы, собственно, разве при исполнении? — осведомился он. Саброра посмотрел на Луку так, словно прикидывал: что будет, если он возьмет, например, вон тот нож и вскрыет наглого поваришку?

— Собственно, нет, — ответил он в такт. — Я в отставке, и все это в некотором роде моя самодеятельность. Но я могу этим не заниматься. Сейчас пойду и буду греть кости на пляже, но перед этим позвоню своим коллегам, и вот они-то уж точно будут при исполнении. И не станут с вами церемониться, это я гарантирую.

Лука вздохнул. Казалось, из него выдернули тот стержень, который все это время позволял ему держаться, не опуская головы

перед миром.

— Хорошо, — кивнул он. — Что нужно сделать?

— Раздевалка там? — уточнил Саброра. Лука снова кивнул, и инквизитор сухим официальным тоном произнес: — Тогда пройдемте.

Они ушли в раздевалку. Я услышала шорох одежды, а затем воцарилась тишина. Стараясь не думать о том, что там происходит, я взялась за бланманже. Приготовив десерт, я отправила его в холодильник для застывания — и Лука вышел из раздевалки с самым довольным видом. Кажется, он ожидал чего-то намного хуже, но с ним не стряслось ничего плохого.

— Все в порядке, — ответил он. — Эта дрянь меня не видела и со мной не говорила. Пришла позже, с теми зеваками.

— Эрна! — позвал меня Саброра и, со вздохом сняв фартук, я прошла в раздевалку. Саброра сидел на табурете и выглядел так, словно провел утро за разгрузкой вагонов или чем-то в этом роде. Я встала перед ним, словно примерная ученица и спросила:

— Так что нужно делать?

— Сними блузку, — распорядился инквизитор.

Слова были словно удар крапивой. Я понимала, что он не причинит мне боль, что мы в каком-то смысле друзья — а как не быть друзьями, когда он спас меня от свиней, а я встала с ним рядом, чтобы сокрушить чудовище из моря? Но предложение снять блузку было тем, что заставило меня поежиться от неприятного ощущения.

Саброра смотрел устало. Я послушно расстегнула пуговицы, решив не спорить с ним. Блузку долой? Значит, блузку долой. В конце концов, я живу с ним в одном доме — там гораздо больше простора для того, чтобы надругаться над ведьмой. Но вряд ли ему это было нужно.

Во всяком случае, он не требует, чтобы я сняла бюстгальтер. Вот и слава Богу.

Блузка отправилась на крючок для одежды. Я стояла, опустив руки — Саброра поднялся со своего табурета и, шагнув ко мне, принялся медленно-медленно водить руками вдоль моей спины. Не касаясь кожи — его ладони плыли буквально в нескольких миллиметрах от меня, но я чувствовала, какой жар от них идет, и голова вдруг сделалась тяжелой, наполненной сном и туманом. От Саброры шла та сила, что сминая и приказывает подчиниться — но

сейчас эта сила обращалась со мной так бережно, так осторожно, что весь мой страх, поднявший было голову в душе, куда-то отступил.

Я подчинилась — но это не принесло мне ни боли, ни горя.

Ладони Саброры спустились к моей пояснице, опалая кожу. В какой-то момент он прикоснулся ко мне и тотчас же отстранил руки — я услышала, как в груди зазвенели туго натянутые струнки страха и чего-то, похожего на тот восторг, который охватывает, когда стоишь на краю крыши, и что-то шепчет: шагни, шагни вперед. Пусть недолго, но ты сможешь летать...

— Есть! — вдруг воскликнул Саброра и сделал шаг назад: ощущение было таким, словно я вышла из прокуренной комнаты на свежий воздух. — Она тебя видела, и...

Я схватила блузку и торопливо принялась одеваться. Саброра двинулся по раздевалке медленным спокойным шагом — так движется хищник, который точно знает: добыча здесь, и она не сможет уйти от него. Он шагнул к шкафчику, в который мы складывали личные вещи, и вынул мою сумочку. Впрочем, она его почти не заинтересовала: расстегнув ее и посмотрев внутрь, Саброра передал ее мне и небрежно заметил:

— Фантики от конфет лучше здесь не хранить.

Я выхватила сумку из его руки, чувствуя, как заливаюсь румянцем. Да, рядом не было урны, и я сунула фантик в сумку и забыла о нем — и да, это не повод отпускать комментарии! Снова нырнув в шкаф, Саброра вытащил бумажный сверток со львом и иглой, взвесил его на ладони и улыбнулся той ледяной хищной улыбкой, которой когда-то улыбался тот инквизитор, с которым я общалась в первый раз.

Охотник поймал добычу. Она была у него в когтях, она уже не сбежит.

— Кто тебе это дал? — спросил Саброра.

— Томас Сандерсон, — ответила я. — Он портной, это подарок. Там визитка, на ней адрес...

Мне вдруг сделалось жутко. Так жутко, что ноги стали ватными. Саброра развязал веревку, развернул бумагу — да, там действительно был фартук с надписью «Поцелуйте повара», две варежки-прихватки и полотенце — на рисунке на нем красовался нарезанный торт.

— Не прикасайся к этому, — приказал Саброра и, заглянув на кухню, вернулся с ножом и подцепил им одну из прихваток.

— Дотронься, — произнес он и поднял ее. Я прикоснулась к прихватке и едва успела отдернуть руку — она вспыхнула ярко-зеленым пламенем, и разделку наполнила такая вонь, что Лука возмущенно прокричал с кухни:

— С ума совсем посходили, тряпки жечь? Тут вообще-то готовят!

Саброра прищелкнул пальцами, оживляя направленное заклинание, и огонь угас, оставив от прихватки горелые лохмотья. Я смотрела на них, представляя, что было бы с моей рукой, если бы я надела эту прихватку. Инквизитор усмехнулся.

— Так как, говоришь, зовут этого портного? Кажется, надо его навестить.

— Вы слышали? Томаса Сандерсона убили!

Дама с идеальной фигурой с точки зрения геометрии вошла в «Белую цаплю» в компании таких же шарообразных дочек: они взяли на четверых ананасовый торт и все стаканчики с бланманже, которые были в наличии и, расплачиваясь за покупку, принялись рассказывать последние новости. Желающих послушать было полное кафе: люди охали, ахали и Лука едва успевал разносить на подносах десерты.

У меня на кухне все горело — не в смысле огня, а в том, что я одновременно готовила суфле из манго и питахайи, налаживала новые торты с ананасом и стряпала ароматный сорбет с карамболой. Но услышав об убийстве, я высунулась в зал: круглая дама наслаждалась всеобщим вниманием и рассказывала, активно жестикулируя правой рукой с зажатой в ней десертной ложечкой:

— Мертвый, лежал в своей кровати! У него же комнаты прямо над мастерской, вот там он и лежал! Энцо Саброра его нашел. Я слышала, как Магда Валентайн говорила Вильгельмине Стокольски, что Берта Цоттини видела своими глазами, как его оттуда выносили. Бледный, сухой, словно из него всю жизнь выпили! И Берта Цоттини сказала, что господин Саброра, — тут дама постучала по виску, отгоняя нечистого, — сказал, что Томаса убили в половине четвертого утра!

Я похолодела.

— Пойдите, госпожа Альма! — удивилась одна из барышень. — Так Томас был здесь с самого утра! Вон, принес подарочек поварихе за

ее вчерашнюю боевую доблесть! Я это видела своими глазами, и господин Бруни тоже там был!

Все гости тотчас же обернулись в мою сторону. Я проворно подхватила из рук Луки поднос с черничными кексами, украшенными листочками мяты, выставила в витрину и сказала:

— Его подарочек вспыхнул, как только я попыталась надеть прихватку. Я могла сгореть заживо. Это был не Томас.

Благородное общество заахало, всплескивая руками от удивления и не забывая при этом делать новые заказы. Я невольно отметила, что никто из собравшихся не сказал: так тебе и надо, ведьма как раз и должна сгореть заживо — и меня это обрадовало. Лука встал за кассу и негромко заметил, что надо нанять официанта: теперь он один не управляется.

— Как же? А кто же это был? — изумленно спрашивали барышни, и госпожа Альма припечатала:

— Это был убийца! Убил несчастного Томаса, принял его облик и пришел сюда, чтобы сжечь бедную ведьму!

Я невольно усмехнулась. Никогда не слышала такого сочетания: бедная ведьма. Обычно таких, как я называют иначе.

— А все почему? — продолжала госпожа Альма: кажется, она была знатоком всех сплетен в Марнахене и поэтому самой уважаемой дамой. — Все потому, что он захотел отомстить! Она вчера помогала убить то чудовище из моря, а убийце это все явно было поперек сердца... — дама вдруг обнаружила, что дочки уже успели расправиться с тортом под светскую беседу с криминальным уклоном и возмущенно воскликнула: — Грета! Берта! Александрин! Ну мне-то вы почему ничего не оставили! Эрна, дорогая, а можно мне еще этого вашего ананасного чуда?

Кивнув и принеся заказ, я получила деньги — общество тем временем возмущалось, куда смотрит полиция, что по культурному городу, старинному городу вот так среди бела дня разгуливает убийца и внаглую присваивает себе облик честных горожан. У меня заныло в животе; вернувшись на кухню и отправляя на поднос очередной торт, я вдруг невероятно остро захотела, чтобы Саброра сейчас оказался здесь. С ним мне было намного спокойнее.

Значит, ведьма в Марнахене, и любой горожанин может стать ее жертвой. Тут полиция с местным инквизитором должна носом землю

рыть. Разрезав торт на порционные куски, я спросила у Луки, который тем временем раскладывал по тарелочкам салат из куриной грудки с помидорами:

— Как зовут здешнего инквизитора?

— Господин Бальтасар Контадино, — хмуро откликнулся Лука. — Я тебе даже сейчас скажу, где он: в заведении мадам Брандины с зеленым фонариком.

— И что он там делает? — поинтересовалась я. Ответ намечался простой и предсказуемый, но мне хотелось услышать его.

— Ну как что? — усмехнулся Лука. Компанию салату составили рыбные стейки с гриля, которые источали просто неправдоподобный аромат. — Всесторонне исследует тамошних барышень. Представляю его встречу с Сабророй!

Я даже рассмеялась. Да, пожалуй, Саброра вернется на работу с учетом нынешних обстоятельств. Местный инквизитор проворонил матерую ведьму у себя под носом, потому что был занят совсем другими делами — а Энцо Саброра уничтожил чудовище, нашел труп портного и выявил отпечатки магии убийцы.

— Да, Энцо будет рвать и метать, — проговорила я, и Лука добавил:

— Особенно, когда Контадино предложит ему присоединиться! Я однажды пришел к нему на перерегистрацию, а он пьяный был, говорит: не убежит никуда твоя книжка, пошли новых девочек попробуем.

Да, с таким инквизитором ведьмы тут могут гулять среди бела дня с метлой в одной руке и пузырьком зелья в другой — Марнахену просто невероятно повезло, что до нашего появления здесь не было преступлений в сфере колдовства.

В зале заговорили, заахали, принялись о чем-то торопливо спрашивать. Я выглянула и увидела Саброру — он шел к стойке, а гости едва не хватили его за рукав, требуя немедленно изложить все обстоятельства гибели несчастного Томаса Сандерсона. Увидев меня, Саброра обошел стойку, заглянул на кухню и произнес:

— Эрна уедет на пару часов. Ее немедленно хочет видеть полиция.

Можно не делать ничего предвзятого и дурного — но когда инквизитор приглашает в полицию, все внутренности будто

покрываются ледяной глазурью. Торопливо объяснив Луке, когда вынимать из печи кексы и когда подавать очередную партию бланманже, которая остывала в холодильнике, я переоделась и вместе с Сабророй вышла на улицу. Пекло царило такое, что перед глазами начинали виться мушки. Еще немного, и люди начнут уходить с улиц, чтобы передохнуть в тишине и прохладе.

— Ты уже знаешь, что твой портной убит? — спросил Саброра. Я шла рядом с ним, прижимая к себе сумочку, и не могла избавиться от ощущения, что меня ведут на казнь.

— Да, знаю. В кафе об этом говорили.

— Сплетницы, куда же без них, — усмехнулся Саброра. Сейчас он выглядел таким резким и энергичным, словно принял бодрящую понюшку; впрочем, я предполагала, что это его обычное состояние во время работы.

— Я так понимаю, вы вернулись на службу? — поинтересовалась я. Саброра оценивающе посмотрел в мою сторону.

— Пришлось. Видишь ли, когда местного инквизитора ублажают сразу три барышни, невольно надо брать дело в свои руки.

Сразу три барышни? Ну, силен господин Контадино!

— Так что я отправил телеграмму с запросом и получил подтверждение того, что восстановлен в должности в связи с чрезвычайными обстоятельствами, — продолжал Саброра, и я видела, что он с трудом сдерживает довольную улыбку. Изгнанник, которого ненавидели все, доказал делом, что без него не обойтись. Он был нужен — и был готов работать.

— Это же замечательно, — сказала я, стараясь говорить искренне и мило. — Поздравляю вас. Если хотите, испеку вам особенный пирог.

— Что там уже разболтали об убийстве? — спросил Саброра, пропустив мое предложение мимо ушей.

— Что его убили в половине четвертого. Что убийца принял его облик, чтобы расправиться со мной. Это была месть за то, что я тебя поддержала и вчера метала заклинания в ту тьму из моря, — ответила я, и Саброра ухмыльнулся.

— Надо же, весьма разумно. Кажется, здесь любят детективы.

Мы подошли к зданию полиции. Оно занимало старинный дворец, и я никогда бы не подумала, что здесь размещаются служители закона. Поднявшись по мраморной лестнице и миновав пост охраны, мы

пошли по широкому гулкому коридору с бесчисленным количеством дверей, и внутренний голос закричал: «Беги! Спасайся! У ведьмы тут нет друзей!» Саброра толкнул одну из дверей, и я услышала рыкающий голос:

— А мне насрать, что у вас там завал! У меня тут серийный убийца, нужно подкрепление!

Войдя за Сабророй в кабинет, я увидела немолодого угрюмого полицейского, похожего на бульдога в огненно-рыжем парике. Несмотря на свирепый вид и огромные кулачищи, поросшие красным волосом, он не производил впечатления мерзавца, которому в удовольствие терзать и мучить: просто человек на своем месте — и он делает свое дело так хорошо, как только может. Полицейский говорил по телефону: увидев нас, он махнул в сторону стульев и, когда мы сели, рыкнул в трубку:

— Не завтра, а к вечеру! Все, отбой!

Резко опустив телефонную трубку на рычаги, он со вздохом отер морщинистый лоб скомканным носовым платком и сказал:

— Ну вот что ты будешь делать, а? Это юг. Никто никуда не торопится. Я иногда думаю, что вот приедет сюда кто-нибудь вроде Лоренцо Бернати, будет резать очередную блондинку на пляже, а все будут смотреть, да еще советы раздавать!

Лоренцо Бернати был серийным убийцей — я читала в газетах о том, как он расправлялся со светловолосыми барышнями. Полицейский угрюмо посмотрел на меня, и Саброра представил нас:

— Это Андреа Торигроссо, полицмейстер Марнахена. Андреа, это Эрна Уиллоу. Моя помощница и свидетельница.

Торигроссо шумно вздохнул, придвинул к себе стопку бумаги и, вооружившись карандашом, спросил:

— Ладно, что вы видели?

Я рассказала ему о том, как утром пришла к «Белой цапле» и увидела зевак, в подробностях сообщила, кого именно видела, и кто как выглядел, и, разумеется, упомянула о подарке портного и о том, что с ним случилось, когда я дотронулась до прихватки. Торигроссо все записал и, посмотрев на Саброру, уточнил:

— Это зеленое пламя — вервский огонь?

— Верно, — кивнул Саброра. — Завязан на человека, вспыхивает, когда тот прикоснется к пропитанному предмету.

— Понятно, понятно, — Торигроссо откинулся на спинку своего кресла, прикрыл глаза и сказал: — Значит, дело было так. Ведьма поднялась в комнату Сандерсона в половине четвертого утра. Расправилась с ним. У него в мастерской было полно такого поварского тряпья, он всех поварих обшивал. Так она спустилась, отобрала нужное, пропитала вервским огнем и понесла к кафе. И у меня такой вопрос: почему она не спрятала тело? Мы бы искали портного, которому пришла в голову блажь расправиться с ведьмой.

Я сидела, не чувствуя под собой стула, но от того, что Торигроссо был на моей стороне, делалось легче.

— Потому что она действует демонстративно, — ответил Саброра. — Не прячется, а нападает. Показывает свою силу и нам с вами, и всем остальным. Смотрите, что я могу сделать с каждым из вас, и никто мне не помешает.

Торигроссо со вздохом потер загривок.

— Да, сильна тварь. Что будем делать, господин Саброра? Это по-вашей части, значит, вы главный. А мы тут так, на подхвате. Сегодня еще подкрепление к вечеру пришлют, так что распоряжайтесь нами.

— Начнем с самого простого. Расставим ловушки по всему городу, — ответил Саброра и посмотрел на меня. — И мне понадобится твоя помощь, Эрна.

- Значит, все поняли? У посторонних ничего не брать. Есть-пить только в проверенных местах. И особенно по городу не болтаться, в темные закоулки не заходить.

Мы кивнули, и Торигроссо вздохнул, вновь сделавшись похожим на усталого бульдога.

— Ведь тихий же город, — произнес он. — У нас никогда ничего не происходит. А теперь надо же...

— А почему тихий? — спросила я, когда мы вышли из отделения полиции. — Это же курортный городок, в такие места всегда съезжаются разные...

Саброра понимающе кивнул. Да, курорты это как раз то место, где всякие хитрые рыбки ловят своего червячка в мутной водичке. Карточные шулера, мошенники, воры и обязательно ведьмы — я иногда читала криминальную хронику.

— Тут совсем недалеко Седенбан, — ответил он. — Роскошный курорт, в котором отдыхают сливки сливок. Все, кто хочет эти сливки

снять, едут как раз туда. А здесь что? Учителя, врачи, клерки, которые весь год копят на отдых... Нет, с них ничего особенного не получишь.

— Так чем я могу тебе помочь? — поинтересовалась я и, посмотрев на часы, которые красовались на изящном столбе, заметила: — И у меня еще рабочий день, боюсь, там сейчас Луку съедят, раз нет десертов.

— Никто твоего Луку не съест, — усмехнулся Саброра, и я вдруг подумала, что он стал относиться ко мне намного теплее. Вот, даже своей помощницей назвал. — Посмотри-ка на меня.

Я послушно посмотрела ему в глаза и вдруг поняла, что лечу. Земля ушла из-под ног; я падала в пропасть и не могла остановить падения. В ушах свистел ветер, воздух сделался горьким и колючим. Пытаясь остановиться, найти хоть какую-то опору, я вцепилась в запястье Саброры, и он рыкнул на меня так, что во мне все заледенело от ужаса:

— Стоять!

Голова кружилась, словно купол ярмарочной карусели. Желудок крутился и поднимался, собираясь не то что вытолкнуть содержимое, а выпрыгнуть на свободу. И когда я окончательно поняла, что меня сейчас вырвет прямо на щегольской серый пиджак Саброры, мое падение прекратилось. Под подошвами туфелек вновь возникла мостовая, свист ветра стих, а воздух сделался самым обычным, южным — пропитанным запахами солнца, фруктов и цветов.

Теперь Саброра поддержал меня сам: осторожно взял под локоть и повел в сторону «Белой цапли». Все кружилось, ноги подкашивались — ощущение было таким, словно я посвятила все утро безудержному пьянству.

— Что это было? — пробормотала я.

— Я отцепил немного твоих личных магических оттисков, — ответил Саброра. — Теперь останется разместить их в ловушки. Ты общалась с ведьмой, это поможет более тонкой настройке.

Значит, ловушки. Сегодня Саброра в компании с полицией разбрасает по всему Марнахену этикие маячки: если ведьма окажется рядом, то они выбросят парализующие заклинания. Когда-то я читала об инквизиторских ловушках, боялась попасть в них, а вот теперь надо же, мои оттиски используют, чтобы создать их.

— Можно я теперь пойду в «Цаплю»? — спросила я, и вопрос неожиданно получился очень жалобным. Саброра улыбнулся, и я вдруг поняла, что ему очень идет улыбка. Она словно озаряла его хмурое осунувшееся лицо изнутри, делая его живым, настоящим.

Я улыбнулась в ответ — улыбка была словно ниточка, которая протянулась от одного человека к другому. Можно ведь жить, не ненавидя друг друга просто за то, что мы те, кем родились. Мы не выбираем, кем родиться, зато в остальном выбор в наших руках, и всегда можно стать просто хорошим человеком, если ты действительно этого хочешь.

— Можно, конечно. Вижу, у вас там настоящий успех?

— Мы для этого стараемся, — рассмеялась я. — Хотите, приходите на ужин? Лука готовит отличные рыбные стейки. Придете?

— Если успеем расставить все ловушки, то да, — ответил Саброра. Наверно, его никто никогда не приглашал на ужин вот так, запросто. Особенно ведьмы — с его репутацией он скорее сделал бы стейк из хозяйки и съел его.

— И да, Эрна, — продолжал Саброра. — Не уходи сегодня из «Цапли» одна. Я тебя заберу... просто так, на всякий случай.

Я едва заметно шевельнула рукой, пробуя оживить хоть какое-нибудь заклинание. Нет, ничего не вышло. Я по-прежнему была запечатана крепко-накрепко: может, это как раз и обеспечивало вежливость Саброры. Сейчас я почти обычный человек, и ненавидеть меня незачем.

— Договорились, — улыбнулась я.

Вот и «Цапля» — судя по толпе гостей, которые не обращали внимания на полуденное пекло, десерты уже кончились. Я пробилась через горожан, жаждущих сладкого, прошла за стойку, оценив опустевшую витрину и количество купюр в кассе, и громко сказала:

— Господа, приходите, пожалуйста, через два часа. Будут черничные кексы, десерт из питахайи и манго и ананасовый пирог с горьким шоколадом, — сделав паузу, я с улыбкой добавила: — Я очень рада, что мои десерты настолько пришлись вам по душе. Это настоящее счастье.

Смеясь, улыбаясь и переговариваясь, гости разошлись. Лука вышел из кухни, вытер лоб и сообщил:

— Даже мороженое все подмели. Я стал его делать с шариком питахайи и ананасовыми ломтиками... в общем, в плане фруктов у нас почти пусто.

Я зашла на склад, оценила объемы — да, этого даже на пару тортов не хватит. Лука смотрел так, словно я была хозяйкой, а не он, и я решила распорядиться.

— Видел, как я сегодня делала коржи? Сможешь сделать такие же?

— Смогу, — ответил Лука. — Не волнуйся, сделаю в лучшем виде.

— Вот и отлично, — улыбнулась я. — Тогда пойду на Хольский рынок, выберу фрукты.

— Только осторожно! — встревоженно попросил ведьмак, и я рассмеялась.

— Обязательно! Не думаю, что на меня там нападет ананас!

Ананас, конечно, не напал.

Я не стала блуждать по рядам с разинутым ртом от удивления и восторга: сразу же прошла к прилавку Маруна, взяла ананасы, манго, питахайю и карамболу, добавила коробку черники и поняла, что надо снова нанимать носильщика. Договорившись об увеличении поставок, Марун со смехом сообщил:

— С ананасом надо осторожнее! Вон, в газетах пишут, в них есть какой-то бром-алайн. Получается, ты ешь его, а он тебя, от этого в уголках рта и язвочки!

— Я скажу об этом гостям, но ты знаешь, им все равно. Трескают за обе щеки, — ответила я. — Можно завтра еще желтого киви побольше? С мороженым уходит влет.

— Можно, — Марун черкнул карандашом в замасленном истрепанном блокноте и заметил: — Что-то инквизиция лютует. На голову давит.

— Ставят ловушки, — негромко сказала я. — Ты слышал, что вчера произошло на пляже?

— Слышал, — кивнул Марун и положил в мою корзину еще пакетик съедобных чинских розочек для украшения десертов. — Это в подарок... Да, слышал. Если бы не вы, оно бы разнесло весь город. И знаешь, что я подумал?

— Что же?

— Эта бесформенность свойственна детской магии.

— Детской? — изумленно переспросила я. — То есть, ведьма может быть ребенком?

Нет, это точно было невозможно. Нет на свете таких детей, которые управились бы с заклинаниями такой колоссальной мощи. Да и существо, которое мы с Сабророй размазали по пляжу, не было бесформенным. Да, сначала это был просто сгусток тьмы, а потом-то! У него были и глаза, и щупальцы, и рот, похожий на черепаший клюв. Марун неопределенно пожал плечами.

— В моих краях всегда говорят так: бокор начинает учебу с того, что лепит снежки. И только потом создает из них снежную бабу.

— В ваших краях есть снег? — удивилась я.

— Нет, но сделать так, чтобы он пошел — это первый урок бокора, — Марун прищурился, вспоминая, и проговорил: — Представляешь: саванна, зной, и вдруг идет снег... Все так радуются!

— Ну еще бы. То есть, это может быть ребенок?

Марун пожал плечами.

— Я не знаю. Дети, конечно, бывают очень жестоки, но чтобы убить несчастного Томаса, нужен уже взрослый разум. Это было обдуманное преступление, а ребенку такое не под силу.

Я поняла, что окончательно запуталась. Детская магия, но не у ребенка... И тут меня осенило: душевнобольной! Наша ведьма может страдать расстройством рассудка!

— Ты очень помог мне, Марун, спасибо тебе, — поблагодарила я. Марун улыбнулся, вынул из ящичка коробочку с наклейками, и я взяла несколько: впишутся возле кассы и на каждой книжке с меню. Книжка у нас пока тонкая, но это только пока.

— Всегда пожалуйста, — ответил он и добавил: — Передай своему инквизитору вот что: он давит слишком сильно. Те ловушки, которые он ставит — сильные. А когда крысу загоняют в угол, она наносит удар.

Я вздохнула. Саброра наверняка это понимал, и Торигроссо тоже, недаром запросил подкрепление.

Возвращаясь в «Белую цаплю», я не могла избавиться от ощущения, что за мной пристально наблюдают. Ведьма почувствовала опасность, поняла, что на нее разворачивают охоту, и затаилась — сидит сейчас где-нибудь на чердаке или в подвале и выжидает.

Впрочем, ничего хорошего, кроме плохого, ей ждать не приходится. Уже завтра Саброра увидит, что его ловушки никого не парализовали, и начнет стягивать петлю: полицейские возьмут ловушки в руки, оцепят город и двинутся вперед, постепенно сужая зону поиска, пока не найдут ведьму.

Марун прав. Она обязательно нападет.

Лука справился с коржами просто отлично для новичка в десертах, и я взялась за крем. Вскоре торты были готовы и отправились в холодильник, я наладила уже привычное и обожаемое суфле с питахайей и манго, а потом принялась готовить черничные кексы. Мое счастливое блюдо, куда ж без него.

— Сильно давит? — спросила я. Лука, который нарезал заготовки для салатов смертоносными пиратскими движениями ножа, пожал плечами.

— Чувствуется, да. Неприятно. Но не мучительно, — взмах ножа отправил колечки красного лука в отдельную миску, и Лука сказал: — Надеюсь, это ненадолго.

— Марун сейчас предположил, что такой бывает детская магия, — поделилась я. Лука бросил помидоры в бурлящий кипяток, подождал, прищелкивая пальцами, и, вынув, принялся их чистить от кожицы.

— Ну не знаю. Я в детстве не так колдовал, — он прищурился и улыбнулся. — Делал так, что мидии жарились без огня. Яблоки с дерева падали прямо в корзину. Птиц лечил. Отец вообще думал, что я не ведьмак, а блаженный. Дурачок, — он смахнул нарезанные помидоры в другую миску и добавил: — Мальчишки в поселке кошку поймали, мучили ее, а я отбил и раны ей заживлял. Ревел, помню, ужасно... Ну вот кто, кроме блаженного, так сможет?

— Не знаю, — честно ответила я. От истории с кошкой хотелось плакать. — Хороший человек сможет?

— Потом решили, что я все-таки ведьмак, — усмехнулся Лука. — А ведьмак и хороший человек это две большие разницы, как говорят в Хавтавааре.

Какое-то время мы молчали. Было видно, что воспоминание затронуло Луку сильнее, чем он ожидал. Я отправила кексы в духовку и спросила:

— А это может быть безумец? Как считаешь?

— О, да! — усмехнулся Лука. — Она выступила против Саброры, это сразу видно, что это месть. А раз так, то да. Никем другим она быть не может.

Глава 5

Саброра действительно пришел меня встретить — вошел в зал, опустился за свободный столик, сняв шляпу, и я заметила, что он выглядит усталым. Лука, который уже собирался снимать кассу, предложил:

— Может быть, кофе?

Саброра посмотрел на него тем взглядом, за которым обычно следует предложение предъявить документы — пока еще предложение, а не приказ. Лука пожал плечами: нет, так нет. Витрина для десертов была пуста; когда я переделалась и вышла в зал, то Саброра поинтересовался:

— Смотрю, дела идут неплохо?

— Дела идут отлично, — я протянула ему коробку с ананасным тортом и на всякий случай постучала по столу, чтобы не сплзнуть. — Завтра будет манговый чизкейк, Марун привез просто потрясающие фрукты.

Девушки Марнахена обожали чизкейк — легкий, свежий, почти без вреда для фигуры. Да и готовить его было не то что бы сложно. К нам сегодня пришел вихрастый долговязый паренек по имени Сандро — Лука нанял его официантом, и я смела надеяться, что нам с ним станет легче с таким-то наплывом клиентов. Одним словом, дела ладились, и если бы не ведьма, то все было бы чудесно.

— Знаете, мой поставщик фруктов предположил, что такое колдовство свойственно детской магии, — сказала я, когда мы вышли на улицу. Саброра скептически посмотрел на меня. Хмыкнул.

— Твой поставщик это Марун ибн-Анвар, зарегистрированный ведьмак? — уточнил он и, когда я кивнула, презрительно процедил: — Ни один ребенок не создаст такого заклинания. Тут даже не все взрослые справятся.

— Да, мы тоже так подумали, — поддержала я. — Энцо, а это может быть душевнобольной? У сумасшедших есть своя магия?

Какое-то время мы шли молча. Сумерки, подсвеченные далеким золотом уходящего солнца, казались мягкими и уютными. Обычный летний вечер — люди гуляют по улицам приморского городка, где-то

вдалеке играет оркестр, и я подумала, что вчера Саброра привел меня посмотреть на танцующих золотых рыбок не просто так.

Он теперь видел во мне человека. Возможно, не понимал этого до конца — но видел. И я приносила ему десерты потому, что Саброра давно перестал быть для меня пугалом в окошке.

Мы оба были людьми. Пусть очень разными, пусть наша природа делала нас врагами — но мы оба шли к тому, чтобы искать сходства, а не различия. Возможно, за это надо было сказать спасибо ведьме, которая запечатала мою магию.

— Ряд ученых считает, что магия это и есть безумие, — ответил Саброра. Сейчас, в сумерках, с коробкой с тортом в руке, он выглядел не инквизитором, а обычным курортником, который весь год откладывал деньги, чтобы отдохнуть у теплого моря. — А психиатры по всему миру замечали, что их пациенты, которые не были ни ведьмами, ни инквизиторами, способны на некое искажение мира. Знаешь, как говорят: если работаешь с безумцами, то невольно нахватаешься их безумия.

— Никогда не встречалась с психиатрами, — призналась я. Саброра устало усмехнулся краем рта.

— Мой отец был уважаемым психиатром. Энрике Леонардо Саброра, доктор медицины. У него была своя клиника. Сейчас там другой директор, но она работает.

Чувство, которое шевельнулось у меня в груди, было похоже на дальний отблеск понимания. Мне казалось, что я стою, протянув руку, и истина приплясывает над моей ладонью, словно золотая рыбка. Вспомнился портрет, повернутый лицом к стене, и я спросила:

— Он не пытался лечить вас перед тем, как проклял?

Саброра остановился, и я прикусила язык, вспомнив, как он приказывал не задавать лишних вопросов. Сейчас он смотрел так, словно собирался надавать пощечин или надеть коробку с тортом мне на голову. В его глазах дымилась такая ярость, что я невольно сделала шаг назад. А за яростью плыла боль — настолько сильная, что мой страх сменился жалостью.

Мы снова пошли по улице. Саброра молчал, сжимая и разжимая в кулак правую руку — нет, я не хотела думать о том, что он собирался меня ударить.

— Мы, кажется, договорились, что одна несносная ведьма не станет задавать лишних вопросов, — процедил Саброра.

— Так он лечил вас? — не сдавалась я, наплевав на чувство самосохранения, которое орало во весь голос, приказывая мне заткнуться. — Когда вы обнаружили в себе свои способности?

Саброра не ответил, но я давно поняла, что отсутствие ответа это тоже ответ. Значит, отец лечил его. Пробовал изгнать из сына то, что делало его инквизитором — и, видно, допробовался до чего-то очень плохого. Мы вошли в ворота, прошли через сад, и Саброра устало опустился на скамейку. Постояв рядом, я тоже села — тогда он произнес:

— Ты читала что-нибудь о клиниках для душевнобольных?

Конечно, я читала. Иногда о них писали в газетах, как правило, с бравурными восклицаниями и восторженными рассказами о том, как обливание ледяной водой улучшает состояние пациентов.

— Читала, — ответила я и призналась: — Мне кажется, это жуткое место.

— Верно. Мой отец держал меня в своей клинике полгода.

Я ахнула. Зажала рот ладонью. У меня в голове не укладывалось: как отец мог запереть своего ребенка в таком месте? За что? Просто за то, что он родился тем, кем родился?

«А за что тебя преследовали и хотели отдать на корм свиньям? За что Луке жгли руку на медленном огне? — ожил внутренний голос. — Не за ваши дела. За вашу суть. Ты прекрасно это знаешь».

— Мне очень жаль, Энцо, — с искренней горечью прошептала я. Погладила Саброру по плечу — и он не отстранился, не оттолкнул меня. Кажется, сейчас ему хотелось говорить о том, что жило во тьме его прошлого — и я предложила: — Расскажите мне все. Вам будет легче, вот увидите.

Саброра устало усмехнулся.

— Мне уже никогда не будет легче, Эрна. Потому что есть слишком тяжелые увечья, которые никогда не залечиваются до конца, — он провел ладонями по лицу и вздохнул: — Он привез меня в клинику сразу же, как только стало ясно, кто я. Тогда мне было двенадцать, я с отличием закончил среднюю ступень в школе святого Маркуса и хотел идти в юридический класс. Знаешь, все это открылось совершенно неожиданно. Какая-то ведьма отвела глаза

покупательнице в мясной лавке и стянула ее кошелек, а я просто выбросил руку вперед, и она окаменела.

Я слушала его, не дыша. Боялась спугнуть эту странную исповедь — а это была именно исповедь, и мне хотелось надеяться, что потом Саброре станет хоть чуточку легче. Мне было жаль его — бесконечно жаль.

— Конечно, пришла полиция и инквизиция, меня все хвалили, и я был счастлив. Почему бы и не быть счастливым? Сделал важное дело, остановил преступницу. Вот только отец моей радости не разделил. Я помню его лицо — оно смялось, словно пластилиновое. Это был не гнев, не злость, это было что-то намного сильнее, — Саброра пощелкал пальцами, подбирая нужное слово. — Это было как разочарование. Я всегда был его радостью и гордостью, а оказался инквизитором.

Но он решил, что все еще можно исправить. Тогда психиатрия сделала огромный шаг вперед. Появились новые научные труды, были созданы новые лекарства, и отец решил, что сможет справиться. В тот год как раз вышла диссертация доктора Кассия Штрубе о том, что состояние ведьмы и инквизитора обуславливает патологическое изменение гипофиза, опухоль, которая появляется в мозгу — значит, если ее устранить, то ведьма уже не будет ведьмой, а инквизитор — инквизитором.

Меня привезли в клинику, и отец начал лечение. Сначала это было электричество, потом новейшие препараты... сейчас я понимаю, что он боялся. Он хотел меня исправить и боялся погубить. Не потому, что я был его сыном — потому что никто не дал бы ему другой объект для исследования. Один из его коллег, замечательный хирург, предложил операцию: удалить эту опухоль через нос.

— И что же ваш отец? — спросила я, уже зная, каким будет ответ. — Он согласился?

Саброра грустно рассмеялся.

— Конечно! Тогда он окончательно исправил бы меня. Отец перевез меня в другую клинику, и я смог оттуда сбежать в ночь перед операцией. Не хотелось, знаешь ли, сделаться идиотом и ходить под себя, тот хирург был отличным врачом, но я ему не верил, — Саброра сделал паузу и добавил: — Как я вообще мог кому-то верить, если мой отец бил меня током?

— Кто-нибудь мог за тебя заступиться? — спросила я, запоздало заметив, что перешла на «ты». Впрочем, какое уж тут может быть «вы», если человек доверяет мне настолько, что рассказывает настолько глубокие и личные вещи. — Мама, другие родственники? Друзья семьи?

— Мать умерла, рожая моего младшего брата... умерла вместе с ним. Особенных друзей у нас не было, да и то сказать — это были друзья моего отца, а не мои. Гвидо, конечно, горевал и переживал за меня, но отец просто рассыпал бы его, если бы он осмелился вмешаться.

Мне представился маленький мальчик, который в одиночестве бродил по комнатам и коридорам угрюмого старого дома — мальчик, которому не с кем было поговорить, которого некому было защитить. Сердце сжалось от сочувствия и тоски.

— И ты сбежал, — прошептала я. Саброра усмехнулся, но теперь в его усмешке было торжество. Я словно наяву увидела, как он прячется в огромном мусорном ящике среди отбросов и грязи — вот ящик вывозят за пределы клиники, мусорщик цепляет его крюком и волочет прочь: тогда Саброра поднимает крышку и выскальзывает на свободу.

— Да, сбежал. Пришел в полицию, рассказал все, как было, и добавил, что покончу с собой, если меня вернут отцу. Меня, конечно, вернули бы, но так совпало, что в тот момент в отделении отирался журналист, собирал материал для статьи... он все услышал и сказал, что статья обязательно будет, и в ней напишут и обо мне, и о работе в полиции. Так что меня отправили в приют, потом в школу инквизиции, так что к отцу я уже не возвращался. Потом отец прислал мне письмо с родительским проклятием. Я ему не ответил.

Когда он закончил рассказ, я неожиданно поняла, что стало совсем темно. На улице зажглась цепочка фонарей, кто-то из слуг заглянул в сад и, убедившись, что мы просто сидим на скамье, ушел обратно в дом. На душе было сухо, пусто и очень горько. Мне было жаль мальчика, которого изувечил единственный родной человек. Мне было невыносимо стыдно из-за того, что я почти заставила его рассказать мне об этом.

Но я хотела надеяться, что ему стало легче. Пусть хоть немного, но легче — теперь рядом с Сабророй был человек, с которым он смог

разделить свою боль.

— Как ты думаешь, может ли наша ведьма быть душевнобольной? — спросила я. — Может быть, твой отец ставил на ней эксперименты? И теперь она преследует тебя, чтобы отомстить?

Саброра одарил меня снисходительным взглядом. Посмотрел на коробку, тихо стоявшую рядом, так, словно только сейчас вспомнил о торте.

— Я не наводил справок о его исследованиях, — признался Саброра. — Я вообще ничего не хотел о нем знать.

— Знаешь, что? — сказала я. — Пожалуй, нам с тобой очень нужно сделать еще одну вещь перед чаепитием. Одну очень важную вещь.

Мы вошли в дом — в столовой накрывали поздний ужин, судя по запаху, рагу из кролика с овощами, Гвидо неторопливо поправлял одну из ламп, и я обратила внимание на небольшую лесенку, на которой он стоял. Когда дворецкий спустился и отряхнул руки, то я сказала:

— Гвидо, помогите нам, пожалуйста. Поможете?

Кажется, Саброра понял, что я хочу сделать — и меня радовало, что он даже не пробует сопротивляться. Он просто стоял, молчал и смотрел куда-то в свое прошлое: возможно, в тот день, когда вернулся в этот дом и подошел к портрету своего отца.

— Разумеется, госпожа Эрна, — Гвидо с достоинством улыбнулся. — Что нужно сделать?

— Снять тот портрет, — я указала на картину, повернутую лицом к стене. — В сад мы ее сами вытащим.

Гвидо с искренним удивлением посмотрел на хозяина дома. Саброра держался так, словно смотрел на какую-то ведьму, которая горела на костре — и ему нравилось то, что он видел. Дворецкий перевел взгляд на меня и спросил:

— Вам потребуется что-то еще?

— Жидкость для розжига, — решительно ответила я. — У вас есть?

— На кухне найдется.

Саброра стоял молча; когда Гвидо вернулся и, протянув мне темно-зеленую бутылку с вонючей жижой и картонную коробку с длинными каминными спичками, пошел к лесенке, то инквизитор произнес:

— Незачем вам туда лезть, Гвидо. Я должен сделать это сам.

Его слова согрели меня. Меньше всего я хотела, чтобы ему было плохо. Занозы, которые заставляют тело и душу гнить, нужно вырывать с корнем — и лучше поздно, чем никогда.

На всякий случай Гвидо сделал несколько шагов в сторону. Саброра забрался на лесенку, снял портрет с крючка и сбросил его на пол. Портрет перевернулся, и я увидела изображение седого мужчины с волевым суровым лицом и сжатыми в нить губами. Серые глаза смотрели так, словно собирались заглянуть в самые сокровенные уголки души. Надо же, а ведь кто-то шел к нему лечиться...

— Понесем? — спросила я. Саброра спустился и, махнув рукой, отправил в сторону картины облако искр. Портрет медленно поплыл к выходу — Энрике Леонардо Саброра смотрел так свирепо, словно надеялся остановить своего сына. Наверно, у него был именно такой взгляд, когда он привязывал двенадцатилетнего мальчика к операционному столу и пускал ток. Во мне вновь ожила злость.

Как можно делать такие вещи с собственным ребенком? Каким бессердечным мерзавцем нужно быть? И самое страшное — для всех остальных он был врачом, спасителем, другом. Ему верили.

— Почему он ненавидел инквизицию? — спросила я, когда мы вышли в сад. Портрет прогрохотал по ступеням, холст порвался, и отец Энцо лишился куска головы. Саброра улыбнулся — во мраке, мягко подсвеченном уличными фонарями, его улыбка была наполнена торжеством.

Он собирался победить свое прошлое — а для этого нужна сила духа, и у Саброры она была. Я поняла это в ту минуту, когда он спрыгнул с балкона, чтобы спасти меня от кабанов.

— Потому что его бабка была ведьмой, — сказал Саброра. Да, что-то в этом роде я и ожидала услышать. Неудивительно, что в его отце зародилась ненависть. — Злонамеренной, к сожалению. Ее сожгли... но отец любил ее всем сердцем. Она воспитывала его, делала для него все, что могла. У них было такое глубокое духовное родство. Знаешь, я пытался оправдать его. Говорил себе, что он испытал много горя, когда мою прабабку казнили. У него и правда словно отрезали часть тела. Но...

Он пинком отбросил разорванный портрет на дорожку и взял у меня бутылку с жидкостью для розжига.

— Но он был психиатром. Врачом, который мог себя исцелить, но не стал. Ему оказалось легче и приятнее пытаться своего сына.

Я понимающе кивнула. Это больно, это сложно, но мы можем спасти себя сами — для этого надо хотеть и действовать. У Энцо это получалось, и я надеялась, что будет получаться и дальше.

Плеснув жидкостью на портрет, он чиркнул спичкой и швырнул ее на холст. Послышался легкий хлопок, и картину охватило огнем. Сперва лепестки пламени были маленькими и робкими, но постепенно они набрались сил и принялись энергично пожирать портрет доктора Саброры. Горел темно-серый костюм, пламя облизывало щеки и тщательно выбритый подбородок, и в огне казалось, что губы мужчины на полотне кривятся, словно он хочет что-то сказать или пытается проклясть.

Напрасно. Теперь, когда Энцо чиркнул спичкой и поджег картину, все это было напрасно.

Я подошла к нему, взяла за руку. Он не отстранился, просто сжал мои пальцы и улыбнулся. Энцо смотрел, как горит портрет его отца, и я чувствовала, как его покидает все то темное и злое, что скопилось в душе. Хотелось верить, что он не будет относиться ко мне с безразличным презрением, которое раньше наполняло его, когда он встречал ведьму. Хотелось надеяться...

— Пусть горит, — негромко сказала я, и Энцо подхватил:

— Пусть.

Мы молчали. Портрет догорал. Последними исчезли глаза доктора Саброры — когда его взгляд погас, то я наконец-то почувствовала, что бывает, когда развеиваются по-настоящему злые чары. Энцо бросил россыпь искорок, и заклинание окончательно затушило остатки картины, а я улыбнулась:

— Ну вот. Теперь ты свободен.

— Свободен, — откликнулся Энцо и, спрятав руки в карманы, покачался с носков на пятки. — Ну что, давай это отметим? Где там был твой чудесный ананасный торт?

- Сандро, и где же ты плавал?

Некоторое время назад наш новый официант был настоящим моряком и, судя по татуировке в виде якоря и десяти звезд на правом запястье, побывал на Аранзонском архипелаге — в краю черной магии, где готовят кашу из муки, кукурузы и крови, и это может убить

человека на другой стороне планеты. Он казался, в общем-то, неплохим парнем, но, услышав мой вопрос, надулся и снисходительно сообщил:

— Вообще-то плавают рыбы и дерьмо, а моряки ходят.

— Ну да, ну да, — понимающе кивнула я, выставляя в витрину черничные кексы и суфле из питахайи в компанию к манговому чизкейку и банановым конфетам. С конфетами я провозилась все утро, но осталась довольна: они вышли роскошными, хоть сейчас королю на стол.

Ингредиентов там всего ничего. Вафли, какао, собственно бананы и грецкие орехи. Главная задача здесь — сделать шарики идеально ровными, а не как те пирожные «картошка», которые настолько сильно впечатлили меня в мой первый день в «Цапле». Лука уже заказал для меня и печать по шоколаду в виде перышка, и формочки, в которых конфеты будут получаться самыми круглыми, но все это добро еще не приехало, так что приходилось работать по старинке, руками в перчатках.

Каждую конфету украшала земляника и листок мяты. Я сперва подумала, что они перебьют вкус банана, но вышло как раз наоборот: все вкусы мягко оттеняли друг друга и было ясно: у жительниц и курортниц Марнахена теперь будет новая десертная любовь.

— Только почему-то говорят «капитан дальнего плавания», а не «капитан дальнего хождения», — с медовой улыбкой припечатала я, и Лука на кухне расхохотался так, что я испугалась: как бы не лопнул. Сандро выразительно завел глаза.

— Знала бы ты, сухопутная девчуля, что я повидал! — с мечтательным вздохом сообщил он, всем своим видом показывая, что мы, наземные простачки, и представить себе не можем тех чудес, которые стали для него обыденностью. — Вот, допустим, Сарандинский остров. Там у всех баб три груди! Две для рук, одна для губ... эх! Третью грудь им дает магия, это морок, конечно, но такой..!

Сандро прицокнул языком. Болтая, он не забывал делать дела: давно вымыл пол и окна, расставил стулья, набросил скатерти, разложил книжки меню. Мне нравилось смотреть, как он двигается: быстро, ловко, словно зал «Белой цапли» был корабельной палубой.

— Или еще, например, Кернаранский архипелаг, — продолжал Сандро, стирая невидимую пылинку с витрины. — Там каждый второй

бокоро или бокерина. И вот так случилось, что я подцепил какую-то дрянью, что полоскало меня с обеих сторон, всем на зависть. Корабельный доктор у нас был такой, что слава Богу, если голову с жопой не перепутает. Да еще, зараза такая, ром хлестал все время. Так вот, ребята сказали, надо звать бокора. Позвали. Он пришел, посмотрел на меня и сразу же принялся варить ру. Вы знаете, что такое ру.

— Нет, — ответил Лука. Он вышел из кухни и встал возле стойки, натурально заслушавшись. — Откуда же нам?

— Так вот, ру это такое варево из кукурузной муки и куриной крови. Бокор, конечно, туда еще порошков насыпал уйму, на тринадцатом я со счета сбился, и приказал мне все съесть. Мол, это порча — как я съем ру, так она из меня и выйдет. И вот хотите верьте, хотите нет, но когда я эту дрянью съел, то у меня так кишки закрутило, что ой. Вот просто кишка кишке колотит по башке. А потом вылезла крыса, и все прошло.

— Крыса? — в один голос спросили мы с Лукой. — Откуда же она выросла?

Сандро с усмешкой повернулся к нам спиной и мягко крутнул задом. Попа у него действительно была впечатляющая, там было, на что посмотреть, но я представила крысу и медленно сползла за витрину, давась хохотом.

— А как она туда попала? — удивился Лука.

— Говорю же тебе: порча. Я там одну мулаточку подцепил, такая девчуля, что держите меня семеро. Со всех сторон достоинства, и все рабочее. Ну вот, а у девчули была подружайка, что твой воздушный шар размером, она и позавидовала. Сходила к бокерине: мол, отомсти негодяю, который не оценил моей дивной красоты. Да я бы оценил! — Сандро проворно залез на стул, подправил лампу над стойкой, смахнул с нее пыль и спрыгнул с легкостью циркового артиста. — Но там столько жира, что не докопаться, как ни рой. Любая лопата сломается. Так что если бы не бокор, крыса бы меня съела, как есть съела.

— Ты только сделай милость, не рассказывай гостям ни про три сиськи, ни про крысу в заднице, — попросил Лука. — А то от нас весь народ разбежится.

Сандро нахмурился. Было видно, что он привык поболтать, никак себя не ограничивая.

— А про что ж тогда... А про безумную русалку можно?

— Это что еще такое? — спросила я, уцепившись за слово «безумная».

— А это одна барышня из благородного семейства влюбилась в капитана. Он тоже не дурак был насчет денег, присел ей на уши: мол, люблю, люблю, бригантину куплю. Она с ним и сбежала, только родителям телеграмму отбила: присылайте мою часть наследства, я теперь законная жена. Хотя какая там законная жена? Это на Харандоре свадебное шоу показывают: стоят три алкаша, якобы священники древнего народа, и как будто венчают под тысячелетним дубом. Ну, конечно, лепестками роз посыплют, красиво, но это такое же венчание, как я директор банка. Родители ей, разумеется, скрутили шиш насчет денег: мол, если ты законная жена, то пусть муж и поворачивается, мы-то здесь при чем? А муж как раз на денежки рассчитывал, а раз их нет, то и проваливай подобру-поздорову. Как она поняла, что никакой любви там и близко нету, то бросилась с корабля и потонула.

На этом месте истории Сандро прикрутил что-то в стойке, чтобы не качалась.

— И все бы ничего, да только с тех пор возле Харандора видят русалку. Плывет она рядом с кораблями, выпрыгивает из воды и заглядывает в иллюминаторы. Ясное дело, высматривает своего капитана, а как высмотрит, сразу же схватит и утопит. И вот это совсем не брехня, я сам ее видел. Бледная, волосы по воде стелются, а как заплачет, то на душе так делается, словно кошки нагадили.

Звякнул колокольчик на двери: пришел посыльный — он внес в «Цаплю» такой букет цветов, который, наверно был размером с барышню, что прокляла Сандро и посадила ему крысу.

— Это для госпожи Эрны Уиллоу! — заявил посыльный, со вздохом положил букет на стойку и вынул свой блокнот с карандашом. — Есть такая?

— Есть, — я расписалась в блокноте напротив своей фамилии и замороженно взяла букет. От роз шел тонкий аромат, нежный и очень грустный, белые лепестки в тугих бутонах покрывали капельки воды. Мне никто никогда не дарил цветов, тем более, настолько красивых, и на душе у меня сделалось...

Я не знала, как это описать. Мне хотелось взлететь.

— От кого это? — любопытствовал Лука. — Карточки вроде нету.

— Не надо карточки, — я вдруг поняла, что улыбаюсь во весь рот. — Я и так знаю, от кого они.

Вечером Энцо снова пришел меня встретить. К этому времени я уже знала, что ведьма пока не попала в ловушку — городские сплетницы болтали об этом целый день, на все лады перемывая косточки полиции и нарочито испуганно прикладывая руки к груди: что же делать, в городе орудует чудовищный преступник! Но, разумеется, никто из туристов не стал отказываться от места в гостинице и уезжать домой: для всех это было особенным развлечением, номером в представлении, и я готова была поклясться: скоро разносчики сувениров будут предлагать на своих лотках календарики и значки с ведьмой.

— Спасибо за букет, — с улыбкой сказала я, когда мы неторопливо побрели по улице. — Я оставила его в «Цапле», ты не против?

— Он твой. Оставляй, где хочешь.

— Я провожу там больше всего времени, — объяснила я. Сейчас, после того, как от портрета остались обгорелые ошметки холста, Энцо, кажется, выглядел моложе и свежее. Он сбросил с плеч тяжелый груз, который тащил с детства, и я была этому искренне рада.

— Решил, что надо тебя как-то отблагодарить, — усмехнулся Энцо. — Но я, честно говоря, не знаю, что надо дарить барышням. Не приходилось.

Я понимающе кивнула. Инквизиторы редко заводят семьи — принято считать, что рабочие повадки они приносят домой, а кто в здравом уме отважится связать свою жизнь с истязателем? Кажется, впервые я подумала о том, что им тоже несладко. Вроде бы ты живешь по закону, делаешь важные и нужные для общества дела, все тебе кланяются, жмут руки и зовут в гости, как бургомистр Ханибрука, но вот ты возвращаешься домой и остаешься в одиночестве.

Ведьмам было проще. Ведьма могла найти себе мужа — пусть редко, но могла.

— Букет прекрасный, — сказала я. — Как идет расследование?

— Пока ловушки не сработали. Видимо, она поняла, что мы делаем, и затаилась где-нибудь. Завтра начнем движение, затайдем

петлю.

Его лицо вдруг сделалось острым и хищным — это было мгновенное движение, которое сразу же растаяло, но я увидела его и напомнила себе: не расслабляться. Рядом со мной тигр-людоед. Да, он подпустил меня совсем близко, он открыл мне то, что еще никому не открывал, но не стоит обольщаться его дружбой. Она может закончиться в любой момент, так что надо быть настороже.

— А ты не делал запрос в отцовскую клинику? — спросила я. — Может, он лечил кого-то из ведьм? Ну не то, что лечил — ставил свои опыты...

Я тотчас же пожалела о том, что сказала: в глазах Энцо заплескался огонь, но когда инквизитор заговорил, его голос звучал вполне спокойно.

— Да, я отправил официальное письмо. Теперь вот жду, что ответят.

Какое-то время мы шли молча — на перекрестке Энцо двинулся в другую сторону, и я послушно направилась за ним. Вскоре мы вышли к небольшому парку, и Энцо, указав на одно из деревьев, произнес:

— Это моя счастливая магнолия. Всегда сидел под ней в детстве.

Несмотря на поздний вечер, в парке гулял народ. Люди сидели на скамеечках, мороженщики возили свои красно-белые тележки с лакомым товаром, откуда-то летела музыка — играл оркестр, и наверняка были танцы. В сиренево-золотых сумерках люди казались привидениями, но не страшными и пугающими, а милыми. На наше счастье освободилась скамья под счастливой магнолией — мужчина повел свою барышню по аллее, и мы смогли сесть.

— Наконец-то я сижу, — с облегчением вздохнула я. — Весь день на ногах...

— Устала? — спросил Энцо. Я кивнула.

— Договорилась с Лукой, что послезавтра у меня выходной. Забью холодильник тортами и бланманже и весь день буду спать.

Энцо вопросительно поднял бровь.

— Бланманже? Что это?

— О, это очень вкусно! — улыбнулась я. — Это такой творожный десерт с фруктами. Сметают, едва я выставляю его в витрину.

— Вижу, ты любишь готовить, — сказал Энцо. Здесь, в парке, под счастливым деревом, он вдруг будто бы избавился от той свирепой

жесткости, которую давала ему его природа. Вот сидит просто человек, отдыхает после рабочего дня, ему хорошо с миром, а миру очень даже неплохо с ним.

— Очень люблю, — призналась я. — Может, это странно прозвучит, но десерты это мой способ сказать жизни, что я ее люблю.

— Любишь?

— Да, несмотря ни на что. Знаешь, у меня было много всякого. Часть со свиньями ты видел. Но все равно это хорошо и... прекрасно.

Наверно, мой нестигаемый оптимизм как раз и был тем, что позволяло мне идти дальше и не терять уверенности в том, что однажды я все-таки окажусь там, где меня не будут ненавидеть просто за то, что я та, кто есть. И да, еще десерты. Обязательно десерты.

— А без десертов мир был бы не такой вкусный, — закончила я. Двое джентльменов, важно шагавших по аллее, раскланялись с Энцо; когда они прошли, то он объяснил:

— Знаешь, я сейчас вдруг подумал, что мы обложили ведьму. Мы постепенно затянем петлю. И у нее есть лишь один путь — не прятаться в норе, а нападать самой.

Его лицо вдруг странно дрогнуло — черты сделались текучими и мягкими, словно вылепленными из воска. Скользнула в сторону улыбка, растянутая невидимыми пальцами и, задыхаясь от ужаса, я увидела под маской совсем другое лицо: бледное, сухое, жесткое. Ведьма смотрела на меня, и мне хотелось окаменеть под ее взглядом.

— Но нападать неразумно, — ведьма оскалилась и легонько процокала ногтями по моей ключице, вычерчивая руны вечной покорности. — Лучше взять заложника и сбежать с ним. Правда?

Она содрогнулась, окончательно сметая с себя облик Энцо Саброры, и вскинулась серой тенью до небес.

— Без обид, ладно? — услышала я. — Ты правда очень вкусно готовишь. Но мне надо уйти отсюда.

Последним, что я судорожно подумала перед тем, как рухнуть без сознания, было: «Энцо! Она убила его...»

А потом стало темно.

«Как же ты смогла обойти ловушки?»

Во тьме рассыпался смех. Тьма окутывала меня мягкими волнами, куда-то влекла, и это было похоже на легкую колыбель: я совсем

маленькая лежу в ней, и меня обнимает почти забытое материнское тепло.

«Смогла, да, смогла. Я умнее, чем вы все думаете. И сильнее. Просто запечатала свою магию так, что ловушки ничего не заметили. Никто ничего не заметил, да-да-да!»

Так, кажется, она любит поговорить. Похвастаться своими подвигами. Тепло колыбели ласкало меня, почти растворяя, но я вдруг поняла: это не материнские руки, это смерть, и в моем случае она будет ужасной, если я не найду способ сопротивляться.

Что ж, раз она такая любительница поболтать и похвалиться, то попробую сыграть на этом.

«А как ты запечатала мою магию? Я о таком и не слышала».

Тьма легонько качнула меня. Теперь в ней была сладость меда, которая проникала, кажется, в каждую клеточку моего тела. Откуда-то издалека приплыл мелодичный звон, и я узнала колыбельную. Идет кот по лавочке, несет сон на палочке, а я серому коту за работу заплачу...

Не спать! Только не спать!

«Ну еще бы ты о таком слышала. Я сама это придумала. Сама, да-да-да!»

Это было плохо. Совсем. Ведьмы, как правило, используют те заклинания, которые пришли из глубины веков — если она оказалась способна создать собственное, тем более, такой силы, то мне было страшно даже вообразить, насколько она могущественна.

Хоть бы Энцо был жив. Она приняла его облик, но...

Стоило мне вспомнить про Саброру, как колыбель мрака дернулась и закрутилась, словно невидимая рука оттолкнула ее от себя. Сквозь сухое ватное тепло пробились ледяные струйки.

«Но зачем? — не отставала я. Ведьма пока не собиралась меня убивать, значит, надо было попытаться узнать побольше. — Зачем ты меня запечатала?»

«Хотела проверить, как оно работает. Ловко, правда? Прикроешься им и идешь, куда хочешь, хоть к королю. Ни один инквизиторский патруль тебя не остановит, ни одна проверка. А в нужный момент сбросишь вуаль и сделаешь дело».

Мне вспомнилась история со взрывом поезда в прошлом году. Террористы подложили бомбу в чемодан одного из пассажиров —

вагоны разметало, как игрушечные, а вскоре в Министерство внутренних дел пришло письмо: немедленно выпустите из тюрем наших товарищей, или такие взрывы будут каждый день.

Да, ведьма такой силы может наворотить дел похлеще любых террористов.

«А куда ты хочешь пойти?»

«Все-то тебе скажи!» — тьма рассыпалась смехом, и в ней проступило женское лицо. Трудно было решить, сколько ведьме лет: может, тридцать, а может, и все девяносто. Но мы не ошиблись, когда думали, что она скорбна разумом — в каждой морщинке, в каждой черточке ее нервного подвижного лица я чувствовала душевную болезнь.

И я знала, чье лицо смотрело из-за этой болезни. То самое, которое вчера было на портрете, который сжег Энцо.

«Энрике Леонардо Саброра, — отчетливо проговорила я, и меня закрутило во мраке — так ребенок отбрасывает от себя надоевшую игрушку. — Если он работал над терапией инквизиторов, то мог придумать такую же терапию для ведьм. Излечить всех! Чтобы не было больше ни ведьм, ни тех, кто набрасывает петлю им на шею».

«Заткнись! — прогрехотала тьма. — Завали свой рот, гадина!»

Значит, это точно был доктор Саброра. Я постаралась успокоиться и выровнять дыхание — видит Бог, это оказалось сложно, все во мне дрожало от ужаса. Я прекрасно понимала, что ведьма может перестать со мной церемониться, и тогда Энцо, если он еще жив, получит мои кусочки, аккуратно упакованные в коробку.

«Он ставил на тебе опыты, — медленно проговорила я. — Он тебя пытал. Он, возможно, понял свои ошибки, нанял команду опытных хирургов... Как тебя оперировали? Через нос?»

Я сжалась и замерла, понимая, что сейчас она ударит. Однако ведьма не ударила. Тьма медленно пульсировала, словно ждала ответа. Далеко-далеко мелькнуло едва различимое лицо ведьмы.

«Саброра умер, — сказала я и торопливо взмолилась: не Энцо Саброра, пожалуйста, только не Энцо! — Но его клиника до сих пор работает. И там по-прежнему делают то, что называют терапией ведьм. Хотят заработать премии и звания на чужой крови».

Мне сделалось горько. Бесконечно горько. Никто и слова не сказал бы тамошним мозгоправам — кромсают ведьм, ну и пусть себе

кромсают, чем меньше этих гадин, тем лучше. А изуверы в зеленых халатах будут рассказывать о том, что работают над делом государственной важности и спасают человечество. Возможно, в их воспаленном воображении плавала картина идеального мира, в котором нет ни ведьм, ни инквизиторов — только обычные люди, и они держатся за руки и поют хвалебные гимны.

«Заткнись, — хрипло выдохнула тьма, но я услышала уже не приказ, а мольбу. — Заткнись, гадина. Подстилка инквизиторская».

«Тебе нужна помощь, — твердо сказала я. — Тем ведьмам, которые все еще в клинике, тоже нужна помощь. Пожалуйста, отпусти меня. Мы их остановим вместе, но ты должна меня отпустить».

Конечно, я ничего не могла гарантировать, кроме того, что после паруса в Ханибруке, который убил пятнадцать человек, ведьму ждет костер. И она это тоже понимала: во тьме рассыпался издевательский смех, и воцарилась густая тишина.

«Эй! — окликнула я. — Ты еще здесь?»

Ответа не было — но сквозь тьму вдруг донесся далекий отзвук: придя из тех краев, где есть солнце, море и люди, он прошелестел во мраке, и я услышала:

«Эрна! Если ты жива, замри!»

Кажется, я даже дышать перестала. Застыла, залипла во тьме, словно в желе — вот еще бы остановить ту дрожь, которая сейчас меня колотила, и было бы совсем хорошо, но я не могла успокоиться. Так страшно мне не было даже тогда, когда ко мне бежали те свиньи. Я не разобрала, кому принадлежал этот голос, и хотела надеяться, что это все-таки был Энцо. Что он выжил, что ведьма лишь ранила его, а не убила.

Надо же, совсем недавно он входил в «Черничную ведьму» в Ханибруке, и я тряслась от ужаса и ненависти. А теперь — теперь все изменилось. Все стало другим.

По тьме будто бы прошла волна. Меня качнуло, подняло и швырнуло так, что на какое-то мгновение я лишилась чувств — конечно, если это вообще возможно в таком мраке. Опомившись, я увидела, как далеко впереди из мрака соткалось лицо ведьмы — та карикатурная физиономия с длинным подбородком и крючковатым носом с бородавкой, которую рисуют в детских книжках. Ведьма

издала мерзкий холодный смех, но я чувствовала, что она не торжествует, а пытается спрятать свой страх.

Она поняла, что проигрывает, и мне вдруг стало жаль ее. Невероятно, до слез жаль.

Очередная волна подхватила меня, перебросила и потянула вверх. Мрак наполнился светом, который мог испепелить меня дотла, и я вдруг с ужасом поняла: да это же Гексенхаммер! Вот, значит, как он бьет, когда...

Меня ударило. Резко, жестоко, почти выбивая жизнь. В ладони уткнулись камни и трава, длинные крылья тьмы прокатили меня по земле, и я влетела во что-то твердое, кажется, в ствол дерева, и почти задохнулась от боли в животе. Мелькнула смешная и нелепая мысль, что это та самая счастливая магнолия Энцо Саброры... хотя ведьма могла и соврать мне.

Не забыть бы, что я смогла узнать от нее. Только бы не забыть...

— Заложница! — услышала я энергичный мужской голос. — Внимание, здесь заложница!

— Жива! Она жива!

Я окончательно очнулась и поняла, что лежу на земле. Высоко надо мной кружилось желтое солнце фонаря, мягко озаряя плотную зелень деревьев, воздух пах цветами и морем, вокруг царил бархатная тьма южной ночи, но эта тьма не ранила — она была живой.

А там, куда меня привела та ведьма, была лишь смерть. Та, через которую ее проволочек Энрике Саброра и его подручные.

— Эрна! — Господи, это действительно Энцо, это его голос! Мою голову аккуратно приподняли, опустили на чьи-то колени, и в вышине я увидела его лицо. На лбу Энцо красовалась здоровенная ссадина, украшенная нашлепкой лечебного пластыря, но та сила и злость, которые сейчас плескались в нем, придавали ему исключительно здоровый вид.

Он был жив. Ведьма не убила его, как несчастного Томаса Сандерсона — лишь ранила, позаимствовала внешность и отправилась брать меня в заложницы.

— Как ты, Эрна? — спросил Энцо, осторожно прикоснувшись к моему лицу. Надо мной склонились сразу двое мужчин в зеленых врачебных халатах, принялись осматривать и ощупывать. Откуда-то

справа доносились взволнованные голоса, в которых звучал азарт. Наверно, зеваки, они собираются везде и в любое время дня и ночи.

— Хорошо. Все хорошо, — выдохнула я. — Энцо, я так за тебя испугалась.

Признание сорвалось с губ и удивило не только инквизитора, но и меня саму. Я никогда бы и представить не могла, что буду искренне переживать за такого человека, как Энцо Саброра — а он наверняка не думал, что станет волноваться за ведьму.

Но мы теперь были не ведьмой и инквизитором. Мы наконец-то стали друг для друга людьми — хорошими людьми! — и это было самым главным. Это давало надежду.

— Она меня оглушила, — ответил Энцо. — Забрала мой облик, потом взяла тебя в заложницы. Требовала свободного выхода из Марнахена. И знаешь, что еще?

— Она бы и так смогла выйти, — прошептала я. Руку возле локтевого сгиба клюнул шприц, и я почти сразу же почувствовала сонливость. Спать, спать, тебе надо отдохнуть, мягко говорил чей-то голос, и веки делались тяжелыми, а тело неповоротливым. — Она прошла мимо ловушек, запечатав свою магию.

Я погрузилась в сон, но каким-то образом слышала, что говорил Энцо: мне снилось, что я плыву в теплой морской воде, в синеве, пронизанной ласковым солнцем, а он скользил со мной рядом сиреневым дельфином, и его голос звучал у меня в голове:

— Она хотела, чтобы клиника моего отца была немедленно закрыта, больные распущены по домам, а персонал отдан под суд. Она сказала, что там уже много лет ведутся исследования мозга ведьм. Что ведьм там пытаются, желая лишить их ведьмовства. Представляешь, Эрна? То, что мой отец хотел сделать со мной, он продолжил в своей клинике!

— Я знаю! — откликнулась я. Сейчас я тоже была дельфином, и мы с Энцо плыли рядом, и море было нашим настоящим домом. Этот сон был пропитан такой нежностью и теплом, что мне не хотелось просыпаться. — Ей нужна помощь, Энцо! И ей, и всем ведьмам, которые сейчас находятся в клинике.

Дальше мы плыли молча. Просто плыли рядом, и во сне мы были дельфинами, а наяву я чувствовала, что Энцо Саброра держит меня за руку — и это прикосновение согревало меня тем неподдельным

теплом, которое соединяет настоящих друзей и кого-то больше, чем просто друзья.

— А что с ведьмой? — спросила я, перед тем, как мы-дельфины ушли на глубину.

— Убита, — откликнулся Энцо. — Гексенхаммер. Не было другого выхода, она собиралась расправиться с тобой. И я ударил.

Глава 6

— Энцо, дружище, это потрясающе! Вот что значит истинный профессионализм! Сразу видно столичного специалиста!

Голос Торигроссо грохотал где-то над моей головой. Полицмейстер был счастлив до глубины души и не скрывал своего счастья — я прекрасно его понимала. На его месте я бы сейчас тоже скакала от радости.

— Серийная преступница выявлена и устранена в кратчайшие сроки! — я почти видела, как он загибает пальцы. — Никаких потерь при задержании. Заложница жива. Это орден святого Георгия как минимум.

Я открыла глаза. Торигроссо действительно был в моей комнате: ходил туда-сюда и в самом деле загибал пальцы. Увидев, что я смотрю на него, он тотчас же прижал палец к губам, словно сожалел о том, что разбудил меня, и негромко спросил:

— Помешал, да? Простите, Эрна, разошелся от радости. Как самочувствие?

Я покосилась вправо — к моей кровати было придвинуто большое кресло, и, судя по виду сидевшего в нем Энцо, он провел здесь ночь — а сейчас было утро, комнату заполняли веселые солнечные лучи, и какая-то птичка энергично пицала на ветке: вставай, поднимайся, а то пропустишь этот удивительный день! Мне сделалось очень спокойно и тепло; улыбнувшись, я ответила:

— Намного лучше, чем вчера. Здравствуйте, господин полицмейстер.

Энцо провел ладонью по лицу. Сделал глоток из чашки кофе, которая стояла на подлокотнике кресла, и произнес:

— Теперь надо определиться с тем, что мы делаем с клиникой моего отца.

Торигроссо только руками развел. Похоже, эта фраза вогнала его в некоторый ступор: полицмейстер выглядел удивленным до глубины души.

— А что там делать? В клинике работают ученые с мировым именем. Лечат скорбных разумом с помощью новейших технологий.

Чинция Фальконе оттуда сбежала, наворотила дел по всему королевству, но они-то в этом точно не виноваты. Такая хитрая тварь в игольное ушко пролезла бы!

Значит, ее звали Чинция Фальконе. Я вдруг ощутила мгновенный прилив жалости. Да, я знала, что ведьма убила шестнадцать человек и хотела убить еще больше, но мне все равно было жаль ее.

Ее изувечили. Ее пытали и мучили. Может быть, до этого она не хотела никого убивать, но потом ее разум окончательно помрачился. И она стала мстить — в первую очередь, Энцо, сыну Энрике Леонардо Саброры.

— Она говорила, что там много лет ведутся исследования мозга ведьм, — повторил Энцо то, что я слышала от него в своем сне. Получается, это был не совсем сон. — Эти ваши крупные ученые с мировым именем ищут способ избавить ведьм от ведьмовства.

Торигроссо хлопнул в ладоши. Его лицо покраснелось.

— Ну так и замечательно же! Отлично! Когда они его найдут, этот способ, то больше не будет никаких ведьм. Вы же профессионал, вы же сами понимаете, Энцо, от какого головняка мы все сразу избавимся. Мир наконец-то будет жить спокойно. Да даже если их там и пытаются, ну так и что? Вон госпожа Уиллоу сидит, законов не нарушает, так ее никто и не трогает. Значит, заслужили. Значит, не за голубые глаза туда попали.

Я вспомнила, как меня вывели на площадь Ханибрука и выпустили свиней. Воспоминание прошлось морозным порывом ветра по спине — я ведь не нарушала законов. Я ни в чем не была виновата, и Энцо это подтвердил. Но людям надо было выплеснуть свой гнев и кого-то наказать — вот они и выбрали меня, ведьму.

— Мне сегодня утром прислали выписку из клиники, — продолжал Торигроссо. — Эта Фальконе убила своего мужа, якобы он от нее загулял, она его приворожила покрепче, а у бедолаги сердце не выдержало. Что, скажете, надо было ее отпустить?

Энцо вздохнул. У полицмейстера было решительное настроение: если бы он мог, то взял бы в руки Гексенхаммер и отправился убивать ведьм. За ним была сила всей государственной машины, он осознавал свою правоту, и инстинкт самосохранения подсказал мне: не надо с ним спорить. Ни в коем случае не надо, это ничем хорошим не кончится.

Но я не вытерпела и все-таки сказала:

— Она развернула парус в Ханибруке и убила пятнадцать человек. Подняла чудовище на пляже. Убила Томаса Сандерсона. Я клянусь вам, что Чинция Фальконе не была убийцей — но ее заточили в клинику, пытали и сделали из нее монстра. Лишили рассудка. Скольких еще ведъм там сейчас терзают? Вынимают мозг через ноздри? И сколько еще сбежит?

Торигроссо поджал губы. Ему не нравилось, что я сопротивляюсь — но пока он не хотел спорить с женщиной, которая сражалась с тьмой из моря на пляже. Пока еще я была героиней в Марнахене.

Пока еще.

Некоторое время полицмейстер молчал. Энцо тоже не говорил ни слова — а я запоздало поняла, что сейчас выступила в защиту серийной убийцы, и Торигроссо этого не забудет. Наконец, Энцо произнес:

— Андреа, вы понимаете: однажды это все может рвануть так, что Чинция Фальконе всем покажется легкой разминкой. У вас под боком зреет что-то очень страшное, и я не хотел бы...

Торигроссо со вздохом запустил пятерню в волосы, нервно дернул.

— Да и я бы не хотел! Я и сам знаю: раз одна сбежала, то и другие могут. Но что делать? Клинику закрыть нам никто не даст. Мало ли, что там говорила эта Фальконе? Инспекцию в клинике проводили весной, все у них отлично, ни единого замечания. Вести там исследования на государственных преступниках официально разрешено, бумаги я видел. Проводить обыски в клинике можно только с санкции окружного прокурора, а он тот еще хмырь. Что вы предлагаете?

Энцо вздохнул. Устало откинулся на спинку кресла.

— Я, конечно, этого не хочу. Но мне придется принять наследство моего отца.

Ровно в восемь утра в гости пришли Лука и Сандро. Лука держался скованно — наверно, в первый раз приходил в дом к инквизитору. Зато Сандро выглядел так, словно завернул к любимому родственнику, и балагурил, не умолкая; когда Энцо помогал мне спускаться на первый этаж, я слышала из гостиной:

— На Левенинском полуострове, конечно, красавицы, но таких, как вы, милая барышня, я даже там не встречал. Признавайтесь, ну-ка: ваши родители были пираты?

Служанка кокетливо хихикнула:

— Да что ж вы, право, какие пираты, откуда? Скажете тоже!

— А тогда где они взяли такое сокровище?

Кокетливый смех сделался еще громче. Старая глупая шутка барышне понравилась.

— Ах, нахал! — томно сказала она. — Любите вы болтать, как я погляжу!

— Да я не только болтаю, я себя еще и в деле покажу. Когда у вас будет свободная минутка?

Мы спустились в гостиную и, увидев хозяина дома, служанка быстро подалась в сторону кухни. Лука и Сандро шагнули ко мне, и хозяин «Белой цапли» спросил:

— Ну как ты, Эрна? Как самочувствие?

Сандро протянул мне букет ромашек и корзину фруктов: Марун расстарался, отобрал самые лучшие ананасы и манго.

— Постараюсь выздороветь поскорее, — ответила я. В ногах пульсировала предательская слабость и, чем дольше я стояла, тем сильнее ныло у меня в голове. Энцо добавил:

— Ее задело отдачей от Гексенхаммера.

Взгляд Луки потемнел. Наверно, он вспомнил, как его испытывали огнем. Но, когда он заговорил, его голос звучал спокойно и с искренним сочувствием:

— Мне очень жаль, Эрна. Надолго мы без тебя?

Я пожалала плечами. Вроде бы сейчас я прошла немного, но сил почти не осталось. Даже если я доберусь до «Белой цапли», то не выдержу там целый рабочий день. Лука понимал, что если я разболеюсь, то заведение придется закрывать: никто из гостей не будет ждать, когда повариха встанет на ноги.

— Не знаю. Правда не знаю.

Лука хмуро кивнул: что тут поделаешь, не тащить же меня на работу волоком? В конце концов, таких заведений, как «Цапля» — пучок на пяточок, всегда найдется то, где я смогу работать. А здоровье у меня одно, и его надо беречь.

Я понимала, как сейчас грустно и больно Луке: он успел обрадоваться тому, что «Цапля» останется на плаву, но теперь от радости ничего не осталось.

Однако Энцо вдруг улыбнулся и сказал:

— Я знаю, что с этим можно сделать. Фрукты привезете?

Лука удивленно посмотрел на него.

— Привезем, конечно, но...

— Тогда моя кухня и слуги в твоём распоряжении, Эрна, — произнес Саброра. — Сядешь поудобнее, будешь ими командовать. Если надо, тебе туда даже диван принесут.

Некоторое время Лука молчал, пытаясь переварить услышанное и понять, что сейчас инквизитор предложил помощь ему, ведьмаку. Это было в самом деле невероятно; я с благодарностью посмотрела на Энцо и подумала, что он меняется.

Он медленно, но верно учился видеть людей в тех, в ком раньше замечал только тьму. И я знала, что эти люди ответят ему благодарностью и искренним теплом. Да, ему еще пока было трудно и неуютно — но он делал один маленький шаг за другим.

А когда он дойдет до конца дороги, то маленький мальчик, которого истязал собственный отец, наконец-то исцелит свое сердце до конца.

— С ума сойти, — сказал Сандро. — Много я чего повидал, но чтобы инквизитор помогал ведьмаку — это, вот честно вам говорю, впервые.

— Не ведьмаку, — нарочито безразлично ответил Энцо, и Сандро счел за лучшее больше ничего не говорить. — Человеку. Максим Вайн был прав, у нас, в конце концов, правовое государство.

Сандро похлопал в ладоши.

— А раз так, то нечего время терять. Лука, пошли: нам сюда еще продукты надо привезти.

Когда они вышли из дома, то я окончательно лишилась сил. Гостиная казалась мне цветными картинками, которые плыли по кругу — но Энцо уложил меня на диване, распорядился, чтобы на кухню перенесли софу, и все ожило, закутилось, занялось делами. Это было весело, по-настоящему весело.

— Как ты? — спросил Энцо, когда служанка принесла поднос с лекарствами и водой. — Готова к готовке?

— Готова, — ответила я. — И спасибо тебе огромное, что ты это предложил.

Энцо старательно принялся смотреть в сторону, словно хотел сказать: ну ладно вам, это все совершенные пустяки — но мы оба знали, насколько все это важно.

Лука и Сандро вернулись через час: к этому времени на кухне все было приготовлено для того, чтобы я могла руководить процессом. Глядя, как я сижу на софе, поставленной вместо одного из столов, Сандро невольно рассмеялся:

— Ну прямо капитан в рубке!

Первым делом я оценила фрукты: золотые ананасы, питахайю, манго и киви. Все спелое, источающее свежий удивительный аромат — сегодня десерты будут такими, что пальчики не просто оближешь, а по локоть отгрызешь. У меня даже голова сладко заныла — так захотелось готовить. Я похлопала в ладоши, привлекая внимание, и, когда слуги обернулись ко мне, и правда почувствовала себя капитаном на корабле.

— Итак! — сказала я. Энцо стоял в дверях, и я посмотрела в его сторону с искренним теплом и признательностью. — Сегодня мы готовим черничные кексы, пирог с ананасом и горьким шоколадом, кексы со страстогадником и дыней и шоколадный мусс с питахайей!

Кто-то из слуг мечтательно проговорил:

— Я ж тут слюнями захлебнусь от такого чуда...

Все рассмеялись, и я добавила:

— Готовить придется много, сегодня в «Белой цапле» наплыв клиентов. За дело!

Готовить пришлось до полудня: когда из плиты извлекли кексы, которые так и дышали сладостью и теплом, я окончательно лишилась сил, пусть и лежала на диване со всеми удобствами. Лука и Сандро забрали приготовленное, и хозяин «Белой цапли» сказал:

— Что ж, хочется верить, что мы все-таки не разоримся, — и мне понравилось это «мы».

— Мне надо отдохнуть, и вам тоже, — сообщила я, обращаясь к слугам. — После обеда возьмемся за чизкейки и десерты с карамболой — это уже пойдет на завтра.

Когда коробки со сладостями вынесли из дома, а Гвидо с недовольным видом вернулся из ресторана, где забирал заказанный

обед, Энцо помог мне добраться до спальни — укладываясь на кровать, я призналась:

— Чувствую себя выжатым лимоном. Спасибо тебе огромное.

— За то, что выжал лимон? — усмехнулся Энцо. Я махнула на него рукой.

— Ну тебя. За то, что предложил помощь. Это очень важно.

— Для меня тоже, — сказал Энцо и протянул мне таблетницу и стакан воды. — Выпей и вздремни, тебе надо прийти в себя.

Оказывается, командовать тоже трудно. Я, кажется, впервые поняла, за что начальникам платят намного больше, чем подчиненным — за то, что они способны все организовать и ничего не упустить из виду. Слуги Энцо делали все так, как я говорила, но они не были профессиональными кулинарами, и в какие-то моменты нам всем приходилось сложно.

Но мы справились. Сейчас усталость наполняла меня, но я чувствовала себя счастливой, словно ребенок перед новогодней елкой, который получил такие подарки, о которых даже не мечтал.

— Спать я точно не смогу, — призналась я. — Что мы будем делать дальше, Энцо? Ты говорил, что планируешь принять наследство своего отца...

Энцо кивнул — по его лицу скользнула тень. Было видно, что ему становится не по себе, когда он начинает думать о клинике, в которой отец когда-то бил его током и собирался вырезать кусочки мозга — но и не думать об этом было нельзя. Не потому, что он стал видеть в ведьмах людей, не потому, что наше королевство было правовым государством — а просто потому, что если в мире есть зло, то с ним нужно бороться.

Он не умел поступать по-другому.

— Я уже написал в клинику, — сообщил Энцо. — Довел до директора желание занять место моего отца в управляющем совете, как его единственный наследник я имею на это полное право. Вряд ли это, конечно, понравится тем, кто там заправляет.

— Да, новый человек это зачастую проблемы, — согласилась я. — Хотя бы потому, что нужно вводить его в курс дела и всех интриг. И еще потому, что ты инквизитор, которого отец хотел избавить от способностей.

Энцо кивнул, и я почему-то подумала: ему нравится все это. Не просто опасное приключение — долг, который он всегда стремился выполнять.

— Для всех я по-прежнему отставной инквизитор, который просто пришел на помощь своим коллегам в Марнахене, — Энцо поднялся и прошел по комнате туда-сюда: было видно, что он взволнован. Мы очистили рану в его душе от гноя и грязи, но она еще не зарубцевалась до конца, и то, что он собирался сделать с клиникой и в клинике, было частью его излечения. — Надо как-то жить дальше, и я решил, что клиника доктора Энрике Леонардо Саброры как раз и есть то, чем я хочу заниматься. В конце концов, у меня колоссальный опыт работы с ведьмами.

Я невольно поежилась, понимая, каким именно был этот опыт. Слишком хорошо я познакомилась с Гексенхаммером в исполнении Энцо. Он словно понял, что его слова меня зацепили, потому что добавил:

— Извини. Я не хотел тебя задеть.

Я ободряюще улыбнулась. Надо же, как быстро меняется человек, когда ему хочется измениться! Плотины прорвались, и освобожденная река хлынула из плена — не удержать, не заточить обратно. Энцо Саброра был хорошим человеком, и теперь ему не надо было запираить самого себя в клетке. Он мог жить.

— Хорошо, что теперь ты видишь не врагов, а людей, — искренне сказала я. — Помню, как увидела тебя в Ханибруке... никогда не поверила бы, что ты откроешь свою кухню для ведьмака и душу для ведьмы.

Некоторое время Энцо молчал, словно пытался подобрать слова к тому, что сейчас поднималось из его души. В окно дул мягкий ветер, на улице густела полуденная жара, и мир был полон жизни, золота и меда.

— Меня самого это удивляет. Но я знаю, что это правильно. Как будто у меня лопнул обруч вот здесь, когда сторел портрет, — он дотронулся до своего лба и сказал: — Думаю, что на следующей неделе мы с тобой отправимся в клинику.

— Вдвоем? — испугалась я. Меньше всего мне хотелось лично общаться с тамошними эскулапами: я прекрасно понимала, что в присутствии Энцо никто не причинит мне вреда, я была

законопослушной ведьмой и героиней Ханибрука, но сейчас, когда Энцо упомянул поездку, все во мне по-заячьи затрепетало. Хотелось замереть, закрыть голову ладонями, спрятаться: иди себе мимо, беда моя, это не я. — Но, Энцо...

Он кивнул, и было ясно: Энцо не примет отказа.

— Ты пострадала от действий Чинции Фальконе, и тебе нужна помощь специалиста.

Помощь специалиста. Вот, значит, как.

— Делаешь меня наживкой? — нахмурилась я. Энцо выразительно завел глаза к потолку и вдруг легонько стукнул меня по носу кончиком указательного пальца — движение было настолько непринужденным и мимолетным, что я растеряла весь свой пыл и желание спорить.

— Ни в коем случае. Делаю тебя своей коллегой и главной помощницей, — произнес Энцо. — И никому не позволю причинить тебе вред.

— Не буду спорить, если так, — вздохнула я. После того, как Энцо спрыгнул с балкона, чтобы спасти меня от кабанов, я ему верила — и ничего не боялась, когда он был рядом. — Хочется надеяться, что мы справимся. И уцелеем.

— Конечно, уцелеем, — улыбка Энцо была ослепительной, полной обаяния и тепла. — Это же просто разоблачение мерзавцев. Пирожки в привокзальном ларьке намного опаснее.

Лекарства помогли — настолько, что вечером я готова была поехать в «Белую цаплю»: отвезти все, что слуги Саброры приготовили после обеда для вечерних гостей в ресторане, и убедиться, что дела идут хорошо. Энцо не стал меня отговаривать: видимо, решил, что я уже взрослая девочка, и не надо со мной спорить. Когда черный жук такси остановился возле кафе, и я вышла, опираясь на руку Энцо, то даже рассмеялась.

— Ничего себе! Да тут весь город!

Все столики в «Цапле» были заняты. Лука и Сандро выставили дюжину складных столов на улицу, под полосатый навес: вместо стульев были ящики от фруктов с торговой эмблемой Маруна, но никто не жаловался — наоборот, гости сочли это определенной изюминкой заведения.

— Я такого нигде не видела! — госпожа Альма, которой на этот раз не хватило места в кафе, устроилась на улице: столик перед ней и дочерью был заставлен высокими стаканами с коктейлями и опустевшими тарелочками от десертов — барышни и матушка сидели тут уже не первый час. — Так оригинально! Вроде бы очень просто, но... Александрин, это уже третий кекс!

Александрин, которая не уступала фигурой дирижаблю «Герцог Хонтбрайт», посмотрела на матушку с самым невозмутимым видом.

— Да хоть четвертый, кто вам считает, кроме официанта? — Сандро вышел из кафе, неся сразу три подноса и, выставляя на столик заказы, доложил: — Вот я готов поставить голову против лягушки, что в Пареверто сам шейх Абу-Али Виаль, слава ему, предложил бы руку и сердце такой очаровательной барышне! — он перехватил поднос и с мечтательным видом проговорил: — Дева, ликом подобна луне, взошедшей над морем, ее бедра — подушки шелковые, пухом набиты...Еще кекс?

Александрин и сестрицы схватили по кексу с подноса, собираясь в несколько раз улучшить свою красоту и материальное положение Луки. Госпожа Альма взяла очередной коктейль и с нарочитой суровостью заявила:

— Но-но! Не для всяких южных нищедрыг я растила свои ягодки! Ишь ты, бедра ему шелковые подавай!

— Какой же он нищедрыга? — Сандро разнес все заказы, принял новые и сообщил: — У него даже собаки едят из золотых мисок, инкрустированных рубинами!

— Ах, суфле! — вдруг воскликнул кто-то из гостей, и я поняла: сейчас и меня, и слуг с коробками, и Энцо просто сметут желающие десертов. Мы пробились в зал, я успела скользнуть за витрину и быстро оценила все, что лежало в ячейках кассы: судя по количеству купюр, день удался. Сандро вернулся в зал, сгрузил книжки с чеками возле кассы и провел рукой по лбу:

— Да, горячий денек выдался! — довольно сообщил он. — Всем интересно зайти в кафе, где готовит десерты ведьма, которую чуть не убила другая ведьма, а первая ведьма настоящая городская героиня!

Я улыбнулась. Энцо взялся за стаканчики с десертом — принялся помогать мне выставлять их в витрину. «Белую цаплю» наполняли довольные голоса, с кухни тянулись умопомрачительные запахи — там

готовились фирменные маринованные стейки и рыба в белом соусе с картофелем, и я подумала, что готова жить вот так вечно: с любимым делом, которое приносит доход, с замечательными людьми рядом, с человеком, которого я...

Нет. Не надо об этом думать. Решительно оборвав глупые и ненужные мысли, я заглянула на кухню: Лука наполнял тарелки овощным салатом с креветками и мелкими помидорами. Увидев меня, он сокрушенно покачал головой.

— Надо поправить вентиляцию. В зале не должно пахнуть едой, — со вздохом произнес он. — Как ты, Эрна?

— Неплохо, — улыбнулась я, — но голова еще кружится. На завтра уже приготовлены чизкейки, утром слуги снова возьмутся за дело, так что все должно быть в порядке.

Лука понимающе кивнул — Сандро забежал на кухню, подхватил сразу полдюжины тарелок и умчался в зал. Я присела на табурет — ноги вдруг сделались ватными, вспомнилась Чинция Фальконе, сокрушающий удар и запах гари.

Нет, я не могла остаться здесь, среди десертов и фруктов. Все это было бы самообманом — и предательством. Сейчас я всей своей внезапно вспотевшей кожей поняла: мне нужно сделать правильный выбор, чтобы все, что со мной случилось, оказалось бы не напрасным. Я могла бы жить дальше — но это была бы ненастоящая жизнь, а иллюзия, и ее в любую минуту безжалостно сдернут те, кто в очередной раз захочет сделать ведьму виноватой в преступлении, которого она не совершала.

Мне надо было идти дальше — при мысли о том, что Энцо пойдет со мной, становилось легче. И нет, я не должна была думать о том, что влюбляюсь в него. Я не влюблялась. Я просто испытывала благодарность к человеку, который несколько раз спас мне жизнь. Который сделался намного ближе всех, кто когда-либо подходил ко мне. Который был сильным и в то же время добрым, и эта доброта заставляла меня чувствовать себя не маленькой и жалкой, а такой же сильной...

— Эрна?

До моего плеча осторожно дотронулись — я обернулась, увидела Энцо, и в его взгляде плавала тревога.

— Все в порядке? — спросил он. — Ты какая-то странная.

— Все хорошо, — я попыталась ободряюще улыбнуться, и у меня это даже получилось. — Задумалась о том, как мы поедем в клинику.

Лука, который взялся за очередные стейки, вопросительно поднял бровь.

— В какую это клинику?

— Психиатрический центр «Убежище святой Магды», — ответил Энцо. — Я займу место в тамошнем управлении, а Эрна мне поможет.

Лука усмехнулся так, что меня пробрало ознобом. Я никогда бы не поверила, что у хозяина «Белой цапли» может быть такое выражение лица — мертвое, опустошенное, утратившее все человеческие чувства.

— Знакомое место, — произнес он. — Вернее, люди оттуда.

Энцо заинтересованно посмотрел на ведьмака. Лука бросал стейки на ребристую сковороду с такой неприкрытой яростью, словно нарезал их из тел своих врагов.

— Был случай столкнуться? — любопытствовал Энцо. Лука горько усмехнулся и продемонстрировал свою руку с ожогом.

— Был, знаете ли.

Он, кажется, не хотел рассказывать — но когда заговорил, то каждое его слово было наполнено нескрываемой горечью и болью.

— Есть там один доктор. Марко Трончетти Пелегрини. Долговязый, рыжий, с первого взгляда — само обаяние. Он раньше жил здесь через квартал, на Малой Фруктовой. Особняк с кариатидами знаете? Вот это как раз его прежнее обиталище. Когда меня повели проверять огнем, он тут тоже был. Это ведь именно он и посоветовал — напомнил, что ведьмаков в прежние времена как раз так и проверяли.

Ощущение было таким, словно ледяная рука опустилась на мое горло. Зато голова вдруг сделалась ясной и свежей, словно я проспала всю ночь с открытым окном. Энцо смотрел на Луку с определенным сочувствием, и я понимала, что для него это уже очень много. Инквизитор Саброра не видел ничего предосудительного в том, чтобы пытать ведьмака, но Энцо это уже было не по душе.

И я этому обрадовалась. Искренне обрадовалась.

— Так вот, он напомнил народу, что со мной следует сделать, — Сандро снова завернул на кухню, сгрузил пустые тарелки и подхватил новые заказы. Слуга, который пришел с нами из дома Энцо, сейчас

встал на мойку, и я отметила: нанять человека, который будет мыть посуду. Раньше Лука со всем справлялся сам, но теперь по счастью у него много гостей, и понадобится помощь. — Сразу же притащили факел, меня раздели, и бывший бургомистр принялся им водить по моей руке. Я тогда чуть не свихнулся от боли. Но знал — надо молчать, иначе все эти добрые люди сразу же превратят факел в костер. И я молчал. А доктор Пелегрини смотрел на меня так, словно я был крысой в лаборатории. Что-то записывал в книжечку — на него никто и внимания не обращал, все с меня глаз не сводили. Сандро, стейки малой прожарки!

— Бегу! — Сандро взял тарелки со стейками и салатами и доложил: — Все, кексы смели. Завтра надо двойную порцию, а то народ переживает, что им не хватает.

Я невольно улыбнулась. Мои счастливые черничные кексы нравились гостям — вот бы все проблемы и беды людские можно было решить за накрытым столом, с кексами и чаем... Когда-то мой дед, стряпая кроличье рагу, уверял: люди становятся сговорчивее, когда у них во рту что-то вкусное. Ах, дедушка, бедный мой дедушка — если бы все было так просто!

— Так вот, я уже потом понял, что все это было его опытом. Доктору Пелегрини надо было увидеть, как ведьмак реагирует на пытку. На большое количество боли. Ну и народ наш со всем своим удовольствием это ему показал, — Лука взял из миски новые стейки, заглянул в листок бумаги с заказом и отправил их на сковороду. — А еще ему было интересно, как я буду с этим справляться.

— И как ты справлялся? — спросил Энцо. Лука усмехнулся, пожал плечами.

— Как... Я в итоге упал. Сознания не терял. Не кричал. Это меня и спасло в итоге — облили ледяной водой из ведра, постановили, что я невиновен. Доктор Пелегрини был сама доброта — пришел в мою каморку на следующий день, принес мазь от ожогов. Самая обычная мазь, такие вон, в аптеке продаются. А еще он спросил, могу ли я сейчас колдовать. Хоть самую мелочь, мух от окна отогнать.

— А ты? — я смотрела на Луку и понимала, что готова расплакаться от тоски и обиды. Какие же мерзавцы! Готовы бросить свиньям беспомощную женщину, которая едва держится на ногах

после тюрьмы. Пытали человека огнем, а потом с непринужденным видом шли в его кафе.

Да ведьмы ли тут главные негодяи? Или люди отлично справляются и без нас?

— Какое там! — горько рассмеялся Лука. — Я до ветру шел, держась за стенку. В общем, добрый доктор сделал очередные пометки в своей книжце и сказал: «Видимо, сильная боль блокирует тот участок мозга, в котором и таится ваша магия. Надпочечники выделяют адреналин, а он в свою очередь справляется с маленькой дрянью у вас во лбу». Никогда этого не забуду.

Он прошел к раковине, тщательно вымыл руки и вновь взялся за салат с помидорами, кусочками сыра и креветками. С той острой заправкой, которую Лука готовил из оливкового масла, мягкой горчицы, лимонного сока и теврского соуса, салат получался пикантным, освежающим и бодрящим.

— Потом он как-то вдруг уехал, — продолжал Лука. — Я следил за ним. Не то что бы глаз не сводил... так, посматривал. Его дом какое-то время стоял пустой, потом там поселилась семья с Востока, но они быстро уехали. Сейчас там отделение Сельскохозяйственного банка. А доктор Пелегрини работает в «Убежище святой Магды», — он обернулся к нам и с бесконечным отчаянием произнес: — Я готов поставить голову, что это именно он работал с несчастной Чинцией. Сколько там таких ведьм, как считаете?

Энцо усмехнулся.

— Я бы еще спросил, сколько там инквизиторов, — с такой же горечью произнес он. — Мы ведь в определенном смысле делим один и тот же дар. Или проклятие — зависит, с какой стороны смотреть.

Лука хмыкнул.

— Это точно. Говорят, дьявол создал ведьм, а Господь вылепил инквизиторов, чтобы набрасывали на них узду, но глину они брали из одной ямы. Там есть ваши коллеги, я уверен.

Глава 7

— Что ты делаешь?

Домой мы вернулись через час — я хотела прогуляться, но Энцо, такой же суровый и сосредоточенный, как в тот день, когда я впервые увидела его в Ханибруке, приказал мне обойтись без самодеятельности, и я решила подчиниться. Вернувшись в дом, мы разошлись — он пошел в свой кабинет, я поднялась в комнату и провалилась в сон где-то на полчаса. Потом что-то разбудило меня, и я решила поискать Энцо. Поговорить с ним — о ведьмах и инквизиторах, о нас, о том, что...

Неважно. Мне хотелось просто побыть с ним рядом. Посмотреть на него.

— Разбираю отцовские бумаги, — Энцо поднял с пола серую картонную коробку и вынул из нее одинаковые грязно-желтые папки с завязками. — Здесь большая картотека, я думаю, тут все его клиенты.

Он указал на толстую папку, которая лежала чуть в стороне, и предложил:

— Взгляни, если хочешь.

— Это твоя? — спросила я. Папка казалась затаившимся хищником — протяни руку, и он откусит тебе пальцы. Но я тотчас же напомнила себе, что мы сожгли портрет доктора Саброры, и теперь прошлое не имеет власти над Энцо, и наваждение исчезло.

— Моя, — кивнул Энцо. — Тут много интересного.

Я подошла к столу, взяла папку. На крышке значилось «Пациент номер 1» — надпись была размашисто перечеркнута красным, и было видно, что доктор был в ярости, настолько глубоко перо погрузилось в картон. Я открыла папку — множество тонких белых листков, исписанных на врачебном старохарвенийском диалекте, которым пользуются доктора со всего мира, бесчисленные цифры и фотография — испуганный подросток с разбитой губой угрюмо смотрел в камеру, не понимая, почему все это происходит именно с ним.

Я дотронулась до лица юного Энцо Саброры, словно хотела утешить его, и сказала:

— Знаешь, я сегодня подумала о том, что люди с их жестокостью бывают хуже любых ведьм.

— У ведьм другие возможности, — ответил Энцо, взял из раскрытого шкафа еще одну стопку папок, на этот раз тонких, из темно-вишневой кожи, и довольно прицокнул языком. — Я понимаю, что и вас, и нас надо изучать. Чтобы вот такая дрянь, как Чинция Фальконе, больше не поднимала тьму из воды и не убивала людей.

— Лоренцо Бернати убил намного больше, чем она, — парировала я. Мне казалось, что Энцо сейчас начнет спорить, но он лишь кивнул.

— Да, уголовный кодекс во многом нуждается в доработке, согласен. Смотри, что тут! Копии лицензий на медицинскую деятельность и исследования в области мозга!

Он грохнул одну из папок на стол и ткнул пальцем в белый плотный лист с таким количеством печатей и подписей, что в глазах начало рябить. Я всмотрелась и прочла: «Психиатрическая клиника «Убежище святой Магды» прошла сертификацию и получила разрешение на проведение опытов на мозге с целью определения истоков ведьмовства».

— То есть, они вынимают мозг через нос и имеют на это разрешение, — пробормотала я. Энцо усмехнулся.

— В точку. А вот еще посмотри. Бумаги на перевод.

На новых листках были печати полицейского управления Сартаврааты, региона на севере страны. Ведьму по имени Майра Хокка, осужденную по статьям 118-А и 121-Г, «Предумышленное убийство» и «Предумышленное убийство по предварительному сговору», передавали в клинику «Убежище святой Магды». Я нахмурилась, вчитываясь в мелкие строчки, отпечатанные на старой печатной машинке полицейского отделения: диагноз местного врача, опухоль в лобной части мозга, подтвержден, ведьма передается в клинику для обследования и лечения.

От листков веяло жаром. Я отбросила их обратно в папку и процедила:

— Врач Сартаврааты и опухоль мозга? Как говорит Сандро, там такие врачи, которые голову с задницей путают!

Энцо невозмутимо кивнул.

— Да, я тоже так подумал. Наверняка было особое распоряжение от министерства внутренних дел. Отправлять ведьм из

провинциальных тюрем для нужд «Убежища».

— Видимо, поэтому ее и не казнили, — пробормотала я. — Статьи тяжелые.

— Согласен, — Энцо вынул еще одну папку, вчитался в ее содержимое и вдруг горько усмехнулся: — Надо же! Вот ты где...

Он протянул мне бумаги: больничная карта пациента, примерно такую же для меня завели в Ханибруке, когда я пошла лечить зуб. Не стала залатывать его направленным заклинанием, вытерпела час в кресле стоматолога и еще раз подтвердила для всех, что я законопослушная ведьма. С фотографии смотрел немолодой мужчина — лысый, обрюзгший, угрюмый, с таким пробирающим взглядом, что мне невольно захотелось поискать убежище.

— Итан Хатчиссон, — прочла я и удивленно вскинула бровь. — Инквизитор?

Энцо кивнул.

— Мы с ним вели несколько совместных дел. Он иногда жаловался на головные боли, а потом ушел в отставку и уехал из столицы. Вот, значит, где он в итоге оказался.

— Ему, возможно, пообещали исцеление, — сказала я. — Интересно, жив ли он?

Энцо печально усмехнулся.

— Это вряд ли. Сомневаюсь, что из «Убежища» выходят живыми, иначе они бы уже орали о своих успешных опытах на весь белый свет.

Я понимающе кивнула. Ведьмы и инквизиторы были врагами с самого начала времен, но нашлась та сила, которая превратила тех и других в своих подопытных кроликов. Какое-то время Энцо стоял неподвижно, держась за ручку шкафа — в нем было столько отчаяния, что я не выдержала: отшвырнула папку несчастного Итана Хатчиссона, быстрым шагом подошла к Энцо и обняла его за плечи.

Он замер. Тело напряглось, спина, к которой я прильнула, окаменела под белой рубашкой — но он меня не оттолкнул, он не отстранился, и так мы и стояли рядом, а потом он произнес:

— В пекло все это до самого дна. На сегодня хватит с нас докторов с их экспериментами.

Энцо развернулся, перехватил меня за руку и добавил:

— Пойдем. Лучше покажу тебе кое-что.

Такси привезло нас на берег моря, но не на тот пляж, где мы с Энцо сражались с порождением ведьмы, а на совсем другой — маленький, каменистый, тихий. Здесь не было ни туристов, ни кафе с полосатыми зонтиками, ни скамеек — только скалы, камни и негромкий шелест моря. Энцо прошел к воде, постоял какое-то время так, словно приветствовал старого друга, а затем обернулся ко мне и произнес:

— Я любил приходить сюда в детстве. Знаешь, почему?

Я пожалала плечами. Это место было красивым, наполненным диким очарованием природы — но дело было не просто в красоте.

— Потому что здесь есть вот что, — Энцо нагнулся и быстрым движением выхватил из камней пляжа рыжую искру, которая весело засверкала в его пальцах. Я рассмеялась, подошла и увидела на его ладони галтовку агата. Бесчисленные волны огладили красно-желтый камень с белыми прожилками, но не погасили тот тихий огонь, который всегда наполняет агаты.

— Я собирал такие камешки, — признался Энцо. — Их здесь очень много. Знаешь, что говорят об агатах?

— Что они даруют силу и богатство, — ответила я. — И любовь.

Нет.

Незачем.

Не было у нас никакой любви и не могло быть. Мы слишком разные, пусть и прошли вместе огромный путь за короткое время. Мы враги по самой своей природе, мы ведьма и инквизитор, мы...

Мы люди. И только это имело значение.

Кажется, Энцо прочел мои сбивчивые мысли, потому что его губы дрогнули в мягкой улыбке, и он указал куда-то вправо и вниз.

— Смотри-ка. Еще один.

Этот агат был крупнее и не такой яркий — золотисто-молочный, словно впитавший лучи вечернего солнца, он лег на мою ладонь, и я почувствовала осторожное прикосновение тепла, которое сгустилось в этом камне за тысячи лет. Впереди закричали чайки, падая к воде и взмывая вверх, от моря пахло солью, водорослями и тайной, и я неожиданно ощутила веселый азарт.

— Давай поищем еще? — предложила я, и мы с Энцо побрели по пляжу. Волны шумели, набегая на берег, и я вдруг увидела мальчика,

который шел здесь, глядя себе под ноги и собирая камни. В этом месте, возле моря, ему, должно быть, было не так одиноко.

— Я тут много лет не был, — произнес Энцо и, взяв что-то из воды, протянул мне: море, которое не забыло маленького несчастного мальчика, встретило его и принесло ему свой тихий дар — розовую ракушку с изящными завитками шипов. Я осторожно дотронулась до нее кончиком пальца, и ракушка вздрогнула: пляж наполнил негромкий звон, словно кто-то дернул невидимую струну, и Энцо объяснил:

— Это вальверис, они всегда так звучат. Про них говорят, что морские короли используют их в своих подводных оркестрах.

Я представила, как могла бы петь тысяча таких ракушек — возможно, их голоса слышны, когда надвигается шторм, и они поют торжествующую песнь.

— Красивая, — улыбнулась я. — А это что?

Энцо извлек из камней что-то круглое и плоское, покрытое щелями — кажется, это тоже была ракушка.

— А это русалкин дукат, — объяснил он. — Тоже раковина. Считается, что русалки расплачиваются ими в подводном царстве.

Мы нашли еще три дуката — светло-серые, легкие, они мягко ложились в ладонь, и впервые за долгие годы я поняла, что ничего не хочу покупать.

У меня все было. Мир в душе, тихий пляж, человек, который шел рядом со мной — чего еще хотеть? Среди темно-серых камней сверкнул еще один солнечно-рыжий агат; я подняла его и подумала, что никогда не уеду из Марнахена.

История с ведьмами в «Убежище святой Марты» однажды закончится — и я вернусь в этот город и останусь здесь. Буду готовить в «Белой цапле», гулять по пляжу, мечтать. А Энцо... лучше об этом, конечно, не думать, но я буду счастливой, если он пойдет со мной рядом дальше.

Я буду самой счастливой.

— Я однажды нашел здесь огромную глыбину агата, — сообщил Энцо. Его очередной добычей стала пара дукатов — наверно, русалка потеряла здесь свой кошелек. — Она была неприглядной, честно говоря. Но я принес агат домой, распилил, и на срезе он оказался изумительно красив.

Он подхватил плоский камешек и забросил его в море — камешек запрыгал по волнам, одна из чаек спикировала вниз и поднялась с мелкой рыбешкой в клюве. Мир в этом месте казался вечным, незыблемым, неразрушимым. Когда-нибудь здесь будут гулять новые пары — собирать агаты, наслаждаться тишиной и солнцем, любить друг друга.

— С людьми все примерно так же, — улыбнулась я. — Думаешь, что это кто-то серый и неприметный, а потом словно открывается дверь, и ты видишь его душу. А в этой душе сказочное королевство.

— Примерно так, — согласился Энцо. — Меня сейчас это удивляет. Я смотрю на ведьму и вижу в ней не зло и не тьму. Вижу хорошую женщину — сильную, смелую. Настоящую. Ту, которая не сдаётся перед трудностями сама и готова помочь другим.

Я замерла, крутя в пальцах найденный агат. Обернулась — Энцо смотрел на меня, и та я, которая впервые увидела его в Ханибруке, никогда, ни за что бы не поверила, что он способен смотреть вот так. В его взгляде не было ни обжигающей страсти, ни той любви, от которой млеют барышни, когда читают о ней в книгах.

В нем были лишь тепло и нежность, пронизанные солнцем, словно кусочки агата на берегу.

— Больше ничего не говори, — сказала я — подошла, взяла его за руку, понимая, что сейчас даже самое мимолетное, самое тихое слово могло разрушить то волшебство, которое зародилось между нами. Его нельзя было спугнуть. Ему надо было позволить окрепнуть. — Пожалуйста, ничего не говори.

И прикоснулась губами к его губам.

Утро было пасмурным и дождливым — казалось, мир укутался в одеяло и не собирался из него вылезать. Энцо даже поднялся с кровати, чтобы закрыть окно, которое с вечера стояло нараспашку, а теперь оттуда веяло прохладой. Сквозь дрему я слышала, как по подоконнику стучат капли — звук был убаюкивающим и ласковым, тело еще помнило, как бережно по нему скользили пальцы Энцо, и я все глубже погружалась в сон, наконец-то чувствуя себя по-настоящему счастливой.

Этой ночью мы были вместе. Мы любили друг друга так, словно в мире больше не было никого, кроме нас — и сейчас только это имело смысл. Я не говорила о любви и не спрашивала о ней. Неважно, какое

чувство сейчас соединило нас — влюбленность, страсть, желание разделить все то, что свалилось нам на голову за эти дни — важно то, что оно было. Я держала его, как птенца в ладонях, и знала, что сделаю все, чтобы сберечь его и не отпустить.

Меня окончательно разбудил запах кофе — крепкого, сваренного по всем правилам, с солью, которая подчеркивает и оттеняет его вкус. Я приподнялась на локтях — кровать справа была пуста, Энцо уже ушел, а я и не почувствовала, как он поднялся. Завернув в ванную, приведя себя в порядок и быстро переодевшись, я спустилась вниз и обнаружила его в столовой — он разливал кофе по маленьким фарфоровым чашечкам, на большом блюде красовались смуглые булочки с корицей, и, глядя на молодого, чуть взлохмаченного мужчину, я никогда бы не подумала, что передо мной инквизитор.

Тот, кому сама его природа велит охотиться, преследовать и уничтожать, не может быть настолько мягким и непринужденным, настолько домашним.

Настолько настоящим.

Сейчас Энцо был похож на юриста или инженера — одним словом, передо мной стоял человек, который никогда в жизни не охотился на ведьм.

— Ух ты! — весело улыбнулась я. — Булочки?

Энцо рассмеялся — ему, как и мне, сейчас было легко. Сегодня ночью мы наконец-то освободились от той тяжести, которая была с нами всегда, и стали просто людьми, а не охотником и добычей. Он поставил кофейник в сторонку, придвинул мой стул, сел на свое обычное место во главе стола. Все это было настолько просто, настолько спокойно и мирно, что мне захотелось закричать.

Это было то, о чем я мечтала в ранней юности — завтрак с дорогим человеком. Это было то, что я безжалостно выбросила из головы и выполола из души — не думать, не вспоминать, не надеяться. И вот все то, от чего я когда-то отказалась, вернулось ко мне и поднялось в полный рост.

— Только не критикуй их слишком сильно, — попросил Энцо. — Когда-то у меня была знакомая дама золотого возраста, которая прекрасно готовила. И я научился у нее печь эти булочки, правда, давно не практиковался.

Мужчина встал пораньше, чтобы испечь для меня булочки и сварить кофе. Я даже не знала, что это было? Забота? Семейное тепло? Любовь? Нет, лучше не думать об этом. Просто булочки и кофе, небольшой знак внимания, только и всего.

— Булочки прекрасные, — искренне сказала я, после того, как попробовала одну. Нежная, мягкая, сладкая, но не до приторности — как раз то, что нужно в компанию к чашке кофе и хорошему утру. Я сама не испекла бы лучше. — У тебя, я вижу, много самых разных талантов.

Улыбка Энцо стала смущенной. Кажется, он испытывал то же, что и я — робость, страх, боязнь того, что такое чудесное утро вдруг возьмет и растает, и нас с ним больше не будет.

— Их бы еще улучшить, и цены бы мне не было, — усмехнулся Энцо.

— Дело в практике, — сказала я. Дождь припустил еще бодрее — казалось, по стеклам и подоконнику колотят невидимые сырые ладони. Вряд ли сегодня в «Белой цапле» будет много гостей: в такую погоду не выйдешь из дома даже за самым изысканным лакомством — ну что ж, иногда нужны и перерывы. И в работе, и в сладостях.

— Тогда стану практиковаться, — сказал Энцо. — Как ты себя чувствуешь, пойдешь сегодня на работу?

Я бы с большим удовольствием осталась дома — мы нашли бы, чем заняться, повторили бы пару-тройку раз то, что делали этой ночью — но надо было идти на работу, и что-то подсказывало мне, что не нужно прилипнуть. Не надо становиться тенью Энцо Саброры или чем-то вроде столика в гостиной, который он видит каждый день, и мебель давно ему примелькалась. А этого я не хотела.

— Пойду, — ответила я, и Энцо звякнул в колокольчик: в столовую неторопливо вошел Гвидо, и Энцо приказал ему вызвать такси до «Белой цапли». Дворецкий важно кивнул, но его глаза смотрели с веселой остротой молодости, и я поняла, что он рад тому, что мы с Энцо стали намного ближе. И пока нам не могли помешать ни злонамеренные ведьмы, ни изверги в халатах врачей.

Пока наш мир принадлежал только нам.

— Я загляну к тебе в обед, — пообещал Энцо, и я поинтересовалась:

— Чем займешься?

— Бумагами Итана Хатчиссона. Отправлю телеграмму его бывшей жене, возможно, она знает больше, чем написано в его карте. Там написано просто: «пациент выбыл». Возможно, он умер во время исследований, но... — Энцо отпил кофе и продолжал: — Хатчиссон был одним из самых сильных инквизиторов королевства. Вряд ли его смерть можно было замолчать или свалить на несчастный случай.

— Береги себя, — искренне сказала я, и Энцо посмотрел на меня так, будто у меня с губ сорвалось что-то очень важное и неожиданное.

— Хорошо, — кивнул он. — Я постараюсь. И ты тоже.

Я улыбнулась.

— Все будет в порядке. Черника не станет меня атаковать.

Дождь разогнал людей с улиц — в такую погоду никто не выйдет из дому, если можно остаться в сухости и тепле. Я решила приготовить фруктовые тарты на тот случай, если кто-то все же решит скоротать время в «Белой цапле».

Тарт — интересная и очень простая штука, с этим пирогом справится даже ребенок. В форму выкладывается тонко раскатанное тесто, затем засыпаются ягоды и заливаются соусом из сметаны, яйца, сахара и панировочных сухарей. Затем нужно аккуратно оформить край, чтобы тесто не торчало некрасивыми кусками, и отправить тарт в духовку. Заглянув в нашу кладовую, я увидела, что запасов у нас немного — осталась черника, страстогагодник, киви и золотые яблоки. У них в самом деле была золотая кожура и такая томная сладость, что волосы начинали шевелиться на голове. Что ж, все это пойдет в дело. А потом, когда тарты испекутся, я займусь заготовками на завтра.

— Марун сказал, что сегодня будет манго и ананасы, — сказал Сандро. — И еще желтую питахайю привезет.

— А мне сегодня доктор Пелегрини приснился, — угрюмо сообщил Лука. Он мариновал кусочки мяса с луком в белом пикантном соусе — собирался делать шашлык на шпажках. — Стоит, гадина такая, у моей кровати, глаза таращит... ну вот какая досада, и не пришьешь ему ничего!

— Что ты собрался пришивать? — любопытствовал Сандро. Его стараниями «Белая цапля» сверкала чистотой, и сейчас он навел последний блеск на десертную тарелку. Я всегда удивлялась тому, как быстро и ловко он со всем справлялся.

— Да хоть бы истязания, — буркнул Лука. — Я ему на опыты не давался. Что-то знаете, я давеча подумал, что тогда все и обошлось бы. В Марнахене народ не кровожадный, поорали бы, да и все. Сюда едут отдыхать, расслабляться, и местные такие же. Нет тут особенных любителей пускать кому-то кровь.

Сандро согласно качнул головой.

— Да, я обратил внимание. Даже пьяные не дерутся, а ведь это традиция. Опрокинул пинту пенного — дай кому-нибудь в рожу, ну и сам получи, конечно.

Я была склонна с этим согласиться. Значит, доктор Пелегрини был подстрекателем. Неудивительно, в общем-то: хороший психиатр умеет манипулировать людьми, он всегда найдет, на какие клавиши нажать, чтобы толпа, которая в целом не хотела кровопролития, бросилась бы рвать на части и жечь. Потом люди опомнились бы, пришли в себя и испытали невыносимый стыд — но это все потом, и это не вылечит обожженную руку Луки.

— Дрянное дело, конечно, — вздохнул Сандро. — А вот на островах бокоры живут, и никто им в нос не тычет. Наоборот, имеют уважение. Бокор на всех праздниках первый гость. Того бокора, который лечил меня, всегда везде приглашали, во главе стола сажали, уж на что наш капитан нос задирал от важности, а ему всегда кланялся. Ну и я потом кланялся, да пониже, что уж там.

Он машинально дотронулся до живота, словно вспоминал ту крысу, которую бокор из него изгнал. Я выложила тестовые косички по краям пирогов и отправила три формы с тартom в духовку. На сегодня, пожалуй, этого хватит — гости к нам не торопились, над крышей то и дело прокатывался гром. Лука вздохнул.

— Ты посмотри, как там живут на этих островах, — посоветовал он. — Ни врачей, ни лекарств. Бокор единственное спасение. Выжил после этого ру из муки и крови — хорошо. Не выжил — так Бог дал, Бог и взял. К кому еще там идти, если что-то случилось? Только к бокору.

Звякнул колокольчик над дверью — какой-то гость проигнорировал ливень и пришел в «Цаплю». Сандро быстро, но тщательно вымыл руки, снял фартук и отправился принимать заказ; вскоре я услышала, как он говорит:

— Через час будет десерт, мясо поставили мариновать, так что пока могу вам салатец с креветками предложить для начала, яйцо на тосте с зеленью и карпаччо нарезать. Креветки здоровенные, вот! С мою ладонь!

Креветки и правда были хороши. У Луки был приятель, который поставлял их сразу после улова: креветки лежали в ящике, свирепо шевелили лапками и тарасили глаза, так что я даже боялась на них смотреть. Мы подавали пять штук на порцию — и правда, больше было не осилить.

Гость что-то негромко произнес, и Сандро ответил:

— Да, я скажу ей. Если она не занята, то выйдет.

Так, а это, кажется, по мою душу. Я машинально взяла оставшуюся черничину из тарелки, покрутила в пальцах и положила обратно — мне почему-то сделалось тревожно, а когда я заметила, что Лука тоже напрягся, небрежно поигрывая ножом, которым только что разрезал мясо на порционные кусочки, то во мне зазвенел серебряный колокольчик, крича во весь голос: беда! Спасайся!

На кухню пришел Сандро — положил на стол листок с заказом и спросил:

— Вы чего такие бледные? Там всего лишь господин Торигроссо. Просит большой завтрак, всего по два, а креветок в салат — тройную порцию.

Мы с Лукой издали дружный вздох облегчения. Хозяин «Белой цапли» провел рукой по лбу и признался:

— Вот честно вам скажу, мне показалось, что там доктор Пелегрини. Даже его одеколоном повеяло, у него был «Апельсиновый бриз».

— Откуда бы ему тут взяться? — спросила я. — И зачем? Вряд ли он станет нарываться — им бы сейчас тихонько сидеть в «Убежище» и не высовываться лишний раз.

Лука посмотрел на меня так, словно я была ребенком, который понятия не имел о том, как взрослые вершат свои дела.

— Это такие, как мы с тобой будут сидеть тихонько, потому что нас всегда назначат виноватыми. Сама знаешь, — ответил он. — А такие, как доктор Пелегрини, нападут. Они хозяева положения и не забиваются в норы, особенно если есть, на кого свалить свои делишки. Во всем обвинят Чинцию Фальконе, с нее теперь спрос невелик.

Сандро собрал заказ Торигроссо на поднос и вышел в зал. Я выглянула из кухни — выставила в витрину конфеты из черного трюфеля, присыпанные марнским белым орехом и съедобной золотой крошкой. Торигроссо был похож на мокрого бульдога; кивнув в сторону огромного зонта, который стоял на сушилке, я спросила:

— Как там, сильно льет?

Торигроссо выразительно завел глаза к потолку.

- Отвратительная погода! Что с зонтом, что без зонта — все идешь мокрый. Ваша полиция вас бережет в любую погоду, это факт, но очень уж тягостно в кабинете сидеть, когда за окном такая сырь.

Я улыбнулась.

— Сегодня будет ягодный тарт. Совсем скоро!

Торигроссо довольно хлопнул по столу так, что отдалось по всему заведению.

— Вот и отлично! Не знаю, что такое этот ваш тарт, но возьму двойную порцию! Моя кума с дочками постоянно в «Цапле» десертится, я даже удивлен, что их сейчас тут нет. Вы не уходите далеко, Эрна, мне надо с вами поговорить обо всем, что случилось.

— Хорошо, — кивнула я. — Только тарт проверю.

Когда я вернулась на кухню, то колокольчик на двери снова залился звоном. Лука, который жарил шашлык, снова встрепенулся — я сочувствующе посмотрела на него, и он признался:

— Все никак не избавлюсь от ощущения, что Пелегрини здесь. Он будто смотрит на меня.

— Там всего лишь господин Торигроссо, — попыталась я его утешить. Лука вздохнул и перевернул шашлыки. Сандро вернулся с заказом от нового гостя и сказал:

— Эрна, там Саброра пришел. Выглядит, как заговорщик, и сказал, чтобы ты вышла.

Я сняла фартук, повесила его на крючок. Работу с заготовками на завтра придется отложить. Кажется, нам предстоит военный совет — мы с Энцо собирались сунуть головы в пасть монстра, который свил себе гнездо в «Убежище», и надо было понять, как это сделать и не умереть.

Я вышла из кухни в зал — Энцо сидел рядом с полицмейстером и выглядел так, словно нащупал решение очень важной задачи. Сандро принес ему кофе, забрал опустевшие тарелки Торигроссо — вроде бы

все было спокойно и мирно, но во мне заливались звоном туго натянутые нити тревоги.

— В общем, Итан Хатчиссон, — произнес Торигроссо, когда я села рядом с Энцо. — Я навел кое-какие справки, как ты и просил: в общем, все обрывается после того, как его госпитализировали в «Убежище святой Магды». Официально он из него вышел, но больше нигде не зарегистрировался, в своем доме не появлялся и за границу не выезжал. Может быть, он где-то живет тишком, но тогда вопрос: зачем и от кого он скрывается? Если с ним что-то случилось, то почему он не обратился за помощью к коллегам?

Энцо кивнул. Он выглядел сосредоточенным и суровым — почти таким же, каким я увидела его в первый раз. Я дотронулась до его запястья, пытаюсь ободрить — он посмотрел на меня и улыбнулся, но взгляд остался холодным и темным.

— Бывшая жена ничего не знает, — сказал Энцо. — И она встревожена. Подтвердила: Итан говорил ей, что ляжет в клинику. То, что принимали за повышенное давление, оказалось опухолью мозга. Он обещал написать ей, когда выйдет оттуда, но писем она не получала.

— Его убили, — хмуро проговорила я. Представились больничные коридоры, сверкающие белоснежным кафелем, закрипела колесами по полу каталка, на которой вывозили человеческое тело, небрежно прикрытое смятой простыней, рука мертвеца тяжело свисала вниз. — Возможно, такая же операция, которую твой отец хотел провести с тобой. И та, которая изувечила Чинцию Фальконе.

— Почему тогда не признать, что он умер? — поинтересовался Торигроссо.

— Потому что вряд ли Итан давал согласие на участие в эксперименте — он поехал туда лечиться, а не быть подопытным кроликом. Начали бы выяснять — что за операция, почему ее делали, какие были показания к ней — и выкопали бы слишком много, — Энцо откинулся на спинку стула, отпил кофе из чашки. — Итан, в общем-то, был одинок. Его никто не стал бы разыскивать. Бывшая жена... ну на то она и бывшая, а не нынешняя, ее никто не стал бы слишком внимательно слушать.

Я понимающе кивнула. Даже если вы расстаетесь по-хорошему, а не делите наволочки и вилки, у бывших супругов много насущных дел и забот, им некогда копаться друг с другом.

— Так что он просто исчез, — сказал Торигроссо. — Отставной инквизитор, никому не нужный. Ты ушел с работы и будто бы умер для всех. Так не только в инквизиции бывает.

Некоторое время Энцо молчал. Над крышей «Белой цапли» снова зарокотал гром. Торигроссо махнул Сандро, который вышел из кухни, и распорядился:

— Эй, парень, кофе принеси, да покрепче! — и добавил, уже обращаясь к нам: — После всей этой истории с Чинцией Фальконе в клинике уже инициировали проверку. Я утром позвонил одному приятелю из министерства здравоохранения, он сказал, что все там в норме. И обычные пациенты, и душевнобольные ведьмы на особом контроле. Но ясное дело, что они смогли все припрятать, когда Чинция сбежала.

Энцо пожал плечами. Горизонтальная морщина, которая прорубила его переносицу, сделалась еще глубже. Я отошла на кухню — вынула из духовки тарты, нарезала на порционные кусочки, думая о том, что судьба ведьмы это всегда попадать в какие-то опасные истории. К этому привыкаешь, но то, что сейчас происходило со всеми нами, внушало мне холодный липкий ужас.

— Чем больше я об этом думаю, тем сильнее мне кажется, что ей позволили сбежать. Выпустили в мир, перевели исследования из лабораторной в полевую фазу, — сказал Энцо, когда я вернулась и поставила на стол тарелки с тартотом. Торигроссо мечтательно прикрыл глаза, втянул носом аромат, поднимавшийся от истекающего соком кусочка, и произнес:

— Никогда такого не ел. Дружище, ну а смысл ее отпускать? Чтобы она наворотила дел?

— Возможно, — кивнул Энцо. — Я полагаю, что в «Убежище» работают над тем, чтобы лишать ведьм и инквизиторов их способностей. Но может быть, дело не только в этом. Возможно, нас нельзя окончательно очистить от того, что что нас наполняет — значит, надо научиться этим управлять. И у нас, и у них.

Торигроссо запустил десертную вилку в тарт и предположил:

— Значит, рядом всегда должен быть контролер.

— Не знаю, имеет ли это отношение к делу, — сказала я, — но Лука сегодня сам не свой. Ему везде видится доктор Пелегрини.

Энцо бросил взгляд в сторону кухни, и я заметила, как там скользнула тень: Лука грел уши.

— Идите сюда! — пригласил его Энцо. — Я должен кое-что уточнить.

Лука послушно вышел из кухни, вытирая руки полотенцем, лицо сделалось мертвенно-серым, и я прекрасно его понимала. Энцо открыл для него свой дом и кухню, не испытывая ни капли неприязни — но он все равно оставался инквизитором, и его доброта могла в любую минуту обернуться ловушкой. Лука понимал, что все это не так, что Энцо Саброра видит в нем не природного врага, а человека, но страх слишком глубоко въелся в него за много лет, и от него нельзя было избавиться за несколько дней.

— Посмотрите на меня, — голос Энцо звучал спокойно, но я почувствовала, как Лука напрягся, словно инквизитор собирался разложить на скатерти весь пыточный инструментарий. — Просто посмотрите.

Воцарилась напряженная тишина. Энцо и Лука смотрели друг другу в глаза, и я вдруг увидела, как над головой ведьмака поплыли растрепанные волокна серебристого тумана. Молниеносным движением Энцо выхватил одно, поднес к глазам и, прищурившись, заявил:

— Так я и думал. За вами в самом деле наблюдают. Видят вас, но не могут услышать то, что слышите вы. Иначе мы бы тут пропали, это точно.

Он прищелкнул пальцами, освобождая волокно — оно неспешно поплыло над столом, а затем растаяло: но перед тем, как оно растворилось, в воздухе вдруг возникло призрачное лицо — рыжий худощавый мужчина с пристальным взглядом бледно-голубых глаз одарил нас обаятельной улыбкой актера.

— Пелегрини, — оторопело прошептал Лука, и Торигроссо кивнул.

— Это он, точно. Как будто полицейская ориентировка.

Я сидела так, словно в стуле был гвоздь, на который я плюхнулась с размаху. Лука растерянно переводил взгляд с Энцо на Торигроссо, а

потом на меня, словно пытался найти ответ на все вопросы, которые закружились у него в голове.

— Но зачем? — спросил он. — Я всего лишь хозяин кафе. Не больше.

— Я не великий знаток волшебства, — признался Торигрессо, — но вы же с ним знакомы. Мне рассказывали ту историю с вашим испытанием огнем, доктор принял в ней непосредственное участие.

Энцо утвердительно качнул головой.

— Да, некоторые ведьмы способны следить друг за другом, но только если они знакомы. Чинция Фальконе общалась с тобой, Эрна, когда приняла облик портного, но этого, видимо, мало, — он задумчиво провел пальцами по лицу и продолжал: — Но доктор Пелегрини не ведьмак. Я видел копию его личного дела среди отцовских бумаг, там нет никаких пометок о ведьмовстве.

Зазвенел колокольчик — в кафе вошла барышня в сопровождении юного кавалера: они сели за столик в углу, заказали один кусочек тарта на двоих и принялись щебетать и обмениваться поцелуями: кажется, им очень хотелось провести время вместе, но было негде. Я сидела, словно в тумане — мне казалось, что я падаю в какую-то вонючую яму, из которой никогда не смогу выбраться. Луке было не легче — он даже сел с нами за стол и уткнулся лицом в ладони. Я невольно обрадовалась тому, что сегодня шел дождь, и гостей, кроме влюбленной парочки, не было.

— Я прекрасно знаю, что в «Убежище» говорят проверяющим, — негромко, но твердо произнес Торигрессо. — «Это лучшая клиника страны, где работают люди с мировым именем. Все, что случилось с Чинцией Фальконе, трагический несчастный случай, но надо сделать все, чтобы он не повторился». Вот увидите, они под это дело еще гранты выбьют.

Энцо кивнул. От него веяло спокойствием и уверенностью, и я успокоилась тоже. Я твердо знала: он не допустит, чтобы кому-то из нас причинили вред.

В конце концов, это всегда было его жизнью, судьбой и сутью — спасать тех, кому нужно было помочь, и уничтожать зло во всех его видах.

Мне вдруг стало смешно. Совсем недавно я и представить не могла, что меня будет защищать такой человек, как Энцо Саброра.

Если бы кто-то рассказал мне об этом, то я расхохоталась бы ему в лицо.

— Я уже отправил в «Убежище» письмо о том, что готов занять место моего отца в управляющем совете. Как думаете, как они нас встретят?

— Вас? — Торигроссо указал на меня и уточнил: — Она тоже едет? Зачем?

— Затем, что Эрна Уиллоу единственная ведьма, которая выжила после столкновения с Гексенхаммером. Даже самое малое прикосновение этого заклинания вызывает неминуемую гибель, поэтому сейчас она нуждается во всестороннем обследовании и лечении. То, что с ней случилось, может стать колоссальным толчком в развитии психиатрии и изучении мозга, — объяснил Энцо.

Торигроссо усмехнулся. Взгляд Луки наполнился холодом.

— Хотите использовать ее, как наживку? — поинтересовался полицмейстер. Лука не сказал ни слова, но было видно, что он подумал о том же.

— Мы уже говорили об этом, и я ничего не имею против, — решительно ответила я. — Если есть зло, то с ним должны бороться все. И ведьмы, и инквизиторы, и обычные люди.

В глазах Торигроссо проплыло искреннее уважение. Возможно, то, что я сказала, прозвучало слишком напыщенно — но я не могла не сказать.

— Я не сомневаюсь, что Чинция Фальконе была только цветочком, а в палатах «Убежища» лежат как раз ягоды, — добавила я. — И надо разобраться с этим, чтобы они не разбежались по миру.

Глава 8

Домой я вернулась уже вечером — дождь так и не утих, но к концу дня от приготовленных тартов не осталось ни крошки. Любители сладкого отправляли в «Белую цаплю» слуг — они оплачивали заказы и уходили с коричневыми бумажными пакетами, от которых пахло выпечкой, и в какой-то момент я даже пожалела о том, что не стала делать пироги с ананасом: они тоже разлетелись бы по заказчикам, которые просили «чего-нибудь вкусенького, неважно, чего». Когда я убрала в холодильник те чизкейки, которые будут подавать завтра, то Лука задумчиво поинтересовался:

— Ты не думала взять кого-нибудь в ученики? Сама видишь, как тут все сметают.

Он уже дал объявление о поиске судомойки и, судя по тому, что возле телефона лежала визитка агентства недвижимости, подумывал о том, чтобы расширяться.

— Надо бы, конечно, — согласилась я и призналась: — Мы с Энцо скоро уедем в «Убежище», я не знаю, кто тут будет работать вместо меня до моего возвращения.

Это в самом деле была проблема: я рассказала о ней Энцо, когда мы сели в вечерней гостиной за чашкой чая. Дождь лил и лил, деревья в саду уныло опустили листья и, когда ветер завыл так тоскливо, словно потерял кого-то из родных, я спросила:

— Тут часто бывает такая погода? Я всегда считала, что юг это солнце и жара.

— Редко, но бывает, — ответил Энцо. — Так что же ты планируешь делать с едой?

Я только плечами пожала. Не хотелось бы, чтобы Лука разорился, едва начав подниматься, но у меня и правда не было никаких идей. Мне даже сделалось стыдно. Я не могла оставить Энцо — и не могла бросить друга. Вряд ли здешние любители сладкого будут ждать, когда я вернусь, и разглядывать пустые витрины, вспоминая о том, какие торты, конфеты и кексы в них красовались.

— Я мог бы вам помочь, госпожа Эрна, — негромко прошелестел голос дворецкого. Мы обернулись: Гвидо стоял возле входа на кухню и

выглядел так, словно готов был постигать кулинарные премудрости прямо сейчас, без перерывов для сна и отдыха.

— Да, я готов, — сказал он. — Конечно, у меня нет ваших умений и кулинарных талантов, но я обещаю, что все, приготовленное мной, будет вкусно. Те слуги, которыми вы так успешно командовали, поддержат меня с тыла. Думаю, в «Белой цапле» все будет хорошо.

Ощущение было таким, словно Гвидо снял с моей спины Халенхорский хребет своими смуглыми руками. Я не выдержала — подошла, обняла его и искренне сказала:

— Гвидо, вы тогда спасете и меня, и Луку. Спасибо вам!

Дворецкий негромко рассмеялся.

— Подождите записывать меня в спасители, я еще ничего не сделал. Господин Энцо, вы не против, если за время вашей отлучки я встану к плите?

— Разумеется, нет, — улыбнулся Энцо и сообщил: — На самом деле он отменно готовит, Эдна. Я нигде не ел таких вкусных устриц в соусе. Жаль только, Гвидо больше их не делает.

— У меня слишком много других забот, — со сдержанным достоинством произнес дворецкий. — Но я готов препоручить их своему помощнику и встать к плите. Все-таки полные витрины это лучше, чем ничего.

Я вздохнула с искренним облегчением. «Белая цапля» продержится до моего возвращения, а там я подумаю о помощнике на тот случай, если мне придется снова куда-то уехать, или я заболею. Мало ли, что может случиться — всегда нужен тот, кто поможет удержаться на плаву.

— Еще раз спасибо вам, — с нескрываемым теплом сказала я. — Энцо, когда мы уезжаем?

Энцо сунул руку во внутренний карман пиджака и извлек письмо — я мрачно поняла, откуда оно, и та легкость, которую принесло предложение Гвидо о помощи, растворилась без следа.

— Написали из «Убежища», — сообщил Энцо. — Сказали, что будут счастливы приветствовать меня в управляющем совете. Думаю, чем раньше мы отправимся туда, тем лучше.

— Завтра? — спросила я. В ногах на мгновение поселилась предательская слабость — я вдруг представила, что стою на канате, натянутом над пропастью, и должна идти вперед. Если не боишься, с

тобой ничего не случится — старая истина — но я не могла подавить страх, который вдруг поднял голову в моей душе.

Ну и в пекло тогда это все. Да, я боюсь — и не скрываю этого. Но я все равно пойду вперед — потому что со мной будет Энцо и потому, что еще ни одна ведьма на свете не работала в паре с инквизитором.

Нет. Мы теперь были не ведьма и инквизитор, которых волной жизни прибило друг к другу. Мы были людьми, которые делали общее дело для того, чтобы другие люди не были подопытными кроликами в чужих руках. Вот и все.

Энцо кивнул.

— Да. Завтра. Если выедем с утра, то к обеду уже будем в «Убежище».

— Отлично, — выдохнула я. — Раз так, то тогда незачем тратить время даром. Гвидо, я покажу вам, как готовить черничные кексы, их очень хорошо берут. Ананасный торт с шоколадом — в общем-то, несложно, но его все обожают. Потом кексы со страстогадником и дыней, шоколадный мусс с питахайей и еще чизкейки... ох, нам тут работы на всю ночь. Марун привозит фрукты каждый вечер, завтра Лука вас познакомит.

Гвидо понимающе улыбнулся и едва заметно кивнул.

— Я знаю Маруна, — ответил он. — Еще с тех пор, когда он был худой, как спичка. Он все время удивляется тому, как это голем прожил столько лет.

Я улыбнулась и сказала:

— Кажется, я знаю, как это случилось. Просто у этого голема очень доброе сердце.

Гвидо прикрыл глаза — было видно, что мои слова порадовали его.

— Не только доброе сердце, но и опытные руки, — произнес он. — Идемте на кухню, найдем им применение.

Утром мы выехали из Марнахена.

Когда мы с Энцо заняли маленькое купе, и поезд неторопливо покатило от вокзала, я почувствовала, как в животе шевельнулось что-то ледяное. Энцо понял, что у меня на душе — в его взгляде было искреннее сочувствие и понимание.

— Все хотела спросить у тебя, почему ты тогда поднялся на балкон, — сказала я и уточнила: — Когда на меня выпустили свиней в

Ханибруке.

Энцо едва заметно улыбнулся краем рта.

— Я думал, она придет посмотреть на твою казнь, — ответил он. — Пытался вычислить ее, с высоты это сделать намного проще.

Рядом с нами стояла небольшая плетеная корзинка для пикника: Гвидо сложил туда черничные кексы нам в дорогу. Он очень старался, запоминал каждое мое слово и движение, а потом, когда уже на рассвете мы закончили стряпать, произнес:

— Песок и глина помнят все, госпожа Эрна. Можете спокойно ехать в это «Убежище», будь оно проклято, я здесь справлюсь.

— Почему вы проклинаете это место? — спросила я. Гвидо поправил бумажную салфетку, которой была прикрыта гора кексов, и ответил:

— Потому что господин Саброра там потерял и сына, и самого себя. Я молчал, не хотел, чтобы он меня расколол, но молчать было больно, — он помедлил и добавил так, словно боялся, что я как-то неправильно его пойму и рассержусь: — Сейчас господин Энцо изменился, и я этому рад. Это потому, что вы с ним, и я очень хотел бы... — он вновь сделал паузу, — чтобы и дальше вы с ним шли вместе.

Я улыбнулась. Осторожно дотронулась до его руки — сухой, теплой, живой.

— Я буду очень этому рада, Гвидо.

— Вот и хорошо, — произнес он с той искренностью, которая отличает просто хорошего слугу от по-настоящему родного человека, и старательно принялся складывать полотенца, давая мне понять, что больше не хочет разговаривать. Ему было грустно снова расставаться с Энцо, и он не желал этого показывать, понимая, что ничего не изменит.

Поезд летел среди полей и виноградников, мимо высоких свечей кипарисов и крошечных белых домиков, рассыпанных в летней зелени. Юг был свежим и чистым, он умылся дождем и встрепенулся, когда вышло солнце, и каждый его кусочек был похож на картину — то, что впереди лежало «Убежище святой Магды», казалось мне уродливым чернильным пятном.

— Что мы будем делать, когда приедем? — спросила я. — Нас встретят?

— Да, — ответил Энцо и объяснил: — Там небольшой поселок, стоянка буквально три минуты. Мне написали, что один из лучших специалистов клиники будет нас встречать.

— Я, кажется, даже знаю, кто это будет, — пробормотала я. — Доктор Марко Трончетти Пелегрини.

Энцо вздохнул. Его лицо сделалось холодным и жестким: тот человек, которого я успела узнать, ушел — скрылся за ледяными инквизиторскими доспехами, спрятал все чувства, закрыл все щели, через которые его могли бы ранить. Передо мной вновь сидел инквизитор, которого когда-то убивали за то, что он ударил Гексенхаммером ведьму и ее девочку.

Почему-то мне сделалось спокойнее. Энцо был неуязвим — значит, и со мной ничего не случится.

— Готов поклясться, именно он работал с Чинцией Фальконе, — произнес Энцо. — Немедленно запрошу ее карту. Конечно, там все исправили сразу же, как только она сбежала, но что-то все же могло уцелеть.

— У них наверняка двойная бухгалтерия, — сказала я. — Одни карты для того, чтобы предъявлять инспекторам и полиции, другие — настоящие, для внутреннего пользования, — я смущенно улыбнулась, вспомнив школьную жизнь, и добавила: — У моего одноклассника так было. Он носил в ранце два дневника. Один подавал для хороших отметок, другой для плохих и для замечаний. Его не сразу разоблачили.

Энцо фыркнул, и броня на мгновение выпустила его настоящего.

— У меня такое тоже было, — признался он. — Отец узнал и выпорол меня так, что я не мог ни сидеть, ни лежать. И запретил вызывать врача — Гвидо втайне сбежал в аптеку, принес мне мазь для заживления ран.

— Никогда бы не подумала, что ты на такое способен, — призналась я. — И это меня радует.

Энцо удивленно поднял левую бровь.

— Радует, что в школе я был мелким мошенником? Это почему же?

— Потому что ты живой, — честно ответила я. — И всегда был живым.

Некоторое время Энцо рассматривал оливковые сады, которые лежали на холмах, а потом негромко сказал:

— Если бы я мог поговорить с отцом, то спросил бы, почему он делал со мной все это. Что случилось в его жизни, раз он счел возможным и правильным затягивать петлю на моей шее.

Я дотронулась до его руки — лицо Энцо дрогнуло, он устало закрыл глаза.

— Возможно, что-то глубоко его ранило, — сказала я. — Возможно, эта рана так и не зажила. Но Энцо, он был взрослым человеком. Врачом. Он мог позволить себе любое лечение. А ты был ребенком, который от него полностью зависел. Ты не мог ничего исправить или изменить, и это не твоя беда, а его.

Энцо усмехнулся.

— Не хочешь пойти работать психиатром? — спросил он. — У тебя неплохо получается.

— Не хочу, — я дотронулась до его лица, и Энцо открыл глаза. — Я исцеляю души своими сладостями, и мне это нравится.

Ровно в полдень поезд остановился на крошечной станции: на будочке, в которой продавали билеты, красовалась вывеска с надписью «Меленбург». Возле будочки стоял джентльмен в легком светлом костюме — огненно-рыжий, опиравшийся на трость, он выглядел так, словно готовился встречать своих лучших друзей.

— Доктор Пелегрини, — пробормотала я, выходя следом за Энцо из вагона. — Так я и думала.

- Конечно, это трагедия. Страшная трагедия, и я не перестаю себя винить в том, что произошло.

До «Убежища» мы шли пешком. Помощник доктора, паренек в серой рубашке, таких же серых штанах и лихо заломленном набок картузе, с легкостью нес наши чемоданы. Дорога вилась среди зеленых холмов и уходила мимо небольшого поселка в сторону поместья в старинном духе: трехэтажный дом с белыми колоннами, пышный фруктовый сад, лужайки, от которых так и веяло свежестью, аккуратно подстриженные кусты. Среди деревьев я видела людей — они выглядели ненастоящими, похожими на сломанных кукол, которые пытаются двигаться, но забывают об этих попытках, отвлеченные чем-то другим, существующим только в их внутреннем мире.

«Пациенты на прогулке, — подумала я. — Те, которых показывают, когда в это райское местечко приезжают комиссии с проверками».

Сколько этих людей были ведьмами и ведьмаками?

— Вы же не отвечаете за безопасность, — сухо ответил Энцо. — Все вопросы к службе охраны.

Доктор Пелегрини кивнул. Все это время я всматривалась в него и видела, что он был вполне определенным ведьмаком. Не самым сильным, конечно, но был.

— Я это понимаю. И все равно не могу не винить себя. У нас с Чинцией были хорошие отношения. Я не был ее лечащим врачом, просто иногда консультировал при подборе лекарств, но мы ладили. Она доверяла мне и... если бы она решила поговорить со мной, я уверен, что смог бы ее удержать. Этого ужаса не случилось бы.

— Почему она сбежала? — спросила я. Мы вошли в открытые ворота, которые были словно сотканы из металлических завитков: ни колючей проволоки, ни пик — перебирайся и убегай. Охранник, который сидел в будке рядом, даже не посмотрел в нашу сторону — читал газету. — Здесь довольно уютно.

Пелегрини пожал плечами. Сейчас он казался искренне огорченным, но я не обманывалась: все это было спектаклем для нового члена управляющего совета — пока Энцо прощупывали, решая, можно ли ему доверять.

— Как бы ни было хорошо в клетке, это все-таки клетка. Ведьма по самой своей природе не терпит ограничения свободы. Даже для собственной пользы.

Я понимающе кивнула. Если бы меня посадили за решетку, то я умерла бы от тоски.

— Кто был ее лечащим врачом? — спросил Энцо. Он держался настолько невозмутимо и холодно, что меня начало пробирать морозцем. Тот человек, которого я успела узнать, безвозвратно исчез — теперь рядом со мной шел инквизитор, которого сама природа сделала моим врагом.

— Доктор Майя Морави. Умерла от сердечного приступа через четыре дня после того, как Чинция сбежала. Она очень сильно переживала все, что тут произошло. Ей стало плохо во время

утреннего обхода, мы немедленно отвезли ее в клинику Карвенунти, но это не помогло.

Как ловко все получается! Это вам не запасной дневник для двоек и замечаний у школяра! Лечащий врач преступницы очень удачно отправляется на тот свет, спроса с нее, как вы сами понимаете, никакого, мы усилили систему охраны, и теперь все в порядке. Чашку чаю и по домам?

Интересно, доктор Морави умерла сама, или ей помогли коллеги?

Я почувствовала, как во мне начала подниматься злость. Доктор Пелегрини словно бы уловил это, потому что обернулся ко мне и сказал:

— Ваш случай просто удивителен, госпожа Уиллоу. Еще ни одна ведьма не уцелела после Гексенхаммера.

Мы пошли через парк мимо больных. Мужчины и женщины, одетые в одинаковые белые рубахи и брюки, бродили среди деревьев, иногда замирая, словно кто-то звал их издалека — зрелище было по-настоящему тягостным. Персонал — крепкие мужчины в темно-синих халатах — пристально следил за пациентами, всем своим видом показывая: попробуете что-нибудь отчебучить, узнаете, как сильно бьют дубинки, которые мы носим на поясах.

Мне все сильнее становилось не по себе. Мы с Энцо были здесь одни — мы не выстоим, если на нас нападут.

— Должно быть, дело в том, что я законопослушная ведьма. Как и вы, — попыталась пошутить я. Доктор Пелегрини улыбнулся, но его глаза остались прежними, холодными и внимательными.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, не сводя с меня пристального взгляда и делая вид, что не слышал, как я назвала его ведьмаком. — Головокружения, внезапные вспышки агрессии, плаксивость?

— Нет. Ничего такого.

— Очень хорошо, что вы привезли госпожу Уиллоу в «Убежище», — одобрительно произнес доктор Пелегрини. Мы вошли в гостеприимно распахнутые двери клиники и оказались в просторном холле. За высокой стойкой сидела девушка в темно-синем халате и энергично стучала по клавишам печатной машинки, за ее спиной возвышались стеллажи с карточками больных. По широкой лестнице, которая вела на второй этаж, спускалась старушка на ходунках: рядом

шел парень в форме, который ее подстраховывал. Двое таких же парней беседовали чуть в стороне, под раскидистым деревцем в большом горшке. Одним словом, это была самая обычная больница — чисто, аккуратно, никогда не подумаешь, что тут проводят эксперименты над ведьмами.

Но я понимала, что обольщаться не следует.

Пелегрини подошел к стойке регистрации и распорядился:

— Позовите доктора Гварнери, она сейчас свободна, — обернувшись ко мне, он объяснил: — Это один из наших лучших специалистов, она проведет осмотр и скажет, что делать дальше. Повторюсь, хорошо, что вы сейчас здесь. Это не тот случай, на который можно махнуть рукой.

Энцо кивнул — сейчас я смотрела на него и не видела в нем того человека, которого успела узнать. Все живое, все, способное дышать и чувствовать, исчезло без следа — и только это могло сейчас нам помочь.

— Это мой долг, — произнес он. — А я всегда его выполняю.

Доктор Гаэтана Гварнери, черноволосая, смуглая и голубоглазая, оказалась старше меня на пару лет — быстро выйдя в холл, она обменялась с нами приветствиями и предложила мне сразу же пройти в ее кабинет. Уходя, я обернулась; Энцо по-прежнему разговаривал с Пелегрини, и я поймала его взгляд, безжизненный и жесткий.

Все правильно. Я не была для него человеком. Все это время он мог просто притворяться добреньким — да хоть бы и в исследовательских целях.

Все правильно. Иначе мы отсюда не выберемся.

Кабинет доктора Гварнери был на втором этаже — открытые окна выходили в сад, весело шумевший зеленью, на стенах висели дипломы и аттестаты в золотых рамках: хозяйка кабинета училась в Королевской медицинской академии и там же получила степень доктора наук. Я заинтересованно принялась рассматривать безделушки в шкафу: фарфоровые фигурки пастушков и пастушек, причудливые раковины, какие-то черные треугольные зубы — набор был каким-то странным, и я сказала:

— У вас тут прямо собрание диковин и редкостей.

Фарфоровая пастушка с барашком и ископаемый зуб, на мой взгляд, были диким сочетанием. Гаэтана улыбнулась.

— А, это мне дарят пациенты, когда выздоравливают. У каждой вещицы своя история, расскажу как-нибудь при случае.

— Я смогу подарить вам коробку черничных кексов, но я не чувствую себя больной, — ответила я. Гаэтана была наполнена каким-то свежим южным очарованием, на нее нравилось смотреть, и с ней было приятно говорить, но я напомнила себе, что не нужно развешивать уши.

Я в логове врагов. Возможно, эта милая улыбчивая девушка с унизанными пестрыми браслетами руками вынимает кусочки мозга больных через нос.

— Значит, Гексенхаммер? — поинтересовалась Гаэтана. Усадив меня в кресло, она принялась изучать предметы в сверкающей металлической кувезе — большую часть составляли разноцветные кристаллы, подвешенные на серебряные цепочки. — Вы уникальный случай, еще не было ведьмы, которая после этого выжила бы.

Я кивнула. Гаэтана выбрала янтарно-желтый кристалл, подошла ко мне и принялась покачивать его на цепочке над моей головой.

— Наверно, мне просто повезло, — предположила я. — А Чинции нет.

— Ох, Чинция... — вздохнула Гаэтана, продолжая раскачивать кристалл. Голову наполнил мягкий звон, тело сделалось каким-то чужим, и в воздухе перед нами поплыли серые картинки — то, что я увидела, было похоже на разрезанный грецкий орех, и я не сразу поняла, что рассматриваю собственный мозг.

— С ней все так плохо кончилось, — продолжала Гаэтана. — А ведь она уже была на пути к выздоровлению, и тут такое... Головные боли бывают? Повышение или понижение давления?

— Нет. Я раз в год прохожу медицинское обследование по протоколу инквизиции. Ничего страшного.

Гаэтана кивнула. Серые картинки выстроились в ряд; не опуская цепочку, она прищурилась, всматриваясь в них.

— Патологических изменений мозга нет, — сказала она, — но, как и у всякой ведьмы и всякого инквизитора, есть определенные особенности гипофиза. Вы колдуете?

— Нет. Я законопослушная ведьма, — я невольно напряглась, предчувствуя, что следующим номером программы будет предложение выцарапать этот гипофиз из моей головы.

— Это очень благоразумно, — одобрила Гаэтана, убрала кристалл, и картинки рассеялись. Она села за стол, придвинула к себе чистые бланки врачебной карты и принялась заполнять их быстрым почерком, не переставая говорить: — Знаете, современная медицина склонна считать ведьмовство не дьявольским порождением и не проклятием, а болезнью, которую можно излечить. Вы правильно делаете, что отказываетесь от колдовства, но отказ это еще не все. Болезнь дремлет в вас, и неизвестно, когда она очнется.

— Возможно, тогда, когда понадобится спасти людей, — нахмурилась я. — Мы с Энцо Сабророй были вынуждены сражаться с тем существом из моря, которое создала Чинция.

— Это героический поступок, — совершенно серьезно согласилась Гаэтана. — Но сами подумайте, понадобится ли подобное геройство, если в мире однажды не будет ни ведьм, ни инквизиторов? Нужны ли лекарства от раковой опухоли, если их не станет?

— Полагаете, то, что у меня в голове, это раковая опухоль?

— В определенном смысле, — кивнула Гаэтана. — Вы правильно делаете, что контролируете ее, но разве вам не хочется просто жить? Вы упомянули черничные кексы. Занимаетесь сладостями?

Я утвердительно качнула головой.

— Кексы, ананасовые торты и манговое суфле. Я работаю в кафе, создаю десерты.

Гаэтана мечтательно улыбнулась.

— Звучит просто сногшибательно. Но я уверена, что у вас слишком много проблем, чтобы вы могли просто посвятить себя вашему искусству. И они связаны с тем, кто вы есть.

Тут было трудно спорить, особенно вспоминая свиней, Ханибрук и добрых горожан, которые совсем недавно пытались меня скормить своим чудесным питомцам. Гаэтана пристально посмотрела мне в лицо и продолжала:

— И вот представьте, что никакой угрозы больше нет. Никто не тычет в вас пальцем, не обвиняет в своих проблемах просто потому, что вы это вы. Никаких угроз, никаких унижительных регистраций — просто обычная человеческая жизнь. Вас не будут мучить и испытывать огнем.

— И вы знаете, как это сделать? — любопытствовала я. Гаэтана едва уловимо улыбнулась.

— Я и мои коллеги уверенно идем по этому пути.

— И есть ведьмы, которых вы исцелили? — поинтересовалась я, надеясь, что сейчас и в самом деле выгляжу заинтригованной. — Или инквизиторы?

— Вы сказали про кексы, — улыбка Гаэтаны сделалась заговорщической. — Как насчет испечь несколько? Заодно и побеседуем в более непринужденной обстановке.

Кухня в «Убежище» оказалась большой и очень уютной. Двое поваров раскладывали еду по тарелкам, их помощники расставляли по столам куриный суп и жаркое с картофелем. Не переставая дружелюбно улыбаться, Гаэтана провела меня к свободному столу и сказала:

— Иногда мы с пациентами готовим все вместе. Это очень полезно — люди расслабляются, сразу видят результат своего труда, чувствуют себя нужными. Итак, Эрна, что же нам нужно для кекса?

Я как-то вдруг почувствовала себя не свободным и ни в чем не виноватым человеком, а пациенткой, которая была полностью во власти врача. Врач мог улыбаться, врач мог быть приятным и милым, но только он решал, когда откроются двери, и отсюда можно будет выйти.

— Можно приготовить самые простые кексы, с изюмом, — ответила я. Посуды в кухне было много: нашлись и формочки, и миски, и венчики, и все необходимые продукты. Повара косились в нашу сторону с искренним интересом — я решила, что они были здоровы, и появление на кухне пациента всегда являлось для них чем-то вроде циркового аттракциона.

Ладно, посмотрим, придется ли им смеяться.

Выбрав миску нужного размера и собрав все, что понадобится для кексов, я разбила несколько яиц, всыпала сахар и принялась энергично работать венчиком — в итоге получилась пышная масса с мелкими пузырьками воздуха, к которой добавились мука и разрыхлитель. Теперь венчик двигался медленнее, торопиться было некуда, и я спросила:

— Так что же, есть ведьмы, которых вы избавили от ведьмовства?

— Мы над этим работаем, — с уверенностью профессионального политика ответила Гаэтана, не сводя с меня взгляда. — Работы предстоит много, но перспективы нас радуют.

— Свободный мир без ведьм и инквизиторов? — уточнила я. В компанию к тесту пошел чистый крупный изюм — я все перемешала и стала аккуратно наполнять формы. Где-то на две трети — в духовке кексы начнут расти.

— Именно. Рада, что вы меня понимаете.

— И что вы предлагаете лично мне?

— Вы очень сильная ведьма, которая не осознает своей силы до конца, — улыбка Гаэтаны растворилась, словно ее и не было: теперь доктор Гварнери смотрела на меня проникновенно и строго. — Если вы примете участие в нашей работе, то это может сильно продвинуть нас вперед.

Вот именно. А может и не продвинуть.

— А если не приму?

Во взгляде Гаэтаны скользнула тень. Я отправила кексы в духовку — сорок минут, потом поставить остывать, потом наслаждаться нежным вкусом, упругостью и сладостью. От плиты было видно, что двери в столовую открылись, пропуская пациентов — люди шли так, словно их тянули за ниточки, все были погружены в свой внутренний мир, и, судя по их лицам, там было не очень-то сладко.

— Это полностью ваше решение. Я не могу настаивать или приказывать, — Гаэтана сделала паузу и добавила: — Но ваш курирующий инквизитор, господин Саброра, может.

— Энцо этого не сделает, — выдохнула я, чувствуя, как дрожат губы и кончик носа. Гаэтана понимающе вздохнула.

— Мы все против насилия, Эрна. Вы у друзей, у тех, кто не причинит вам вреда, — заверила она. — Я понимаю, что больничная обстановка сама по себе действует удручающе, но поверьте. Здесь никто не хочет вам плохого.

Санитары рассаживали больных — аккуратно, но достаточно твердо. Молодая женщина с потухшим взглядом рассматривала ложку так, словно впервые увидела ее, и меня пронзило жалостью. Чинция, должно быть, поверила, что ей тут помогут. Она станет нормальным человеком и вернется домой после того, как истечет срок ее заключения. А в итоге...

— Чинция говорила, что к ней применялись пытки, — отчеканила я, глядя в лицо Гаэтаны. — Чинция говорила, что ее мучили. Проводили операции без ее согласия. Это правда?

Мне хотелось надеяться, что неожиданный вопрос собьет Гаэтану с толку, и она скажет что-то, что даст мне зацепку. Но доктор Гварнери даже не изменилась в лице.

— Когда пациент буйствует, мы вынуждены надевать на него смирительную рубашку, — терпеливо, словно разговаривая с ребенком, ответила она. — Применяем контрастный душ. Видимо, это Чинция называла пытками. Что же до операции, то для нее были показания, и решение об этом было принято еще до того, как она попала сюда. У нее была опухоль мозга, которую запустили, потому что сначала головные боли принимали за повышенное давление.

«Как у Итана Хатчиссона», — подумала я. От духовки веяло теплом и запахом выпечки, и мне пронзительно захотелось уехать отсюда. Вернуться в Марнахен, войти в «Белую цаплю», начать готовить манговое суфле с питахайей...

— Ее никто не пытал потому, что она ведьма, — искренне сказала Гаэтана. — Ее не заставляли принимать участие в экспериментах. Поверьте, Эрна, это место не для пыток, а для исцеления.

Я подумала, что в «Убежище» все разыграно, как по нотам. Ко мне приставили женщину-врача — потому что женщины быстрее найдут общий язык и договорятся. Гаэтана предложила мне заняться тем, что я любила и знала — это успокоит, расслабит, сделает более сговорчивой. Где сейчас Энцо, что он делает?

— У вас уже есть механизм? Вы понимаете, как избавить ведьму от ведьмовства?

Гаэтана едва заметно улыбнулась — по лицу скользнула неуловимая тень.

— Небольшая операция, — ответила она. — Мы точно знаем, что вся проблема в опухоли гипофиза. Если ее устранить, то после определенной терапии ведьма станет обычным человеком. Подумайте, Эрна. Прислушайтесь к себе и спросите себя: разве вам этого не хочется?

«Хочется, — подумала я. — Мне хочется жить и не бояться, что моя жизнь оборвется в любую минуту. Мне хочется знать, что меня не будут пытать огнем и не бросят свиньям. Но слишком уж гладко вы стелете — как бы не пришлось жестко спать».

— Все это очень неожиданно, — сказала я. — Очень. Я должна подумать... и посоветоваться с господином Сабророй.

Улыбка Гаэтаны стала шире.

— Разумеется, Эрна. Думайте столько, сколько сочтете нужным, вас никто не торопит и не заставляет. Ваши кексы очень заманчиво пахнут... давайте устроим чаепитие во время тихого часа?

Когда я достала кексы из духовки, аккуратно переложила их на большое блюдо и оставила остывать, Гаэтана извинилась и отправилась по своим делам, а один из санитаров проводил меня в ту часть клиники, которая служила для размещения персонала и гостей. Светловолосый парень в синей форме оказался говорлив; когда я спросила, куда мы идем, он сообщил:

— Сказали устроить вас в гостевом. Там и ваш курирующий инквизитор. Уютно, красиво, должно вам понравиться. Когда проверки приезжают, там инспекторов селят. Все довольны.

Я напомнила себе, что я пока еще не пациент, не заключенная и не пленница, но тревога не утихала.

Я была в клетке. Ее не заперли, но я сомневалась, что мне позволят выйти.

— Много тут пациентов? — спросила я.

— Сорок два, — ответил санитар. — Пятеро буйных, но они под охраной, а остальные мирные. Можете ходить спокойно, куда захотите, они в своем мире живут.

Вот как интересно. Куда захочу.

— А операции часто проводят? — не отставала я и тотчас же добавила: — Доктор Гварнери мне говорила про них.

— Нет, не очень. В последний раз эту Чинцию Фальконе оперировали. Ну тут же не мясной рынок, тут не режут каждый день. Тут науку вперед двигают, вот так.

Я понимающе кивнула, а парень продолжал:

— Вот мы с сестрой близнецы. Я обычный родился, а она ведьма. Ух, натерпелись мы всей семьей! Она сейчас уехала, где-то на островах живет, а ведь разве плохо было бы: чик — и ты нормальный. И никто в тебя пальцем не тычет и грязь на голову не льет.

— Понимаю, — сдержанно сказала я. Послушать обитателей этого места, так в «Убежище» просто спасают человечество.

— Ну и вот, — санитар открыл дверь, и я увидела комнату, похожую на очень чистый номер провинциального отеля. — Устраивайтесь, вещи ваши уже поставили. Надолго вы тут, не знаете?

Я неопределенно пожала плечами.

— Как решит куратор.

— Я про то и говорю, — вздохнул санитар. — У нормальных людей нет никаких кураторов. Живи и жить давай другим.

Надо же, он слово в слово выразил точку зрения бургомистра Ханибрука.

Когда санитар ушел, я заперла дверь на задвижку и медленно обошла комнату, скользя по ней взглядом. Это было даже не магией — некое подобие детской игры, которое помогало находить спрятанные предметы. Какое-то время я кружила по комнате, спрятав руки за спиной и осторожно дотрагиваясь разумом до вещей — кровати под зеленым покрывалом, прикроватной тумбе, картине с корабликом в тихом море.

Ничего. Хозяева «Убежища» не разместили в комнате ничего для того, чтобы подслушивать — или наоборот, спрятали все так, чтобы только они могли найти.

Я села на кровать, вздохнула, провела ладонями по лицу и чуть не расплакалась. Мне хотелось вернуться в «Белую цаплю» — принять фрукты, которые привез Марун, придумать очередной десерт, за которым выстроятся очереди барышень и дам, слушать морские рассказы и побасенки Сандро. Как-то там Гвидо со всем справляется?

И где Энцо? Увидеть бы его сейчас — мне сразу бы стало легче. Я избавилась бы от тоски и поверила: я не пациентка здесь, я не одна.

Да все ли с ним в порядке? Или пока доктор Гварнери рассматривала мой мозг, а потом болтала за приготовлением кексов, его тащили в операционную?

Стоило подумать об Энцо, как в дверь негромко постучали. Я бросилась открывать — Энцо скользнул в комнату, обнял меня, и какое-то время мы стояли молча, потерянные и найденные, и я подумала, что могла бы так стоять вечно: просто обняв его, уткнувшись лицом в мягкую ткань пиджака, ловя биение сердца...

— Как ты? — негромко спросил Энцо, и я ощутила мимолетное прикосновение магии к волосам: он изучил комнату и не нашел в ней ничего подозрительного.

— Теперь намного лучше, — ответила я. Он мягко отстранил меня и улыбнулся.

— Твои кексы пахнут на всю клинику. Я в какой-то момент даже подумал, что это исцелит больных.

— Доктор Гварнери пыталась войти ко мне в доверие, — усмехнулась я. — Предложила заняться тем, что меня расслабит и успокоит.

— А ты? Что-то я не вижу, чтобы ты расслабилась и успокоилась.

— Вся проблема в опухоли гипофиза. Если ее устранить, то ведьма станет обычным человеком, и меня пригласили принять участие в этом мероприятии, — ответила я, снова чувствуя, как во мне начинают закипать страх и злость. — Я сказала, что должна подумать. Что мне нужно с тобой поговорить.

Энцо понимающе кивнул. Я чувствовала, что время, которое мы провели порознь, тяжело ему далось. Он прикоснулся к тому, чем занимался его отец, и увидел свое возможное будущее — то, которое случилось бы, если бы Энрике Леонардо Саброра все-таки довел бы дело до операции.

— Все правильно. Надо потянуть время. Когда доктор Гварнери снова с тобой заговорит на эту тему, постарайся казаться неуверенной. «Я не знаю», «мне надо подумать». Дело в том, что я кое-что нащупал... и это кое-что поможет нам победить малой кровью.

— Итан Хатчиссон? — предположила я. Лицо Энцо дрогнуло, и мне сразу же стало ясно: его бывший коллега действительно мертв — и это можно доказать.

— Пойдем прогуляемся? — предложил он. — Покажу тебе кое-что. Заметил это, когда поднимался по лестнице. А если я как-то смогу раздобыть металлическую рамку, то и тело найду.

Выйдя в коридор, мы пошли к лестнице — Энцо вел ладонью по перилам, и я не сводила с нее глаз. В какой-то момент он едва заметно прихлопнул по светлomu дереву: всмотревшись, я увидела на самом краю выцарапанное нечто, похожее на листок. Мы спустились в сад — сейчас, когда начался тихий час, здесь никого не было, но я все равно не могла избавиться от ощущения, что на нас смотрят. Мы прошли среди деревьев, сели на скамью, и я сказала:

— За нами наблюдают?

— Обязательно, — улыбнулся Энцо, и тут меня обожгло пониманием:

— А если что-то прочитают по губам?!

Энцо одобрительно посмотрел на меня.

— Для этого я окружил нас с тобой заклинанием, которое размажет им картинку.

Я вздохнула с облегчением.

— Так вот, вся наша беда в том, что в чем-то обвинить «Убежище» не получится, — произнес Энцо, и я сникла. — У них есть все лицензии, все разрешения на опыты. Потом, ты и сама понимаешь: таких, как ты, люди с удовольствием отправят под нож. Пытаются избавить ведьм от ведьмовства — вот и хорошо. А вот труп Итана Хатчиссона — это уже то, за что мы можем зацепиться.

Я понимающе кивнула. В ветвях весело цвиркала птичка, день выдался по-южному жарким, но по моей спине то и дело прокатывало дуновение прохладного ветерка. За нами наблюдали.

— Там, на перилах, что-то выцарапано, — негромко сказала я. — Похоже на листок.

Энцо устало кивнул. Его лицо снова сделалось осунувшимся и тоскливым.

— Это его знак. Если кончик листка направлен вниз, то это означает, что дело плохо. Скорее всего, Итан понял, что не выйдет отсюда живым, и оставил метку. Если мы найдем его труп, то начнется более глубокое расследование, а так... Да, я занял место в управляющем совете, но мне все равно покажут только то, что захотят показать.

— Я все равно ничего не понимаю, — призналась я. — Да, он умер. Почему бы не написать, что он умер от естественных причин? Подделать документы? Ты сам говоришь: никто не стал бы докапываться.

Энцо пожал плечами. Я вдруг почувствовала, что все это время он пребывал в растерянности. Он привык охотиться на ведьм: видеть добычу и гнаться за ней, наступать, вонзая зубы в шею... Но теперь мы с ним сами стали добычей, и он не знал, что с этим делать.

— Ты говоришь, тебе нужна рамка? — спросила я. — Как она выглядит?

— Обычная металлическая рамка из прутьев, — Энцо раздвинул пальцы, приказывая примерный размер. — Такими рамками ищут воду на юге: идешь с ней, внимательно смотришь под ноги, и рамка

начинает крутиться, если вода внизу. Никакой магии, просто магнитные и энергетические поля.

— Ее можно сделать из венчика? — предположила я и уточнила: — Такая вещь для взбивания.

— Я знаю, что такое венчик, — улыбнулся Энцо, и усталое, какое-то закаменевшее выражение его лица изменилось: он сделался мягче, спокойнее. — Да, пожалуй, это нам пригодится. Другой вопрос, как я буду ходить по их территории с рамкой... это все закончится, даже не начавшись.

Несколько минут мы сидели молча. Отсюда было видно ворота — открытые, убегай не хочу. Рядом с воротами была сине-голубая будочка охраны: сейчас рядом сидел мужчина в темно-синей форме и читал газету. Я понимала, что сейчас предложу Энцо просто невыносимую вещь, однако это, кажется, было единственным, что могло бы нам помочь.

— Ты знаешь про Зайкин след? — поинтересовалась я, стараясь говорить небрежным тоном исследователя, который изучает колдовство, но сам даже не собирается колдовать.

Энцо вопросительно поднял бровь.

— Ты имеешь в виду тот Зайкин след, который детское заклинание? — уточнил он. Я кивнула.

— Именно. Тот, что помогает найти спрятанное. Я могла бы его запустить, — сказала я, понимая, что сейчас Энцо может среагировать намного жестче, чем я ожидаю. Я все-таки была ведьмой, а он инквизитором.

— Отлично, — едва слышно произнес он. — Если сможешь запустить его прямо сейчас, то запускай.

Я одарила его заговорщицким взглядом и посоветовала:

— Запомни этот момент, Энцо Саброра. Ты инквизитор, который разрешил ведьме колдовать.

Энцо выразительно завел глаза к небу.

— Запускай. Я буду думать об Итане и направлять.

Я сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Некстати вспомнилось, как я стояла на улочке Ханибрука, а на меня наваливался парус с красной каймой понизу. В руках шевельнулось тепло, поплыло под кожей — робко, медленно, словно не веря, что ему и правда разрешают вырваться. Я перевела взгляд на свои пальцы и увидела, как

от ногтей срываются едва различимые призрачные отпечатки заячьих лапок — слетают в траву, убегают среди деревьев, спускаются по холму к воротам.

Мы с Энцо рванули за ними — я запоздало подумала, что те, кто наблюдает за нами, сейчас все это увидят и обязательно кинутся нас останавливать. Но послеобеденный зной был по-прежнему наполнен солнечным звоном в ушах и тишиной: никто не побежал за нами, никто не вышел в сад, и мы с Энцо быстрым шагом спустились с холма к воротам.

Отпечатки заячьих лапок обежали будку охранника и растаяли. Я испуганно подумала: «Неужели несчастного Итана Хатчиссона закопали прямо под ней?» — и тут охранник сложил свою газету и медленно поднялся.

Это был немолодой мужчина — грузный, с угрюмым выражением тяжелого лица. Темно-карие глаза пристально смотрели на нас, голову покрывал короткий ежик седых волос, и в самой глубине взгляда была такая жуткая тоска, что мне захотелось замереть и зажать рот ладонью, удерживая крик. Энцо едва не споткнулся — нервно дернул рукой, и сквозь лицо охранника проступили другие черты. Теперь на нас смотрел тот самый человек, которого я видела на фотографии в кабинете доктора Саброры.

— Догадались, — глухо произнес он. Газета мелко затряслась в его пальцах, взгляд наполнился болью и надеждой. — Это заклинание всегда находит истину.

— Вы Итан Хатчиссон? — прошептала я. Охранник не ответил, зато Энцо кивнул.

— Привет, старина, — сказал он. — Не знал, что ты теперь ведьмак.

Глава 9

Марево истинного облика растаяло: на нас снова смотрел человек, который ничем не напоминал пропавшего инквизитора. Я всмотрелась в него: да, Энцо был прав — ворота «Убежища» охранял ведьмак. Слабенький, конечно, но совершенно определенный.

Меня пронзило жалостью. Всю жизнь сражаться с колдовством, чтобы в итоге самому превратиться в ведьмака — я понимала, почему Итан Хатчиссон скрывался, почему в его карте стояла пометка «выбыл».

— Ты ведь меня и не заметил, правда? — глухо спросил Итан. — Когда я вас увидел, то подумал: все, сейчас истина выберется наружу прямо здесь. А вы прошли мимо.

Энцо только руками развел. Он выглядел сконфуженным и озадаченным, словно профессор, который не смог решить задачу для первоклассника, и сейчас пытался понять, как же так получилось. Я прекрасно его понимала: ты, мягко говоря, сильно удивишься, когда поймешь, что инквизиторов можно превращать в ведьм. Итан устало усмехнулся и опустился на скамейку возле будки, на мгновение сделавшись похожим на старого сторожевого пса.

— Тот самый блок, который использовала Чинция Фальконе для тебя, — произнес Энцо, бросив взгляд в мою сторону. — То, что скрывает магию.

— Верно, — кивнул Итан. Сейчас в его взгляде плавала боль и стыд. Повинуясь глубокому внутреннему чувству, я села рядом и погладила его по руке — он покосился на меня и тяжело вздохнул.

— Как это с вами случилось? — спросила я, понимая, что он с большей охотой будет разговаривать со мной, ведьмой, чем с бывшим коллегой.

— Я приехал сюда разобраться с опухолью мозга. Мой лечащий врач сказал, что здешние специалисты лучшие в стране, — медленно, словно преодолевая что-то в себе, проговорил Итан, и я подумала, что это похоже на исповедь. — Доктор Пелегрини здесь всем заправляет, я вижу, вы это уже поняли. Так вот, он сказал, что меня можно прооперировать, и после этого я выйду в жизнь совсем новым

человеком, — Итан Хатчиссон постучал себя по лбу и продолжал: — Так и произошло. Вы думаете, тут пытаются избавить ведьм от ведьмовства? Как бы не так! Тут работают над тем, чтобы их усиливать. Чтобы превращать обычных людей в ведьм. Чтобы изменять таких, как ты и я, дружище. Пелегрини и себя изменил. Улучшил — так он это называет.

Энцо опустил на скамью — сейчас он выглядел так, что я за него испугалась.

— Ведьмы это оружие, — сообщил Итан. — Такое, которое будет страшнее бомб, самолетов и танков. Вы уже смогли увидеть, как оно работает, а ведь Чинция Фальконе была не самой сильной. Так, нервная барышня, у которой в один момент все перегорело в голове.

— Есть те, кто намного сильнее, чем она, — глухо сказал Энцо, и Итан кивнул.

— Есть. Уезжают отсюда в машинах министерства обороны. А потом работают там, где их уже никто не достанет. Я не сомневаюсь, что таких мест, как это, не одно и не два. Пока идиоты раскладывают костры для ведьм, умные люди учатся их использовать, — он сделал паузу и с искренней горечью произнес: — Дружище, если ты приехал сюда, чтобы разоблачить Пелегрини и его команду, то у тебя ничего не выйдет. Самое лучшее, что ты сможешь сделать — взять эту девочку за руку и убраться отсюда как можно скорее. Ворота открыты, я не стану вас останавливать.

В моей душе воцарилась такая глухая пустота, что я даже испугалась, вдруг решив, что умираю. «Убежище» не было гнездом сбесившихся фанатиков, которые хотели перекроить мир для всеобщего блага. Здесь работали слишком серьезные люди, чтобы ведьма и отставной инквизитор смогли бы их остановить. Такие места если и закрывают, то для того, чтобы открыть снова — в другом регионе, с отличным оснащением и лучшими специалистами.

Итан Хатчиссон был прав: ведьмы — это оружие. Нашлись те, кто наконец-то понял, как с ними работать и как использовать. Итан Хатчиссон был прав: мы можем только уехать отсюда, сделать вид, что ничего не произошло, а потом попробовать жить дальше — жить и читать в новостях о новых тварях из моря или что там еще создадут те, которых породили в этом месте.

Мы ничего не сумеем исправить. Ничего. Никому не нужен мир без ведьм. Глупцы будут обвинять их в своих проблемах, а умные — использовать в своих целях. И лучше правда подняться со скамьи, проститься с бывшим инквизитором и уходить отсюда — и радоваться, что смогли унести ноги.

Но я знала, что Энцо никогда не сможет смириться с этим. Все это противоречило его природе. Он посвятил жизнь борьбе со злом и сейчас не смог бы просто отвернуться и сделать вид, что ничего не произошло. Да, он не сможет устранить всю сеть — но в его силах смахнуть одного паука, и он это сделает: я смотрела на него и видела, что сейчас Энцо думает примерно о том же, что и я, и у него, кажется, уже есть план.

Мне сделалось легче. Намного легче.

— Я тебя отсюда заберу, — пообещал Энцо. — Берта тебя не забыла, она очень встревожена.

Итан вздохнул. Сжал и разжал кулаки, провел ладонями по коленям.

— Как я к ней вот такой вернусь? — спросил он, и в его голосе прозвенела горечь. — Как я теперь вообще смогу куда-то вернуться?

— Попробуйте видеть в себе не ведьмака, а человека, — с искренним теплом предложила я. — Хорошего человека. Берта видит. Она вас помнит. Беспокойтесь о вас... о любом.

Итан смерил меня оценивающим взглядом, и в нем наконец-то мелькнуло что-то живое.

— Откуда ты выкопал такую удивительную ведьму, старина? — с улыбкой полюбопытствовал он, и Энцо улыбнулся в ответ:

— Она лучший кулинар во всем Марнахене и окрестностях, — произнес он. — Скоро познакомишься с ее десертами.

Энцо поднялся и прошел к воротам — дотронулся до одного из металлических завитков, довольно кивнул, словно узнал что-то очень важное. Я бросила встревоженный взгляд в сторону клиники — пока еще к нам никто не шел, но я отчетливо понимала: за нами наблюдают. Возможно, доктор Пелегрини еще не понял, что Энцо собирается сделать — но он не будет сидеть, сложа руки, и просто наблюдать за тем, как новоявленный член управляющего совета собирается разнести тут все в труху.

— Что ты хочешь сделать? — спросила я. Энцо обернулся ко мне, и я едва не отшатнулась, настолько изменилось его лицо. Он словно бы заглянул за границу жизни и смерти — столкнулся с невыразимым ужасом, но все равно не собирался отступать. Энцо улыбнулся какой-то скомканной, чужой улыбкой и ответил:

— Я хочу поднять желе.

Итан посмотрел на него так, словно его бывший коллега спятил окончательно и бесповоротно. Я вопросительно подняла бровь — ни о каком желе, которое, к тому же, надо поднимать, я никогда не слышала.

— Что это?

— Это как в сказке, — ответил Энцо. — «Триста лет продлится сон, нерушимым будет он». Я погружу это место со всеми его обитателями во временное желе. Они не умрут, им не будет больно — в определенном смысле их законсервирует. И самое интересное — это заклинание нельзя снять. Когда оно иссякнет, все обитатели «Убежища» оживут. Но это будет не скоро. Совсем не скоро.

Он вышел за ворота, спрятав руки в карманы брюк, покачался с пяток на носки и обратно. Из глубины моей души начала подниматься жуть — густая, липкая, безжалостная. Энцо собирался сделать что-то такое, от чего я могла потерять его — и это было настолько больно, что я едва удержалась на ногах.

— Кто-то из врачей выезжал из «Убежища»? — спросил Энцо. Итан подошел к нему, я поспешила за ним — вскоре мы втроем стояли за воротами и смотрели на белые стены клиники. Мир дышал зноем, плыл через лето огромным зеленым кораблем, и все было наполнено бесконечным покоем и тишиной.

— Нет, — ответил Итан. — Все здесь. Послезавтра приедет какой-то шишка из министерства обороны, для него уже приготовили двух ведьм.

— Что он тут увидит? — спросила я. Мне страшно хотелось взять Энцо за руку, но чутье подсказывало мне, что делать этого ни в коем случае нельзя.

— Ничего. Пустоту. Этот холм будет таким, словно на нем никто никогда не жил, — ответил Энцо, и тогда я увидела, что из дверей клиники наконец-то выходят люди — доктор Пелегрини быстрым шагом двигался к воротам в компании санитаров, и медлить было нельзя.

Я ведь помнила эту сказку. Мама ее читала, когда я была совсем маленькой — там была прекрасная принцесса, которая спала в глубине мертвой чаши, там был отважный принц, которому хватило храбрости, чтобы прорубиться к ней и разбудить поцелуем. Кто бы мог подумать, что старую сказку можно превратить в быль?

Энцо все решил правильно. У нас никогда не хватит сил, чтобы разрушить эту систему — но мы можем справиться с той ее частью, которая была перед нами. Я все-таки взяла его за руку, и он не отстранился, а нам сделалось легче.

— Господин Саброра, все в порядке? — нарочито миролюбивым тоном осведомился доктор Пелегрини. Он старался держаться как можно спокойнее, но я чувствовала, как от него брызжет искрами паники.

«Все в порядке, — подумала я так, словно Энцо мог меня услышать. — Я с тобой. Давай все сделаем так, как тогда на пляже».

— Шаг назад, — приказал Энцо, когда доктор почти подошел к воротам: это было сказано таким пробирающим тоном, что Пелегрини негромко отступил. Санитары, которые его сопровождали, были вооружены — я понимала, что они начнут стрелять. — Не приближайтесь к воротам, будет больно. А я этого не хочу.

— Подождите, объясните, пожалуйста, что произошло, — по-прежнему спокойно попросил доктор Пелегрини. — Он что-то вам рассказал? Простите, но при всем уважении это не тот человек, которого нужно слушать. Он болен, мы дали ему несложную работу, но...

Итан отчетливо заскрипел зубами. Его лицо наполнилось такой ненавистью, что мне сделалось жутко. Откуда-то налетел ветер, ударил в спину, вздыбил волосы, и я внезапно поняла, что Энцо уже работает. Он уже активировал заклинание — сейчас оно прорастало из травы, спешило освободиться, выплеснуться и укутать собой.

— Доктор, вам лучше не шевелиться, — прежним ледяным тоном посоветовал Энцо, и я почувствовала запах карамели: густой, сбивающий дыхание, настолько плотный, словно мы вдруг перенеслись на кондитерскую фабрику. От земли поднимались золотистые струйки пара, и откуда-то со стороны клиники донесся истошный женский визг.

Его тотчас же поддержали — женщина продолжала визжать, и множество голосов заходились в торжествующих воплях: кажется, несчастные обитатели «Убежища» поняли, что случится потом. Золотые струи тумана становились все гуще, поднимаясь выше и выше: забор, доктор Пелегрини, санитары, которые тряслись от страха, казались янтарными призраками в его глубине.

— Стреляйте! — прокричал доктор, обернувшись, и его голос прозвучал как через толстый слой ваты. — Стреляйте, идиоты, его еще можно остановить!

Энцо не шевелился. Его рука в моей руке была тяжелой и ледяной — такой, словно из него ушла жизнь, выплеснулась сверкающим туманом, окутывая холм. Все, что я смогла делать — держать его за руку. Отдавать тот огонь, который наполнял меня, плыл под кожей — тот огонь, который был моей сутью.

Если бы я могла отдать свою душу, то я отдала бы.

Когда над холмом прозвучал выстрел, а затем второй, и Энцо начал заваливаться куда-то вбок, а удар в грудь отбросил меня назад, то я успела лишь взмолиться: «Мамочка, помоги!» и выплеснула вперед все, что еще во мне оставалось.

Я очнулась, почувствовав укол в руку. За ним сразу же пришло прикосновение тихого ветра к лицу, запах лекарств и чистящего средства для полов — и воспоминания о том, что случилось в «Убежище», нахлынули на меня ледяной волной, сбивая дыхание.

Где я? Где Энцо?

— Тихо, тихо. Все хорошо, — сказал мягкий женский голос: востепенувшись, я открыла глаза и увидела чернокожую девушку в зеленом костюме с биркой «Доктор Анна Андерсон» на груди — она убрала шприц, показала мне три аккуратно наманикюренных пальца и поинтересовалась: — Сколько пальцев видите?

— Три, — просипела я. Доктор Анна кивнула, одарила меня веселой белозубой улыбкой и спросила:

— Как вас зовут?

— Эрна Уиллоу.

— Отлично. Что последнее помните?

В памяти проплыл янтарный купол, которым накрыло холм с «Убежищем», вырезая его из мира — но я знала, что об этом лучше не упоминать. Чем старательнее я буду хранить молчание, тем лучше.

Настоящие хозяева «Убежища», для которых там выращивали ведьм, не опустят руки — со мной и Энцо будут говорить в других местах и не так ласково, как доктор Анна.

Ничего. Я выстою.

Я ведьма, и мне не привыкать сражаться.

— Мы с Энцо Сабророй ехали в Меленбург, — медленно проговорила я. Доктор Анна не сводила с меня взгляда. — Там клиника, «Убежище святой Магды»... я единственная ведьма, которая уцелела после Гексенхаммера, — голос окончательно скомкался в горле, и я просипела: — Я в клинике?

А если у нас с Энцо ничего не вышло?

Только не в «Убежище». Только не там.

— Да, — она взяла с прикроватной тумбы стакан воды, провела металлической палочкой по моим губам. — Но не в «Убежище». Там на вас напали, когда господин Саброра пытался остановить спонтанный выплеск магии у одного из пациентов. Он успел выхватить оружие у одного из охранников и...

— Энцо жив? — спросила я, надеясь, что тревога, которая сейчас заполняла меня, не выплеснулась на лицо и не прозвучала в голосе.

Моя рука еще хранила ледяное прикосновение его пальцев. Я не могла его потерять, я не...

— Жив, — кивнула доктор Анна. — Лежит в соседней палате, сейчас там господин Торигроссо. Побеседуете с ним? Он велел сказать, когда вы очнетесь.

— Конечно, — улыбнулась я. Энцо был жив, мы вернулись домой — если бы так не болело плечо, туго перетянутое бинтами, то все было бы совсем хорошо.

Торигроссо пришел через четверть часа — угрюмый, вымотанный, но все равно довольный. Когда доктор Анна вышла из палаты, оставив меня наедине с полицмейстером, то он осторожно присел на край кровати и сказал:

— Официально у одной из ведьм, которая лечилась в «Убежище», произошел выплеск магии. Саброра пытался ее остановить. Началась паника, стрельба. Он смог вытащить вас и Итана Хатчиссона, но потом все рухнуло в желе, и Саброра уже никому ничем не мог помочь.

Я только вздохнула.

— Я ничего не помню, господин полицмейстер. Вообще ничего. Как звали ведьму, которая все это устроила?

Торигроссо только руками развел.

— Теперь поди знай! Заварили они кашу, конечно.

— А что еще было делать? — спросила я едва слышно. — Утереться и уйти, потому что там растят ведьм для министерства обороны?

Торигроссо понимающе усмехнулся.

— Как хорошо, что иногда все можно свалить на ведьм, — так же тихо произнес он. — Министерские там сейчас носом землю роют, но желе штука такая, кто в нее попал, тот уже не вылезет. Вернее, вылезет, конечно, но через триста лет. Никаких хвостов не осталось.

— Уйдут ни с чем?

— Вот именно.

— Сколько еще таких «Убежищ» по стране... — вздохнула я. Торигроссо ободряюще похлопал меня по запястью своей тяжелой ручищей.

— Главное, что вы убрали то, которое было у нас под боком, — улыбнулся он. — Убрали быстро и чисто.

— Нас ведь еще будут допрашивать, — сказала я, глядя Торигроссо в глаза. — Мы единственные выжившие свидетели.

Торигроссо устало опустил веки. Вздохнул.

— Разумеется. От вас так просто не отстанут, но вы стойте на своем. У вас отлично получается.

— Как там Энцо? — спросила я. — Как Итан Хатчиссон?

— Живы, живы, — поспешил Торигроссо успокоить меня. — Энцо ранен, но доктор Анна говорит, что завтра отпустит его домой на долечивание. Вас тоже.

«Домой», — повторила я. Завтра мы с Энцо вернемся в дом среди яблоневого сада, и начнется прежняя жизнь — спокойная, тихая, с черничными кексами и ракушками на берегу.

Мы оба ее заслужили.

— А Итан? — не отставала я. — Вы понимаете, кто он теперь?

Торигроссо вздохнул, вновь сделавшись похожим на усталого рыжего бульдога, который хочет не отвечать на вопросы, а вздремнуть где-нибудь.

— Ведьмак, да, — он покачал головой и добавил: — Ничего с ним страшного не будет. Поедет в Марнахен после допросов министерства обороны, я его поселю на одной из полицейских квартир. Мы втроем сейчас состряпали и проговорили несколько раз отменную легенду, подкопаться не должны. Ну а ведьмак... что ведьмак? Станет жить дальше, и вы знаете, у меня такое чувство, что жена его все-таки заберет.

Я не стала уточнять, почему он так решил, но подумала, что возвращение Итана Хатчиссона к бывшей супруге — это лучшее, что могло бы с ним случиться.

Хотелось верить, что со мной и Энцо тоже все будет хорошо. Эта надежда — единственное, что у меня было.

Нас допрашивали по отдельности.

Допрос начали прямо в больнице — через час после того, как Торигроссо попрощался со мной, в палату пришел мужчина в темно-сером костюме и с неприметной внешностью, будто присыпанной пылью. Несмотря на то, что он был похож на долговязого мотылька и выглядел безобидно, чутье подсказывало мне, что это хищник, и с ним лучше не связываться.

Он был в ярости — хоть и старался держаться спокойно.

— ...Так кто, вы говорите, стрелял первым?

Я улыбалась, словно деревенская дурочка, и отвечала:

— Господин офицер, я ничего такого не говорила. Я ничего не помню, совсем.

Допросчик искренне боролся с желанием взять меня за шиворот и встряхнуть как следует. Он бы наверняка это сделал, если бы не доктор Анна, которая сидела на табурете в углу, похожая на хрупкую статуэтку, вырезанную из черного дерева — она смотрела так, что невольно хотелось соблюдать все приличия.

— И зачем вы поехали в Меленборг?

— Там клиника. «Убежище святой Магды». Лучшие специалисты в стране.

— Что сделал доктор Пелегрини, когда стало подниматься желе?

— Господин офицер, я этого не помню. Помню, как мы сходим с поезда, доктор Пелегрини нас встречает... и все.

Допросчик что-то сдавленно прошипел и обернулся к доктору Анне.

— И надолго такое с ней?

— Возможно, навсегда, — невозмутимо ответила она, сцепив пальцы в замок на колене. Допросчик ей не нравился, и доктор Анна даже не пыталась этого скрывать. — Воспоминания оказались настолько травмирующими, что мозг заблокировал их для того, чтобы психика не перегорела. Отсутствие воспоминаний спасает ее от безумия.

Допросчик обернулся на меня и резко спросил:

— Как вы познакомились с Хатчиссоном?

— Не помню, господин офицер, — я продолжала улыбаться — это раздражало допросчика почти так же, как провал в моей памяти.

Все это продолжалось еще полчаса: допросчик пытался так и этак поймать меня на вранье, но я твердила одно и то же, словно говорящий попугайчик, и в итоге он сдался. Выйдя с ним из палаты, доктор Анна вернулась через четверть часа и негромко сказала:

— Господина Саброру все еще допрашивают, но кажется, там уже идет к концу.

Я кивнула. Доктор Анна казалась мне хорошей девушкой, но я понимала: не всегда допросчики выглядят угрожающе — иногда они могут быть такими вот милыми и славными.

— Как он? — спросила я. Доктор Анна мягко улыбнулась.

— Все в порядке. Он хорошо себя чувствует.

На следующий день меня выписали, приказав прийти через два дня на осмотр — ранение оказалось царапиной. Переодевшись в платье, которое привезли слуги Энцо из дома, я спустилась из палаты в больничной холл, села на скамью и стала ждать — не хотелось отправляться домой без Энцо. Я думала о нем все это время, и с каждой минутой мне становилось все тревожнее. А что, если с ним все не так хорошо, как говорит доктор? Что, если его рана намного тяжелее? Что мы будем делать дальше? От нас ведь не отстанут просто так, наверняка будут и другие допросы, и тогда...

Энцо медленно спустился по лестнице — он старался держаться уверенно и бодро, но, судя по тому, с какой осторожностью он шел, его рана была не так проста, как он пытался показывать. Я бросилась к нему — Энцо осторожно приобнял меня левой рукой и негромко произнес:

— Ну вот и все. Теперь можно и домой.

— Можно, — откликнулась я, и несмотря на боль в плече и бледное лицо Энцо, мне стало легко.

Когда автомобиль остановился у ворот, и мы вышли в жаркое летнее утро, которое дышало цветочными запахами и горячими южными красками, то Энцо удивленно посмотрел в сторону дома и улыбнулся.

— Надо же! Целая делегация!

— У нас гости! — воскликнула я. У ворот стоял Гвидо — компанию ему составляли Лука, Сандро и Торигроссо, и я вдруг уловила потрясающий запах торта с ананасом. Лука и Сандро захлопали в ладоши, Гвидо с достоинством поклонился и произнес:

— Рад, что вы вернулись, господин Энцо. Госпожа Эрна, я вас не подвел.

— Не подвел, это точно! — подтвердил Лука. — Конечно, ты готовишь намного лучше, но...

— Но я готовил сладости второй раз в жизни, — оборвал Гвидо, и в его голосе зашелестели льдинки. Лука поднес указательный палец к губам: молчу, молчу. — Гости довольны моими десертами, так что если господин Энцо не против, я смогу вас подменять у плиты.

— Спасибо вам, Гвидо, — я с улыбкой протянула ему руку; голем осторожно пожал ее, словно боялся повредить. — Словами не передать, как я вам благодарна.

Мы прошли в столовую — там я поняла, что пока геройствовать не стоит, и почти без сил опустилась на один из мягких стульев. Куриный суп с пряностями и сухариками издавал удивительный аромат, и Энцо, который сел со мной рядом, негромко произнес:

— Поешь. Нам с тобой надо отдохнуть, поправляться и набираться сил. Вот, бери пример с господина Торигроссо.

Полицмейстер, который тем временем энергично принялся за суп, даже глазом не повел.

— Полицейская привычка, — ответил он. — Ешь и спи, как только появится возможность, кто знает, когда ты сможешь это сделать в следующий раз.

— Отличная привычка, — одобрила я и взяла ложку.

Когда я вот так сидела за столом с друзьями — с веселыми разговорами, улыбками, вкусной едой? Кажется, это было впервые;

поняв это, я почувствовала легкий укол тоски. У ведьм не слишком-то много друзей — но я встретила инквизитора, и моя жизнь изменилась.

Моя жизнь стала хорошей, по-настоящему хорошей — и я не собиралась ее терять.

— А где Итан? — спросила я, бросив взгляд на полицмейстера. Тот расплылся в довольной улыбке.

— Уехал утром с бывшей женой. Они и развелись-то потому, что он слишком много работал. Теперь к работе не имеет никакого отношения, а она сразу сказала, что он человек хороший.

Я была знакома с Итаном Хатчиссоном всего несколько минут, но почему-то твердо знала, что его бывшая жена права. Может, теперь она станет не такой уж и бывшей?

После обеда Энцо помог мне подняться в спальню. Когда я устроилась на кровати, понимая, что готова проспать до вечера, он негромко сказал:

— Знаешь, я очень рад, что все это закончилось.

— Я тоже рада, — призналась я. — Но нас еще будут допрашивать. И в стране есть другие «Убежища».

Когда я думала об этом, то во мне пробуждалась тревога. Мы погрузили в желе всего одну клинику — а сколько еще улучшенных ведьм готовят в таких местах? Что еще они способны сделать? Поднимать из морей мертвецов, переставлять местами земли, рассыпать города в крошку?

— Есть, — кивнул Энцо. — И у меня есть мой кусочек земли, который я избавил от сорняков. Это лучше, чем ничего.

Он устало улыбнулся, и я улыбнулась в ответ. Эта часть нашей жизни закончилась — теперь мы пойдем дальше. Я по-прежнему буду готовить десерты в «Белой цапле» — пока я лежала на больничной койке, мне пришла в голову пара рецептов, которые хотелось опробовать как можно скорее.

— Чем займешься теперь? — спросила я. Энцо пожал плечами — потом снял пиджак, разулся и осторожно опустился на кровать рядом со мной. Мы обнялись, и я наконец-то почувствовала, что моя душа успокаивается.

— Торигроссо предлагает мне поработать в полиции. Пожалуй, приму это предложение через пару дней. А ты примешь другое.

Я шевельнулась в его руках — приподнялась, посмотрела ему в лицо: Энцо выглядел очень серьезным, но в глазах плавали смеющиеся золотые искры, делая его совсем молодым и беспечным.

— Какое именно предложение? — уточнила я, чувствуя, как в груди начинает ворочаться удивленная радость.

— Мы сражались вместе, — ответил Энцо. — Мы живем вместе. Мы нравимся друг другу, так зачем тянуть? Осталось лишь поставить пару подписей на документе в городской управе — так, утрясти формальности — и жить. Пойдем дальше вместе, у нас это неплохо получается.

Я смогла только открыть и закрыть рот. Пара подписей на документе? Выйти замуж?

Когда-то я мечтала об этом. А потом перестала. И вот моя прежняя мечта вернулась и накрыла меня с головой, и я стою, счастливая, и жмурюсь от своего счастья, как от морских брызг...

Неужели счастье все-таки возможно? Возможно для меня?

Кажется, Энцо искренне нравился мой растерянный вид. Он легонько поцеловал меня в губы и добавил:

— И очень хочется узнать: будут ли дети у ведьмы и инквизитора? «Белая цапля» была закрыта на свадебный банкет.

Я порывалась приготовить десерты сама, но Гвидо и Лука одинаковым движением погрозили мне пальцем и чуть ли не хором сказали:

— Даже не выдумывай!

Невесте полагалось заниматься платьем, цветами и прической, но все эти хлопоты казались мне какими-то ненужными. Я выходила замуж за человека, с которым сражалась с чудовищами, и дальше мы собирались идти по жизни вместе — только это имело смысл, а не цветочки, финтифлюшки и форма выреза. Но я все же отправилась в магазин: там продавщица подобрала мне нежно-персиковое платье-футляр, в котором я смотрелась стильно и сдержанно. Когда я вышла из примерочной, то продавщица протянула мне небольшую шляпку с вуалью и сказала:

— Сейчас это самое модное. Вся столица покупает.

Что ж, тогда и я куплю.

Все-таки это свадьба. То событие, которое бывает один раз в жизни.

Свадебное утро выдалось солнечным и свежим. Когда, одевшись, я спустилась в гостиную, чтобы отправляться в управу, то Энцо поднялся мне навстречу с дивана и, протянув маленький букет роз, негромко произнес:

— Не хочу говорить банальности, но ты прекрасна.

Я приняла цветы, чувствуя, что во мне все прыгает и поет — волнение было таким сильным, что я не знала, что делать: броситься в пляс или закричать во все горло. Я выходила замуж. Я выходила замуж за Энцо Саброру, который еще недавно пугал меня до коллик.

И вот мы готовились стать мужем и женой. Когда мы сели в автомобиль, то я вдруг сказала:

— Это не похоже на то, о чем пишут в романах. Совсем не похоже.

Автомобиль выехал на улицу, и Энцо спросил:

— И о чем же пишут в романах?

— О любви, от которой захватывает дух. О том, как герой прикасается к героине, и она теряет разум от восторга, — я вдруг рассмеялась: так нелепо это все прозвучало. — И потом они не могут сдержать свою страсть, и в конце обязательно свадьба и бесконечная любовь, и все такое.

Энцо тоже улыбнулся. Мягко сжал мою руку.

— Ну у нас тоже свадьба, — произнес он. — Но это ведь не конец, а только начало. Самое интересное еще впереди.

— Или вот еще я читала книгу, — продолжала я, понимая, что говорю глупости, но это единственный способ справиться с волнением, которое готово было разорвать меня на части. — Там женщина жила с мужчиной и все думала, как бы его продавить на женитьбу? Два с половиной года увивалась вокруг него, а потом он хлопнул ее по задку и спросил: ну что, не жениться ли нам? И сам ответил: не жениться. И без того все хорошо.

— Слава богу, у нас не так, — рассмеялся Энцо. — Потому что мы нормальные люди, — он помолчал и добавил: — И потому, что ты научила меня правильно смотреть на людей.

Автомобиль остановился возле городской управы: утром здесь почти никого не было, но, как только Энцо помог мне выйти из машины, то рядом сразу же нарисовались зеваки, и кто-то с веселым криком:

— Совет да любовь! — бахнул хлопушкой, осыпав нас пестрыми кружочками конфетти, и мы вошли в управу, с хохотом вытряхивая конфетти из волос. Отсмеявшись, Энцо посмотрел на меня совершенно серьезно и сказал:

— Я хочу идти с тобой по жизни дальше. Пойдем?

И мы пошли.

Свадебная церемония была недолгой. Сотрудница управы прочла небольшую напутственную речь, выражая искреннюю надежду, что мы будем жить долго и счастливо, и мы поставили подписи в свидетельстве о браке. Когда через четверть часа мы вышли из управы, то Энцо спросил:

— Каково чувствовать себя госпожой Саброра?

— Не знаю, — искренне ответила я. — Еще не разобралась. Но мне это нравится!

«Белая цапля» была закрыта на свадебный банкет. Гостей было совсем немного, но все важные и хорошие. Марун принес огромную корзину с экзотическими фруктами, каких я даже в книгах не видела, и, бросив вопросительный взгляд в сторону Энцо и получив одобрителный кивок, вынул два браслета, сплетенных из пестрых ниток.

— Такие муж и жена надевают на юге, — объяснил он, завязывая браслеты на наших запястьях. От нитей веяло теплом и легким, едва уловимым запахом ландыша. — Чтобы любить друг друга, понимать и заботиться, разделять и сложности и радости. И чтобы детишек было побольше!

— Мы будем над этим работать, — совершенно серьезно ответил Энцо.

Полицмейстер принес букет цветов и конверт — передав его Энцо, он признался с искренним смущением:

— Не великий я мастер дарить подарки, так что всегда приношу просто деньги. Никто никогда не скажет: «А они у меня уже есть».

Потом пришел черед Гвидо дарить подарки: он протянул нам две подвески на цепочках. Я приняла свою: с золотого овала на меня смотрело лицо святой Клары, тихое и ласковое.

— Когда-то они принадлежали вашей матери, господин Энцо, — объяснил Гвидо. — Перед смертью она отдала их мне и просила

передать вам в день вашей свадьбы. Это ее подарок... а мой в том, что я по-прежнему буду вашим слугой и другом.

Мы обнялись, и я едва не расплакалась, настолько это было искренне и трогательно. На кухне что-то хлопнуло, и Лука воскликнул:

— Да не здесь! Мы потом эти конфетти из салатов не вытрясем.

— Можно и здесь, — ответил Сандро, выходя в зал и дергая за нитку очередной хлопушки: — Как говорил наш капитан, чем громче, тем веселее!

Они выкатили в зал столик с едой, обменялись с Энцо рукопожатиями, и Лука сказал:

— А от нас — хорошая еда и наша дружба. И еще вот что, — он протянул Энцо стеклянный цилиндр, в котором я увидела аккуратный столбик золотых монет. — Господин полицмейстер прав, о таком никто не скажет «У меня это есть».

Мы сели за стол — хлопнули пробки, освобождая южное шипучее, бокалы наполнились до края, и начался пир.

И черничные кексы на нем тоже были. Гвидо приготовил их по всем правилам: сладкие, но не до приторности, сочные, но не сырые, с целыми ягодами черники — хорошие кексы это истинное наслаждение, и мы ими наслаждались от всего сердца.

Эпилог

— Вот так. Высыпай осторожно.

Вера аккуратно высыпала стакан муки в яично-сахарную смесь — добрая треть муки при этом все равно оказалась на лице, руках и волосах, но к этому мы давно привыкли. Когда ребенок приходит на кухню, то потом надо отмывать и кухню, и ребенка, и себя заодно.

Я не имела ничего против. Без шалостей на кухне и их последствий, без пирогов и кексов, без смеха и объятий не бывает хорошего детства. К тому же Вера искренне старалась научиться готовить, и меня это радовало. У Черничной ведьмы и ее инквизитора родилась дочка, и я знала, что она возьмет самое лучшее от нас обоих.

От меня — умение готовить. От Энцо — умение сражаться за то, что считаешь правильным. Я смотрела, как она растет, и от тихой нежности сжимало горло, а слезы подступали к глазам.

Наша Вера будет лучше нас. Намного лучше. Она станет расти в том мире, который мы с Энцо хоть чуть-чуть, но смогли изменить.

— Еще! — распорядилась Вера. — Надо еще сахара!

В свои три года она командовала нами, как заправский генерал, и я готова была поклясться, что Энцо это нравится. Когда Вера становилась совсем строгой, он просто подхватывал ее, усаживал себе на плечи и уносил в сад — девочка заливалась восторженным хохотом, а Гвидо, глядя на это, постоянно тревожился:

— Осторожно, господин Энцо! Не уроните! — потом он оборачивался ко мне и сообщал: — Я всегда говорил это его отцу. И деду, и прадеду...

— И обязательно скажете нашим внукам и правнукам, — с нескрываемым теплом говорила я. — Обещайте, что скажете.

После того, как родилась Вера, я недолго сидела дома. Когда девочке исполнилось полгода, я вышла на работу в «Белую цаплю». Лука смастерил для Веры специальный стул: она сидела в нем, словно королева, наблюдая за тем, как трудятся ее верные подданные, и изредка стуча ложкой по столику и требуя чего-нибудь вкусенького. Тогда Сандро нес ей тарелку с пюре из брокколи — Вера обожала его — и с поклоном говорил:

— Ах, сухопутная моя девчуля, кушай на здоровье!

За это ему ласково прилетало ложкой по лбу — Сандро не возражал.

Торигроссо однажды тоже получил ложкой по лбу — Энцо пригласил его на обед, и полицмейстер захотел полюбопытствовать, а что же это кушает такая хорошая, такая славная маленькая девочка? Славная маленькая девочка тотчас же сказала:

— На! — и ложка полетела отработанным курсом. Полицмейстер потер лоб и заявил:

— Ну, решительная у вас девчонка растет! Надо ее к нам, это точно. В полиции такие смелые всегда нужны.

Почему бы и не полиция? Вера росла, в ней не было ни капли магии, зато смелости и упрямства хоть отбавляй — это было видно, когда она решительно шла через сад по своим детским делам вроде усаживания кукол на спину кошке или ловля лягушек в фонтане. Энцо смотрел на нее и говорил:

— Нет, ей точно нужна компания. Младший брат, например.

— Не боишься, что вдвоем они разрушат весь Марнахен? — спрашивала я.

— Не боюсь, — отвечал Энцо, и его лицо озаряла спокойная мечтательная улыбка. — Думаю, это будет очень интересно.

Потом он вынимал Веру из фонтана, освобождал кошку из цепких ручек и нес в комнату — приводить в порядок, а потом учить буквы и читать сказки. По вечерам мы усаживались в саду и пили чай с кексами: вот и сегодня Вера помогала мне их готовить.

— Смотри, что теперь делаем, — сказала я и показала дочке тарелку с подсушенными ягодами черники. — Припудрим их немного мукой. А потом аккуратно внесим в тесто, чтобы ягодки не полопались.

— Поняла! — смело заявила Вера. Мы обсыпали мукой чернику и себя, с хохотом взяли ложки и принялись мешать: Вера старалась так, что даже высунула язык. Ни одна ягода не лопнула и не выпустила сок. Уложив в формочки пергаментные капсулы, мы стали заполнять их тестом.

— Ну вот, — сказала я, когда все было готово, и формочки отправились в духовку. — Сейчас они испекутся, мы их остудим и посыпем сахарной пудрой.

— И папе дадим! — сказала Вера. Я вывела ее из-за стола, и мы пошли умываться. — И Гвидо угостим! И дяде Андреа тоже положим!

В нашем мире жили кошки, кексы и друзья, любовь и тепло наших сердец. Этого хватало, чтобы делать его открытым, свободным и настоящим. Это было то, в чем нуждались все мы.

— Обязательно, — улыбнулась я, чувствуя, как в душе разливается тепло. — Нет ничего лучше хорошего черничного кекса для друзей, можешь мне поверить!